

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ И ПРАВА
ИМ. А. БАХОВАДДИНОВА**

РОСТАМ ШИРАЗИ ФАРХАД ХАССАН

**ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ИРАНСКОГО ОБЩЕСТВА
(СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Специальность: 09.00.11 – социальная философия

Научные руководители:

Махмаджанова М.Т. - доктор
философских наук, профессор,

Саидов А.С. - доктор
философских наук, профессор

Душанбе 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....3-16

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ

§1.1. Онтологическая безопасность и идентичность: понятие,
сущность и формы.....17-53

§2.1. Взаимосвязь политической идентичности и онтологической
безопасности.....53-81

ГЛАВА II. ИДЕНТИЧНОСТЬ ИРАНСКОГО СОЦИУМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

§1.2. Формирование и сущность новой идентичности иранского
общества.....82-106

§ 2.2. Политическая идентичность и онтологическая безопасность
Ирана в рамках его международных связей.....107-139

Заключение.....141-146

Список использованной литературы.....147-168

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Как известно, в период бурной глобализации мира под угрозой оказывается система онтологических ценностей, в которых находят своё отражение уникальный смысл жизни членов конкретных национальных обществ и весомость самореализации индивида. Непрочная и кризисная ситуация, тотально охватывающая все сферы деятельности в современном обществе, которая сопровождается увеличением массовых страхов и пессимистических настроений, усиливается в условиях конфликтов цивилизаций. Деструктивными следствиями таких столкновений являются негативное воздействие на эмоциональную и оценочную деятельность человека, ориентация на нормы гедонизма и утилитаризма, усиление чувства страха перед неопределённостью своего будущего, в связи с чем, возрастает не только психологическая напряженность в обществе, но и появляются основания для разрастания кризиса онтологической безопасности. Всё это формирует благоприятную почву для распространения неадекватных типов поведения, росту девиаций в обществе и экзистенциального отчуждения его членов.

Более того, современные глобализационные процессы ставят стабильное функционирование и эффективное развитие любого общества в прямую зависимость не только от наличия онтологической безопасности, но и от его идентичности. Анализ концептуальных, теоретических и практических основ формирования и развития понятия идентичности позволяет рассматривать первопричины не только внутренних социокультурных, экономических и политических изменений в социуме, также и возможных внешних источников, приводящих к противоречию и конфликтов, выделить эффективные пути их предотвращения.

В этой связи следует подчеркнуть, что Иран - одно из древнейших государств мира с богатой историей, занимает важное геополитическое положение на евразийском континенте и обладает уникальной этно-

социальной психологией. В новейшей истории этой страны для формирования её современной идентичности, ключевым событием выступает Исламская апрельская (1979 года) революция, которая послужила толчком в укреплении онтологической безопасности иранского общества.

Последнее, несомненно, всегда имело базовое культууроформирующее значение. А события, вызванные апрельской революцией и непосредственно связанные с ней, являются основанием для формирования новых ценностей, установок и экзистенций, составляющих иранскую идентичность, которая имеет много идеологических концептов.

Обращение к вопросу об иранской идентичности является актуальным и ещё потому, что оно предполагает выявить те компоненты, которые влияют на формирование представления о роли Ирана на Ближнем и Среднем Востоке, и позиций государства в системе внутри исламских связей, исходящих из универсальности шиитской революционной идеологии.

Думается, не менее весомым аргументом для обоснования актуализации данной темы является необходимость социально-философской трактовки онтологической безопасности в контексте современного понимания идентичности общества. Более того, междисциплинарный подход к анализу онтологической безопасности традиционного иранского социума в условиях глобализации, требующий изучения трудов в области социальной психологии, теории социального действия и социологии коммуникации, позволяет расширить и саму социально-философскую науку, включив концепции экзистенциальных основ поведения в ее концептуально-методологический аппарат.

Поэтому проблемы онтологической безопасности общества в современном многополярном мире, связанные с незащищенностью укоренённых духовных основ человеческого бытия - страхом, тревожностью и отчаяньем, являются востребованными и требуют новых научных исследований, а также формирования корректных методологических подходов к феномену онтологической безопасности субъектов разного

уровня в условиях грядущей глобализации.

Степень научной разработанности темы исследования. Хотя о проблеме безопасности в различных ее модификациях в науке имеется огромное количество исследований и публикаций, однако самой теме онтологической безопасности её влияние на формирование идентичности практически не посвящена ни одна разработка. Более того, данная проблема на примере иранского общества в современной обществоведческой науке изучена недостаточно, а социально-философская её интерпретация отсутствует вообще.

Поэтому анализ проблемы безопасности вообще и её влияние на формирование идентичности личности и общества, основанное на фундаментальных социально-философских знаниях и методологических подходах, в соответствии с которыми выстраивается интегральное знание об источниках рисков и угроз человеческому существованию, предполагает, прежде всего, выявления её онтологических основ.

Следует отметить, что термин «онтологическая безопасность» впервые был выдвинут Лайнгом (Laing) в 1960 году для обозначения экзистенциального состояния человека с "устойчивым чувством реальности и идентичности как своей, так и других людей".¹ Первоначально это понятие широко применялось в психиатрии и социальной психологии, а, затем, исследователи его стали использовать и в других гуманитарных науках.

Онтологическая безопасность как экзистенциальная проблема, незащищенность человеческого бытия, страх, тревожность и отчаянье наиболее ярко раскрываются в трудах представителей экзистенциализма А. Камю, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, К. Ясперса и других.²

Немалое значение для изучения онтологической безопасности субъекта имеют также труды В. Франкла, внёсший в науку ключевое понятие – «экзистенциальный вакуум». Данное понятие им использовалось как

¹ Laing R.D. The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness. Harmondsworth, 1965;

²Название трудов этих и других приведённых в диссертации исследователей указаны в «Списке использованной литературы».

обозначение ощущения внутренней пустоты, которое возникает у человека в результате «бегства от себя» или отказа от жизненных целей, уникальных смыслов и личных ценностей.

Происходившие значимые перемены в мире в конце прошлого столетия, выдвинули новые требования относительно актуализации проблемы онтологической безопасности субъекта, что указывает на факт возникновения новой тенденции в исследовании данного феномена. В этом плане наибольший интерес представляют труды Д. Белла, У. Бека, Н. Лумана, Т. Гидденса, П. Штомпки и других.

Влияние научно-технологического прогресса на общество, являющегося определённой угрозой онтологической безопасности общества, рассмотрено в исследованиях Е. Ласло, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы и других.

Философское осмысление динамики современной социальной системы, которая обусловлена интенсивным проявлением идентичности, содержится в публикациях М. Кастельса. Исследования таких учёных, как С. Г. Карамурза, Г. Маркузе, С. Московичи, Г. Г. Почепцова, И. Н. Панарина, А. В. Соколова посвящены раскрытию манипулятивного потенциала пространства сетевой коммуникации, а также его влияние на онтологическую безопасность субъектов разного порядка.

Определённый интерес в теоретико-методологическое исследование онтологической безопасности общества, внесли современные российские исследователи: В.Э.Шляпентох, В.Н.Шубкин, В.А.Ядов и другие. В условиях сетевой коммуникации актуальным становится феномен киберагрессии, изучению которого посвящены работы В.А.Внебрачных, И.В. Ксенофонтовой и других.

Что касается понятия «идентичность», то оно было введено в научный оборот известным американским психологом Эриком Эриксоном. Данный термин широко и повсеместно стал ведущим для очень многих исследований в различных социальных науках во многих странах мира. Обычно,

центральным моментом в определении содержания этого понятия выступает отождествление индивида (социальной группы, социума) с определенным образцом социального поведения, статусом, ценностями, определенной картиной мира.

Вопросы идентичности и возможности вариантов классификации идентичностей высказываются в работах В.С.Малахова, Дж.Мид, А.Вагнера, Ч.Кули, С.С.Чистяковой, Н.И.Тимофеева, Т.Г.Стефаненко, М.В.Заковоротной, Э.Гоффмана, М.М.Предовской, Е.А.Беляковой, М.Д.Щелкунова, А.А. Крылова.

Идентификация как социальная категория рассматривается А. Тэшфелом, Дж.Тернером, К.Клакхоном, О.Богатовой, А.Г.Большаковым, Н. Лукманом, П.Бурдые, О.Саркисовой, А.Мокроусовым, Е.Суровой, Ю.В. Олейниковой. В качестве социального конструкта идентичность представлена в трудах О.Оберемко, М.М.Предовской, Е.А.Беляковой, З.Баумана.

Среди множества парадигм социально-философского знания, большим потенциалом в объяснении политической идентичности, обладает конструктивизм, представленный работами Ф.Барт, Б.Андерсон, П.Бурдые, П. Бергер, Т.Лукман, Г.Гарфинкель, М.Бунге, Дж.Р.Серл, Э.Хобсбаум, С.В. Соколовский, В.А.Тишков, Э.Геллнер, Б.Е.Винер, Д.С.Циванюк, Е.А. Белякова, В.Н.Давыдов, М.В.Смагина.

Примечательно, что в большинстве указанных работ рассматривается не более узкое по объему понятие «политическая идентичность», а более широкое - «социальная идентичность», что также необходимо для изучения темы нашего исследования.

Изучению отдельных аспектов онтологической безопасности и её влияние на политической идентичности Ирана посвящены и ряд работ самих иранских исследователей, к числу которых можно отнести Чахонгир Карими, Саидчалол Дехкони Фирузабади, Махмуд Яздонфахм, Чаъфари Валадони Асгар, Хумайро Маширзода, Шахруд Амир Интихоби, Шер Гуломи Халил и др.

Для осмысления онтологической безопасности и её влияние на политическую идентичность Ирана ценен опыт ученых Таджикистана по изучению теоретических проблем политической идентичности и безопасности РТ. Этим вопросам посвящены работы Абдулхакова М.М., Асадуллоева И.К., Зокирова Г.Н., Махмадова А.Н., Самиева А.Х., Шарипова С.И., Шоисматуллоева Ш.Ш., Хайдарова Р.Н., Хакимова Р.Б., Ятимова С.С. и другие. В публикациях названных авторов рассмотрены концепция национальной безопасности, ее особенности, национальная и политическая идентичность в рамках защиты национальных интересов РТ, что непосредственно имеет отношение к онтологической безопасности и идентичности общества.

Однако следует подчеркнуть, что, исследование проблемы онтологической безопасности и её влияние на идентичности иранского общества, тем более в ее социально-философской интерпретации, пока ещё в науке не проведено.

Объектом исследования является феномен онтологической безопасности и его влияние на формирование идентичности современного общества.

Предметом анализа выступает проявление специфики онтологической безопасности и его влияние на формирование политической идентичности иранского общества.

Цель исследования – выявление условий и факторов онтологической безопасности, механизмов обеспечения и её влияние на формирование политической идентичности современного Ирана.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие **исследовательские задачи**:

- проанализировать теоретические основы исследования проблемы онтологической безопасности через попытки раскрывать её сущность и формы проявления;

- охарактеризовать взаимосвязь онтологической безопасности и идентичности, их взаимовлияния в условиях глобализационных процессов в мире;

- исследовать иранскую идентичность в контексте развития современного мира, прежде всего, в рамках политической самоидентификации Ирана, на примере его ядерной программы;

- выявить предпосылки формирования ядерной идентичности иранского государства, как один из детерминантов его онтологической безопасности;

- определить онтологическую безопасность и идентичность Ирана в системе современных международных отношений.

Теоретико-методологическая база диссертационной работы. Теоретической базой исследования стали научные работы иранских, отечественных и зарубежных философов, психологов, социологов, теоретиков ядерных программ, посвященные исследованию различных аспектов проблематики онтологической безопасности и идентичности субъектов различных уровней.

С целью социально-философской интерпретации понятия «онтологическая безопасность» в анализе использовались концепции таких видных психологов, как Р.Лайнг, Э.Эриксон, теории представителей экзистенциализма - А.Камю, Ж.-П.Сартра, М.Хайдеггера, К.Ясперса, где рассмотрены вопросы страха, свободы и ответственности, смысла жизни и отношения к смерти и т.д.

Для изучения мотивов угроз онтологической безопасности субъекта наиболее эффективными считаются теории манипуляции сознанием и поведением, формирования массовых страхов и другие. Среди них важное место занимают труды В.Франкла, который разработал представление об экзистенциальном вакууме.

В диссертации при анализе проблемы применены методы сравнительно-исторического анализа развития сетевой коммуникации и

сетевой принцип организации современной действительности общества, а также использованы общенаучные методы, при категориальном анализе основных понятий, междисциплинарный подход, основанный на использовании теоретических достижений социологии, социальной философии, политологии, психологии и коммуникативистики.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- уточнено, что онтологическая безопасность, исходя из её сущности и форм проявления, представляет собой феномен, связанный с устойчивостью системы экзистенциальных ценностей и ориентаций, определяющей субъектную ценностную позицию и адекватное психоэмоциональное отношение к миру, которые обуславливают действия личности, социальных групп и общества, а также выражают внутреннюю основу их социокультурных связей;

- определено, что онтологическая безопасность субъекта и его идентичность тесно связаны друг с другом, и они взаимообусловлены. Доминирующей в этой взаимосвязи, в конечном счёте, выступает онтологическая безопасность, которая непосредственно может повлиять на процесс формирования идентичности личности, социальных групп и общества в целом;

- установлено, что меры обеспечения онтологической безопасности иранского общества в условиях растущей глобализации представляет собой совокупность духовных, социально-психологических и индивидуально-личностных механизмов, обеспечивающих эффективность формирования его идентичности;

- выявлено, что иранская идентичность, наряду с другими предпосылками, в контексте развития современного мира, может формироваться и в рамках политической самоидентификации Ирана, на примере его ядерной программы;

- обосновано, что онтологическая безопасность и идентичность Ирана в системе современных международных отношений тесно связана с

сотрудничеством ведущих мировых держав с этой страной в сфере ядерной энергетики в конце XX, начала XXI веков. В этом направлении большое значение имеют многоплановые и разноаспектные проблемы ирано-российских, ирано-американских и ирано-европейских отношений в этой области.

Исходя из указанных пунктов новизны, на защиту выносятся следующие положения:

1. Исследование феномена безопасности, осуществляемое традиционно в русле военного знания (военная безопасность), а затем политологии (национальная безопасность), сегодня активно реализуется представителями экономического знания (экономическая безопасность), технического знания (технико-технологическая безопасность), экологами (экологическая безопасность), информатологами (информационная безопасность) и т.д.

Вместе с тем в науке сложилась ситуация отсутствия единого концепта «безопасность», способного выполнять методологически-регулятивную роль в разных сферах научной рациональности. Об этом дефиците философского знания свидетельствует то, что в одних науках безопасность определяется как свойство системы, в других - как состояние системы, в-третьих, - как совокупность условий, обеспечивающих отсутствие угроз для жизни людей. На этой основе возникает необходимость социально-философского осмысления одного из самых сложных видов безопасности – онтологической, и её влияние на формирования идентичности общества.

2. Происходящая современной обществоведческой науке трансформация представлений об онтологической безопасности общества, обусловлено эволюцией таких ее экзистенциальных детерминантов, как страх, тревога, свобода, ответственность, самореализация, поиск смысла жизни. В таком аспекте безопасность субъекта представляет собой культурную цель развития человека, связанную с переживанием и преодолением страха, отчуждения, с поиском смысла жизни и

«экзистенциальной эмансипацией». На современном этапе развития человеческой цивилизации фобия является одной из движущих сил ее развития и основой идентификации общества, что вносит в проблемную область онтологической безопасности такие категории, как риск, угроза, доверие. В связи с чем, онтологическая безопасность на всех субъектных уровнях – личности, групп и общества, определяется общим доверием и социальным порядком, переходящим в условиях глобализации в концепцию устойчивого развития.

3. Идентичность общества, как проблема, возникает именно тогда, когда она перестает быть самоочевидной и опираться на максимально однозначное значение образующих ее символов, когда начинает происходить отделение символических элементов идентичности от социально-онтологических сущностей, обозначаемых ими.

В зависимости от типа групповой принадлежности принято выделять различные виды идентичности: профессиональную, гражданскую, этническую, политическую, религиозную и культурную. Среди всех видов идентичности немаловажный интерес представляет политическая идентичность - отождествление субъектом политического процесса себя с определенной политической позицией и признание этого другими субъектами политических отношений, на основе саморефлексии. При этом процесс идентификации, результатом которой является политическая идентичность, включает в себя и оценку окружающих соответствия занимаемой позиции. В современных условиях особо значимое место в системе политической идентичности отводится ядерной идентичности, которая тесно связана с онтологической безопасностью общества и постоянно влияет на неё.

4. Иранская идентичность, прежде всего, в рамках политической самоидентификации Ирана, в контексте развития современного мира на примере его ядерной программы тесно связана с теми геополитическими процессами, которые происходят, как на Востоке, так в мире в целом.

В связи с чем, онтологическая безопасность общества, несомненно, выступает как один из детерминантов и предпосылкой формирования ядерной идентичности иранского государства. Атомная идентичность Ирана в свете различных сведений и информации о его мирных программах позволяет создать новое понимание и восприятие данного государства в мировом общественном мнении. Это выявление новой политической идентичности ИРИ стало созвучно с международными вызовами, создаваемыми со стороны США и Европы. Однако из-за географического расположения Ирана в Центральной Азии, Россия не восприняла положительно данную новую политическую идентичность Ирана.

Иранцы акцентируют внимание на том, что страны Запада, вступившие в полосу затяжного кризиса, совсем не годятся на роль менторов для государств, имеющих давний опыт самостоятельного развития и достаточно развернутую демократическую систему, пусть и отличную от западной. Они также уверены в том, что их политическая модель соответствует реалиям XXI века и органично вписывается в формирующуюся структуру многополярного мира.

5. Формирование ядерной идентичности ИРИ в системе современных международных отношений происходит под воздействием внешней политики страны, которая за последние 30 лет претерпела несколько существенных преобразований. Однако, несмотря на преобразования и перевороты во внутренней политике, разнонаправленные действия во внешней политике, некоторые действия Ирана и основа его политики имели постоянный характер. Изучение внешней политики и международных отношений в поиске ответа по поводу причин взлетов и падений внешней политики ИРИ объясняются на основе понятия физической безопасности. Главным мотивом неравномерных внешнеполитических действий Ирана в свете ее онтологической безопасности, скорее всего - это конфронтация и политические поиски для обеспечения своей онтологической безопасности. Точнее, в своей внешней политике Иран больше озабочен защитой своей

политической идентичности как исламского государства. Поэтому он отдает предпочтение обеспечению своей онтологической безопасности наполняя ее исламской идентичностью.

В соответствии с понятием онтологической безопасности ИРИ, а так же в целях обеспечения ею политической идентичности, необходимо учитывать целенаправленное использование Западом процессов, действий и традиций, с помощью которых страны Запада пытаются ослабить исламскую составляющую политической идентичности ИРИ и держать процессы, происходящие в нем, под своим контролем. Они тем самым, добиваются реализации своих интересов и эффективности своих действий и инициатив. Правительство же ИРИ для защиты собственной онтологической безопасности даже готово противопоставить Западу свою физическую безопасность. По этой причине правительство ИРИ для защиты своей исламской революционной суверенной безопасности обращается к непримиримым путям в своей атомной политике. На этой стезе его действия будут зависеть от рутинных и традиционных изменений, способных в высшей мере изменить политическую идентичность, как данного правительства, так и собственное самосознание, а также самосознание других акторов. В связи с чем, современную внешнеполитическую идентичность Ирана невозможно понять в отрыве от истории его отношений с ведущими странами мира - США, Германией, Великобританией, Францией и Россией.

Теоретическая и практическая значимость проведенного анализа заключается в том, что полученные результаты, раскрывающие специфику онтологической безопасности и идентичности иранского общества в условиях глобализации, позволяют фиксировать и подвергать дальнейшему изучению принципы и механизмы их обеспечения. Они также делают возможным прогнозировать появление новых рисков, спровоцированных ядерными угрозами и реализовывать программы по их предотвращению. На этой основе, обобщенное содержание работы даст возможность философам, политологам, социологам, психологам, аналитикам современной

геополитической ситуации, эффективно разработать политику обеспечения онтологической безопасности социума в условиях многополярного мира.

Сформулированные в исследовании выводы можно использовать для разработки общественными институтами социальных программ, направленных на минимизацию социальных страхов и общественной напряженности, профилактики девиантного поведения и эмоционального выгорания в процессе профессиональной деятельности. Материалы диссертации будут полезны в процессе преподавания социальной философии, философии, социологии и политологии в вузе, а также при подготовке учебно-методических материалов и пособий, при написании факультативных курсов и учебных программ для аспирантов по социальным и гуманитарным наукам.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Отраженные в диссертации научные положения соответствуют области исследования специальности 09.00.11 – Социальная философия: пункту 8. Социально-философская трактовка потребностей и интересов действующего субъекта; пункту 9. Проблемы современной философии сознания в их социально-философской трактовке. Феномен «свободы воли», роль сознания в праксеологическом отношении человека к миру. Сознательное, бессознательное и подсознательное в деятельности людей; пункту 11. Стимулы и механизмы становления человека и общества. Социально-философские проблемы антропосоциогенеза; пункту 12. Социально-философский анализ культуры как взаимосоотнесенных символических программ мышления, чувствования и поведения людей; пункту 23. Солидарность и конфликт как проблемы социальной философии.

Апробация диссертации. Работа два раза была обсуждена на заседании Отдела социальной философии Института философии, политологии и права им. А.Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан и рекомендована к защите по специальности 09.00.11 – социальная философия.

Основные положения и выводы диссертационного исследования

докладывались на республиканских международных научных конференциях.

Основные положения диссертации отражены в 5 публикациях, в том числе в 4 работах, опубликованных в ведущих рецензируемых журналах, определенных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, содержащих четырёх параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ ОБЩЕСТВА

§1.1. Онтологическая безопасность и политическая идентичность: понятие и сущность

Прежде чем рассмотреть понятие и сущность феномена онтологической безопасности, считаем необходимым, вкратце излагать эволюцию содержания категории «безопасность» в истории философии, которая, в общем плане, определяет существенные признаки безопасного существования объектов.

Уместно напомнить, что понятие «безопасность» в самом широком своём смысле - это такое состояние сложной системы, когда действие внешних и внутренних факторов не приводит к ухудшению системы или к невозможности её функционирования и развития.¹

Относительно социуму, безопасность - состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера, предполагающее установление политической, экономической и социальной стабильности в государстве, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества на основе партнерства.²

¹Заплатинский В. М. Терминология науки о безопасности. // Zbornik prispevkov z medzinarodnej vedeckej konferencie «Bezpečnostna veda a bezpečnostne vzdelanie». - Liptovský Mikuláš: AOS v Liptovskom Mikuláši, 2006, (CD nosic) ISBN 80-8040-302-3.

²Социологическая энциклопедия / Рук. д.по-лит.н; Г.Ю. Семигин. -М.: Мысль, 2003. -С. 83

При этом заметим, что, если понятие «безопасность» можно рассматривать, с одной стороны, как защищенность системы от какого-либо «поражающего фактора» или их совокупности, то, с другой стороны, безопасность – это еще свойство любой системы, условие ее существования и развития, это и процесс, и результат самой деятельности, предполагающий возможность её осуществления с точки зрения приемлемого риска.

Как известно, раньше термин безопасность, традиционно рассматривался в русле военных знаний (военная безопасность), а затем он стал широко использоваться в политологии (национальная безопасность). Сегодня этот термин активно используется представителями различных отраслей науки: экономики (экономическая безопасность), технической науки (технико-технологическая безопасность), экологии (экологическая безопасность), информатиологии (информационная безопасность) и т.д.

К тому же в современной обществоведческой науке сложилась ситуация, что пока единый концепт «безопасность», способный выполнять методологически-регулятивную роль в разных сферах научной рациональности, отсутствует. На это указывает хотя бы то, что исследователи феномена безопасность в одних случаях её определяют как свойство системы, в других - как состояние системы, а в-третьих, - как совокупность условий, обеспечивающих отсутствие угроз для жизни индивидов.

С целью выявить и фиксировать наиболее общих критериев данного явления, которые воспроизводятся в категории безопасности, стоит рассмотреть дифференциацию ее содержания в философской ретроспективе. В ракурсе историко-философского анализа начальные суждения, содержащие эту категорию, можно встретить в произведении античного философа Эпикура «Главные мысли». Достижение естественного блага, согласно Эпикуру, определяет суть безопасности: «Для того чтобы жить в безопасности от людей, существует благо, согласное с природой, и

посредством таких благ человек может себе это позволять».¹

В то же время, этот древнегреческий мыслитель акцентировал своё внимание и на гносеологические корни данного феномена: «нет никакой пользы готовить себе безопасность по отношению к людям, если есть подозрения (опасения) относительно того, что в вышине, под землей и в бесконечности вообще».²

В дальнейшем вопрос безопасности обсуждали другие выдающийся мыслители античности - Платон и Аристотель. Но, в отличие от своего предшественника - Эпикура, они обсуждали её главным образом в контексте социально-политических проблем. Так, Платон предполагал, что государство, используя законы, выступает основным гарантом безопасности членов общества и регулирования общественной.

Более того, его ученик и последователь - Аристотель убеждал, что необходимо «попытаться обеспечить безопасность, оберегаясь от всего разрушительного и устанавливая такого рода законы, и неписанные и писанные, которые в наибольшей степени являются спасительными для государственного строя»³, создавая ему условия для более продолжительного существования.

Примечательно, что ещё в те далёкие времена в характеристику безопасности мыслители включали важность охраны объекта (в их представлении - государства) от деструкции, так как его самая главная цель государства состоит в достижении добродетельной жизни, в обеспечении справедливости (например, у Аристотеля).

Следует отметить, что в древнем мире новые штрихи в постижение философии безопасности вносил ещё один легендарный мыслитель - Сенека. Он как один из основателей стоицизма в стиле своей философско-этической концепции приводит доводы, что «неоценимое благо – спокойствие и

¹ Эпикур. Главные мысли/Антология мировой философии: Античность. - Минск: Харвет, 2001. П. 2. - С.13.

² Там же.

³ Аристотель. Политика. /Аристотель. Соч. В 4 т. Т.4. - М., 1975. - С.577.

возвышенность духа, чувствующего свою безопасность».¹ Такая безопасность возможно, если индивид не испытывает страха, причиной которого являются удовольствие и страдание, силы, и они действуют крайне спонтанно и безудержно. Согласно его утверждению, находящимся в состоянии безопасности, можно назвать того, кто, благодаря разуму, не ощущает ни страстного желания, ни страха.

Заслуживает внимания тот факт, что Сенека, как и Эпикур, наряду с психологическими основами безопасности (отсутствие страха) акцентирует и роль разума, выделяя рациональный аспект в онтологии безопасности. Такой подход можно обнаружить и у Т.Мора в его произведении «Утопия», он излагает историю об использовании магнитной иглы (компас) в морских плаваниях, которую люди, встреченные путешественником, сначала использовали с робостью и только летом, а, привыкнув, начали использовать и зимой. Результатом этого, по его мнению, «явилась скорее их беззаботность, чем безопасность, поэтому можно опасаться, как бы та вещь, которая, по их мнению, должна была принести им большую пользу, не явилась, в силу их неблагоразумия, причиной больших бедствий».²

Заметим, что в истории философской мысли дальнейшая лабиализация понимания безопасности осуществляется в Новое время. В тот период, благодаря философским концепциям Т.Гоббса, Д.Локка, Ж.Ж.Руссо, Б.Спинозы и других мыслителей XVII-XVIII вв., термин «безопасность» приобретает широкое распространение в научных и политических кругах Европы. Под этим термином тогда понималось состояние, ситуация спокойствия, которая возникала в результате отсутствия реальной, как физической, так и моральной, опасности.

По сей день не утратили своё значение утверждения Т. Гоббса о взаимозависимости и взаимообусловленности безопасности личности, общества и государства. Подчёркивая, что добро и зло кроются в поведении

¹ Сенека. О счастливой жизни/Римские стоики. - М., 1989. - С.170.

²Мор Т. Утопия/Зарубежная фантастическая проза. В 2-х кн. Кн. 1. - М.: АСТ, 2002. - С.27.

людей, живущих в обществе, и отсюда задача безопасности личности и общества заключается в выработке определенных правил поведения между людьми, он пишет: «...Люди от природы имели право на все, следовательно, каждый из них имел право царствовать над всеми остальными. Но так как это право могло быть осуществлено только силой, то безопасность каждого требовала, чтобы люди отказались от этого права и общим соглашением всех поставили над собой людей, облеченных верховной властью, которые управляли бы ими и защищали их».¹

Подчеркивая указание на наличие защиты как характеристику безопасности, можно отметить и еще одну ее черту, которая заключается в необходимости сохранения относительного равновесия в правах между всеми гражданами, обеспечиваемого государством. В этой связи Б. Спиноза, подчеркивая связь между обеспечением безопасности и непосредственным функционированием органов управления, констатирует, что: «Для безопасности государства неважно, какими мотивами руководствуются люди, надлежащим образом управляя делами, лишь бы эти последние управлялись надлежащим образом. Ибо свобода, или твердость души есть частная добродетель, добродетель же государства – безопасность».²

Совершенно очевидно, что для всех существующих концепций Нового времени (рационалистических и иррационалистических), в основном, характерно рассмотрение безопасности только в социально-политическом контексте. В частности, А. Шопенгауэр рассматривает смысл законов государства как основы безопасности, доказывая, что важнейшая цель государства – безопасность, будет низвергнута, если закон останется неисполненным, исполнение закона – средство для восстановления общественной безопасности.³

Более того, выдающийся представитель немецкой классической

¹ Гоббс Т. Левиафан/Гоббс Т. Соч. В 2-х т. Т.2. - М., 1983. - С.278.

² Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Антология мировой политической мысли. Т. 1. - М., 1997. - С.350.

³ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление/Шопенгауэр А. Собр.соч.в 2-х т.Т.1.М.,1992.-С. 328.

философии Г. Гегель, развивая эту идею, особо отмечает роль разума в деятельности государства. Он, анализируя проблему свободы, акцентирует, что безопасность публичного выступления, то есть свобода слова, гарантируется безвредностью самих этих высказываний, основанной преимущественно на разумности государственного строя, прочности правительственной власти.¹

Особый интерес в изучении феномена безопасности представляет утверждение известного русского философа Н.А. Бердяева, что «искание авторитета есть искание критерия, который стоял бы над относительным и изменчивым множественным человеческим миром, который был бы сверхчеловеческим. Это есть искание гарантии и безопасности. Гарантия и безопасность связаны с социальной жизнью людей, а не с духовной жизнью». ² Он указывает на необходимости гармонии, равновесия, спокойствия как основы безопасности в социальных отношениях.

Безусловно, социально-философская интерпретация понятия «безопасность» способствует выявлению действительного многообразия ее сути, в котором можно выделить и некоторые тривиальные контуры. Это объясняется тем, что, во-первых, безопасность чаще всего указывает на отсутствие угроз, т.е., если в данный момент не существует какой-либо опасности для функционирования или эволюции какого-либо объекта, то данный конструкт находится в состоянии безопасности. Во-вторых, безопасность постоянно предусматривает присутствие защиты, то есть определённых форм и условий, охраняющих объект от деструктивного воздействия. В-третьих, безопасность считается как состояние гармонии, спокойствия, равновесия взаимодействующих сторон. Напоследок важно констатировать, что в историко-философском плане безопасность всегда рассматривалась только относительно человека, то есть она изначально имела антропо-онтологический смысл. При этом важно подчеркнуть, что

¹Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М., 1999. - С.354.

²Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1996. - С.453.

анализ понятия «безопасность» в ее онтологической ипостаси показывает ее внутренне противоречивое единство с понятием «опасность».

Как известно, семантически слово «безопасность» определяется как «...состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности».¹ Нельзя отрицать тот факт, что индивиды на протяжении всей жизни испытывают разного рода угрозы и риски, которые переживают как опасности, и они рождаются, чтобы преодолевать опасность и создавать условия для безопасного своего существования. В этой связи для них, как и болезнь, которая является опасностью, правда и ложь, любовь, ненависть и т.п. также выступают как опасность. Точнее, если по представлениям субъекта, его существованию не угрожает опасность, оно воспринимается им как безопасное. И напротив, человеком как рискованное определяется такое положение, в котором его существованию потенциально или актуально угрожает опасность. На этой основе, опасность можно трактовать как экзистенциал существования индивидов, то есть органическую часть их бытия.

Согласно существующих в науке утверждений, если опасность свойственна человеческой жизни, то о безопасности этого нельзя утверждать, так как она достижима как преодоление опасности при помощи установления защиты от угроз или их ликвидации, и она не всегда может являться действительностью. Безопасность осуществляется как асимметричная отсутствием опасности конкретность существования объекта. Иначе говоря, единство самого факта существования и отсутствия опасности представляет собой безопасность. Парадоксальность синтеза опасности и безопасности обнаруживается и в том, что опасное для одного есть, синхронно, безопасное для другого.

Не секрет, что индивид не способен предвидеть все угрожающие ему опасности, поскольку многие из них ему не известны по причине ограниченности его ресурсов познания или в силу других субъективных

¹Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1996. - С.38.

факторов. Тем не менее, субъект или даже социум способен опасное состояние превратить в разряд безопасных посредством обеспечения безопасности, а также принятием конкретных, для данного состояния, мер.

В этом плане совершенно обосновано определение понятия «безопасность», которое гласит: «Безопасность – это не только положение, при котором личности и обществу не угрожают опасности любого вида, но и способность противостоять существующим угрозам, сохраняя при этом внутреннюю устойчивость, целостность, это процесс, где под воздействием среды (природной и социальной) происходят изменения, направленные к устойчивости системы».¹ По своей сути, опасность и безопасность, в самом широком смысле, представляют собой единство противоположностей, которое обеспечивает существование и развитие системы, ее гармонию.

В то время, стоит подчеркнуть, что ведущее место в этой гармонии принадлежит безопасности, которая выступает в роли основного фактора сохранения системы. Тривиальный подход к анализу данного аспекта категории «безопасность» осуществляет российский исследователь В.С. Поликарпов, образно выразивший пропорцию опасности и безопасности в разрабатываемой им концепции интегральной безопасности в виде листа Мебиуса, который является иной формой математического знака вечности – кусающая сама себя за хвост змея.²

Согласно утверждению этого учёного, данный символ наиболее сообразно выражает соотношение опасности и безопасности, и более содержателен, чем общеизвестная символика китайской культуры - Инь и Ян. Следует напомнить, что лист Мебиуса, в отличие от циклического характера колебаний соотношения Инь и Ян, показывает плавное бесконечное перетекание одного (опасности) в другое (безопасность). Это свидетельствует об их тождестве и различии одновременно.

Среди исследователей есть и такие, которые предложили иной образ

¹Губанов В.М. Безопасность социума в концепциях современной науки и богословия. СПб., 2002. - С.24.

²Поликарпов В.С. Философия безопасности. СПб. Ростов-на-Дону. Таганрог: Изд-во ТРТУ. 2001. -С.123.

этого соотношения, имеющий биологическую природу, например, - образ молекулы ДНК.¹ Тождественность безопасности и опасности, которая представлена на примере молекулы ДНК, состоит из двух цепочек. Они спирально закручены одна относительно другой таким образом, что представляют зеркальное отображение друг друга. Здесь вся суть заключается в том, что там, где возникает опасность разрушения одного из элементов этой цепи, активизируется формирование структур, замещающих этот элемент в случае его утраты, в результате чего сохраняется стабильность системы, ее устойчивое функционирование.

Отсюда следует, что в онтологическом отношении безопасность может рассматриваться как противоположная сторона опасности, условиями чего, несомненно, выступают:

- защищенность объекта от воздействия разрушительных факторов;
- отсутствие угрозы существованию объекта.

Так как безопасность по своему содержанию всегда предметна и конкретна, поэтому она опосредуется опасностью. На этой основе можно заключить, что безопасность быть не может быть абстрактной и абсолютной для всех объектов одновременно. Это объясняется тем, что индивид способен наполнять смыслом не только свое существование, но и наличие иных вещей, поскольку он обладает сознанием и имеет возможность мысленного разотождествления с собой.

Данное свойство позволяет человеку рассматривать в контексте опасности и безопасности государство, общество, личность, права, интересы и любые другие объекты, что подтверждает основную характеристику безопасности - её конкретность и отнесенность к определенному объекту (природе, обществу, личности). Бесспорно, что при исследовании понятия «безопасность» необходимо истолковать его так, чтобы оно трансцендентным и консистентным образом пояснило все моменты его

¹ Гаранина О.Д., Наумова Т.В. Смысл экологической безопасности/Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сборник научных трудов кафедры философии МГПУ. Выпуск XVII. М.:Прометей, 2003. - С.47.

употребления.

В этом отношении нельзя не согласиться с исследователями, которые предлагают основные направления истолкования смыслов данного концепта. Они отмечают, что «Одно направление - это подход к безопасности как к многоаспектному состоянию, второе - как к многогранному представлению о том, каким должно быть такое состояние и каково оно на самом деле, третье - как к цели. Состояние безопасности может быть большим или меньшим, а то и вовсе отсутствовать. Цель может быть четко осознаваемой либо неясной, полуосознанной. Представление о безопасности может быть верным, например, правильно отражать состояние безопасности, либо искаженным - преувеличивать или преуменьшать реальную степень безопасности или небезопасности. В любом случае представление занимает определяющее положение по отношению к состоянию и цели. Ибо состояние оценивают в соответствии с представлением, а цель намечают под влиянием таким образом полученной оценки».¹

На наш взгляд, научно-философское определение безопасности должно отражать представление о её фактическом состоянии и отличительных признаков. Думается, что совершенно обосновано утверждение исследователей, которые всеобщими признаками безопасности считают следующее: 1) отсутствие угрозы существованию и развитию взаимодействующих объектов; 2) наличие защиты (способность объекта противостоять опасности); 3) относительность, предметность (отнесенность угрозы к конкретному объекту); 4) устойчивость (наличие стабильного равновесия во взаимодействии объектов).²

Таким образом, анализ процесса изложения содержания понятия «безопасность» и акцентирование её существенных признаков, характеризующих объективное существование изучаемого феномена, дает

¹Миграция и безопасность в России. Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. М.: Интердиалект+, 2000. - С.75.

²Гаранина О.Д., Усик И.В. Онтологические смыслы категории «безопасность» в философской ретроспективе.

основания для определения безопасности как специфической формы взаимодействия объектов, обеспечивающей их устойчивое существование и развитие. Именно взаимодействие составляет основу онтологической безопасности, поскольку вне его, без него, само понятие безопасности утрачивает смысл, так как в данном случае отсутствует угроза существованию объекта.

Обобщая имеющиеся в обществоведческой науке представления об онтологической безопасности, в краткой форме можно предлагать следующую её социально-философскую интерпретацию: «Онтологическая безопасность - это, присущее индивидам, социальным группам и обществу в целом чувство безопасности, упорядоченности и правильности их жизни, которое наиболее отчетливо ощущается в случае устойчивой собственной идентичности, не изменяющейся с течением времени».

Как следует и содержания определения рассматриваемого феномена, онтологическая безопасность неразрывно связана с идентичностью субъекта, т.е. его самоопределением и постоянно взаимодействует с ним. Поэтому согласно логике дальнейшего анализа проблемы, необходимо, вкратце рассмотреть сущность и содержание феномена «идентичности», который является сугубо человеческим свойством.

Характерно, что самоопределение человека, его отнесение к определенной группе себе подобных, считается традиционной темой рассуждений в социальной теории с древнейших времен. Попытки дать более или менее развернутый ответ на вопрос «Кто Я? С кем Я?» встречаются уже у древнегреческих философов.

Столь же продолжительным можно назвать и поиск ответа о сущности государства, власти, политики. В средневековых трактатах, как на Востоке, так и на Западе, поднимались вопросы сотрудничества государств, причины, по которым те или иные государства враждовали друг с другом или, наоборот, были союзниками.

В современной литературе имеются лишь небольшое количество таких

понятий, которые подобно понятию «идентичность» (identity) имеет столь широкое толкование и множество значений. Оно имеет близкие и дальние связи с большим количеством терминов, таких как «я» (I) в именительном, винительном падеже, меня (me, we – «мы»), себя (self, selfperception – «собственное самоощущение»), самопредставление (selfimage), самосознания (selfrepresentation), самооценки (selfawareness), самостроение (selfconcept), самоидентификация (selfidentity), эго (ego) и суперэго (superego), личность (personality). Данное понятие многоплановое, нам представляется, что оно распространено во многих областях знаний, начиная с философии - матери всех наук, и до географии, политологии и политики, администрирования, истории, экономики, литературы и лингвистики вкладывают в него свое значение.

В научный обиход понятие идентичности было введено выдающимся американским психологом XX века Эриком Эриксоном. Идентичность, по его выражению, признается «всеобщей и универсальной категорией». Она позволяет человеку ощущать себя непрерывным целым, включенным в определенный миропорядок и воспринимать собственную жизнь как опыт сознания, дающий возможность последовательных и взаимосогласованных действий. Идентичность, по Эриксону, представляет собой активный процесс, включающий в себя как сознательные, так и подсознательные элементы и структуры, нормальное функционирование которых приводит к адекватным действиям, а нарушения - к различным конфликтам и фрустрациям, которые могут вызвать разрушение личности.¹

По его мнению, моральная и национальная идентичность имеет функцию коллективного эго. Размышляя об идентичности американцев, описывая их национальный характер, он четко обозначил содержательные конструкты идентичности индивидуальной инициативы: протестантизм, индивидуализм, рациональную адаптацию к опасностям жизни и нахождение в индустриализации своей естественной среды.²

¹Эриксон Эрик Г. Детство и общество. Спб.: 5Ленато, 1996. - С.411-425.

²Там же. - С.34.

В этом отношении Эриксон обосновано утверждает, что идентичность есть метод структурирования особенностей личности, верований, знаний, практики и потенциалов каждого индивида, которые отличают его от других. Он придерживался гипотезы о том, что идентичность индивида формируется в первых неделях его жизни и продолжается всю его жизнь. Всякие изменения в этом процессе происходят в наиболее значимые моменты его жизни.

Общеизвестно, что начало широкого применения понятия идентичности в социальных науках относится к 60-ым годам прошлого столетия. Первоначально оно использовалось в социологии как «социальная идентичность», а затем, начиная с исследований «мичиганского проекта» - в политологии.

Поскольку предметом нашего исследования не является изучение феномена идентичности вообще, а раскрытие сущности только одного из его видов – политической, поэтому мы будем сконцентрировать своё внимание только на её анализ. Безусловно, история применения этого понятия в политологии позволяет прийти к выводу о том, что его актуализация в научных разработках является не равномерной, а представляет собой как бы три волны, с различными акцентами, преобладающими исследовательскими методиками и предметами анализа, первая из которых относится к 60-ым - 80-ым годам XX века. Применение термина «политическая идентичность» учеными этой волны наследует много содержательных концептов, относящихся к психологии и социологии. Вполне закономерно, что данное направление возникает в США (М. Шэнкс, У. Миллер, Т.Дж. Колтон, Г. Хайман, Ф. Гринстайн), распространяется к 1970-ым годам в Британии (Д. Батлер, Д. Стоукс), затем переходит в Западную Европу и Скандинавию.

Представители первой волны находились под сильным влиянием собственно психологической теории Эриксона и бихевиоризма. Их работы посвящались, в основном, партийным предпочтениям и электоральному поведению. Работы, специально посвященные внешнеполитической деятельности, авторами которых были бы представители этой волны, нам не

известны. В своей концептуализации они унаследовали от психологии положения о том, что люди обладают сходствами и различиями, которые пробуждают в них определенные ощущения, эмоции. Люди воспринимают политические различия как существенные и стремятся поддерживать отношения и чувствовать эмоциональную близость с себе подобными. Даже не обладая специфическими политическими и социальными знаниями, не строя дискурс своих высказываний в терминах определенной идеологии или теории, люди обладают определенной ориентацией и установками в политической сфере. Данный вывод уже был широко известен обывденному сознанию, выражаясь в нем через мыслеобраз - «нет человека, который бы не разбирался в политике». Система указанных ориентаций и установок формируется в процессе социализации и является производной от социального опыта старших и собственного социального опыта и транслируется как формальными, так и неформальными каналами передачи социальной информации. Политическая идентичность приобретает позитивную оценку исследователей так, как они считают, что она способствует укреплению существующей партийной системы, фиксирует настроения различных групп избирателей и способствует повышению эффективности социального контроля. Оставаясь под воздействием психологии, ученые первой волны также обращали особое внимание на то, что устойчивая политическая идентичность снижает конфликтность и тревожность в обществе, выполняет психотерапевтические функции и приводит к большей предсказуемости политического поведения. Полученные результаты эмпирических исследований уже на первой волне приводят к актуализации социальной феноменологии и этнометодологии А. Шюца и Г. Гарфинкеля,¹ что становится майнстримом для второй волны.

Такое понимание идентичности, которое вначале было свойственно

¹ Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии /Сост. А. Я.Алхасов; Пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; Научн. ред. Перевода Г. С. Батыгин, М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003, 336 с.; Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. М.:Питер, 2003. - 335с.

лишь психологическим исследованиям и имело ограниченный ход, вошло в социальные науки через работы таких ученых, как Герберт Мид¹. С этого момента в социальных науках начались попытки структурирования данного понятия в теоретическую форму «социальной идентичности» (social identity), а Генри Теджфел² и его единомышленники создали ряд солидных произведений по поводу формирования этого понятия. Он, составив идентичность из психологической и социальной составляющих, а точнее - изящно сочетая два уровня исследования индивида и общества, постарался предложить обобщенный психологический и социальный фокус формирования понятия идентичности. Его известная теория «приобретенности социальной идентичности» развивает мысль о том, что часть идентичности индивида связана с его принадлежностью к социальным группам. Индивиды, находясь в группах, формируют свою идентичность, стараясь приобрести информацию об окружающей среде и стараясь выявить существующие различия между группами, сходства противоположностей. Г. Тачфилд используя понятие «внутри группы», вместил его в особые виды отдельных понятий групповой идентичности (подобно племенной или национальной идентичности). Он считал, что принадлежность к группе является фактором не реальным, а есть интеллектуальным, завершающим формирование социальной идентичности.

В отличие от американских исследователей, считавших, что политическая идентичность формируется в процессе имитации и подражания, британцы А. Кэмпбелл, Ф. Конверс, У. Миллер и Д. Стоукс³ показали, что она является наследуемой, но со временем, влияние родителей и семейных групп ослабляется, а влияние сослуживцев, соседей, приятелей, - наоборот, возрастает. При этом они также показали, что политическая

¹Мид Дж.Г. Избранное: Сб. переводов/РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2009. - 290 с.

²Теджфел Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения. М., 1982. - 402 с.

³Campbell A., Converse Ph.E., Miller W.E., Stokes D.E. The American Voter. New York: John White and Sons, 1960.

идентичность влияет не только на выбор индивида и его политическое действие, но обобщаясь в различных идеологемах, отражается в партийных и избирательных документах, при этом, «как бы, возвращаясь к избирателю».

При переходе на почву Западной Европы и Скандинавии первая волна обогащается представлениями о влиянии на политическую идентичность конфессиональной, этнической и социально-статусной идентичности, теоретическое осмысление которых к тому времени уже в значительной степени было проделано в социологии. Если для американских родоначальников тождественность политической и партийной идентичностей выступала как гипотеза, а ее применение к изучению электорального поведения было обусловлено удобством объекта и практической применимостью результатов исследования, то для европейских ученых первой волны тождество партийной и политической идентичности воспринималось уже как теоретическое положение, обладающее статусом онтологии. Идентичность трактовалась как структурный элемент «среднего уровня» в политическом сознании, относящийся к политическим установкам (промежуточный уровень между политическими ценностями и политическими предпочтениями). Содержательно новыми результатами их исследований было установление функций политической идентичности и признание возможной разноориентированности ее. Основными функциями политической идентичности были признаны: ограничение возможности встраивания в политическую систему новых партий, отсечение ненужной («излишней») для избирателя информации о выборах (функция «информационного сита») и определение «своей» по идеологическим основаниям группы и партии.¹

Также было установлено, что развитие политической идентичности может осуществляться в двух направлениях ориентации политического действия:

¹Зазнаев О.И. Национальная (Страновая) идентичность: российский и западный опыт / О.И. Зазнаев//Гражданская и политическая идентичность: концепты и практики. Казань: Отечество, 2012. - С.16.

1) «он - другой - иной», допускающее толерантное восприятие, при котором политическое действие направлено на интеграцию, укрепление стабильности и предсказуемости, снижение напряженности в обществе;

2) «он - чужой - враг», связанное с формированием политического действия, направленного на противопоставление себя другой социальной группе, борьбу с неприемлемыми политическими идеями и установками, что неминуемо привело бы к возрастанию напряженности, к возникновению или разрастанию скрытых и/или явных конфликтов. Формирование политической идентичности по второй модели ориентации оказывается тесно связанным с распространением национализма, ксенофобии, неприятия и опасения присутствия людей с иными политическими и социальными взглядами, иным образом жизни.¹

Закономерно, что возрастание политического многообразия, повышение роли в политике различных общественных организаций и движений, распространение внепартийных форм политического участия привело к тому, что к середине 1980-х годов, базовая предпосылка о тождестве политической и партийной идентичности оказывается подорванной. Это обстоятельство приводит к возникновению второй волны актуальности теорий политической идентичности.

На том этапе важным компонентом теории политической идентичности становится обсуждение модели самоидентификации людей, чьи политические предпочтения не находят у окружения сочувствия, и «отверженные» предпочитают держаться вместе. Р. Барт в конце 1980-х годов объяснял роль межличностной коммуникации в становлении общих политических взглядов людей, используя «модель социальной сплоченности».² Его схему поддержали Р. Хакфельд, Э. Даунс, Дж. Спраги.³

¹ Зазнаев О.И. Национальная (Страновая) идентичность: российский и западный опыт / О.И. Зазнаев//Гражданская и политическая идентичность: концепты и практики. Казань: Отечество, 2012. - С. 11.

² Барт Р. Избранные работы. М., 1994.

³ Huckfeldt R., Sprague J. Citizens, Politics and Social Communication. Information and influence In an election campaign. Cambridge, 1995.

Доверяющие друг другу люди, разделяющие общие нормы (в том числе и политические), некритически «усваивают» передаваемую политическую информацию и более склонны к однотипной политической самоидентификации. Доверие порождает влияние, сплоченность и осознание сходства общих интересов, установок, взглядов. Другой западноевропейский исследователь А. Мелуччи в те времена также высказал идею об актуальной (ситуативной) политической идентичности, возникающей непосредственно в ходе политических действий, и указал на значение личности лидера в этом процессе.¹

Как известно, формирование «второй волны» теории политической идентичности начинается в Европе в 1970-х годах, и ее основные результаты были связаны с началом эмпирических исследований формирования общеевропейской идентичности (программа «Евробарометр», публикации Дж. Уэлша); оценкой влияния на политическое поведение различных моделей социальной идентичности, прежде всего этнической, гендерной, конфессиональной, профессиональной; начали появляться работы, посвященные кризисным проявлениям политической идентичности, но они, в основном, касались политической идентичности молодежных группировок, анархических и коммунистических объединений.

На протяжении всей «второй волны» еще оставались без надлежащего изучения вопросы политической идентичности государства как целого и самостоятельного субъекта политической жизни, а также вопросы внешнеполитической идентичности. Это было связано, как с тем, что отсутствовала актуальность изучения соответствующих исследовательских предметов, так и с тем, что политология, как самостоятельная наука, еще находилась на той стадии развития, на которой не могли осмысливаться проблемы внешнеполитической идентичности и идентичности государства как целого. Заметим, что работа Д.Истона «Политическая система», которая

¹Melucci A. Getting Involved: Identity and Mobilization in Social Movements//International Social Movement Research, 1:329-348, 1988.

считается фундаментальной в этом плане, была опубликована лишь в 1948 году. Примечательно, что современные американские ученые относят автора к представителям «первой волны» теории политической идентичности.

Начало «третьей волны» теории политической идентичности относится к 1990-ми годам, когда актуальными становятся вопросы:

- идентичности формируемого Европейского Союза;
- проблемы, связанные с распадом СССР и Восточного блока, формированием новой государственности в бывших социалистических странах и странах социалистической ориентации;
- усиление политического ислама, появление государств, идеологически отождествляющих себя с ним (к числу последних относится и Исламская Республика Иран);
- возрастание роли нетрадиционных социальных групп как политических акторов, как во внутренней, так и внешней политики (движение «зеленых», Гринпис, Мировой Анархический Интернационал, движение секс-меньшинств и т. д.);
- появление предпосылок формирования нового многополярного мирового порядка, ориентированного на иные, чем европейско-атлантические, культуральные системы.

В это время ученые и политики осознали практический смысл и необходимость изучения различных моделей политической идентичности, внешнеполитической идентичности и ее связи с внутривнутриполитической, системные связи внешне- и внутривнутриполитической идентичности с идентичностью этнической, региональной и исторической. Развивается концепция «политики идентичности» и происходит удвоение объекта анализа. Наряду с изучением стереотипов и установок массового и индивидуального политического сознания (а политическая идентичность относится именно к «срединному» его слою - установкам, хотя, безусловно, влияет и на базовые и идеологические ценности, и на политические предпочтения индивидов), активное внимание ученые начинают уделять

последствиям проводимой политики мультикультурализма и толерантности по отношению к мигрантам и представителям нетрадиционных для европейских стран религий, а также эффективности и последствиям внешней политики по отношению к странам, принадлежащим иным цивилизациям.

Интересны исследования Т. Райсса, М. Эмерсона, В. Лота, И. Нойманна, Б. Страта, Ф. Черутти,¹ в которых показано воздействие наднациональных органов ЕС на процесс формирования европейской идентичности и предпринимаются попытки определить наилучший сценарий идентификационной политики. В.Лот поставил задачу создать многомерную модель европейской идентичности, М. Эмерсона интересует многомерная модель интеграции, И. Нойманн уделяет внимание изучению историко-политической концепции единого европейского пространства, Б. Страт анализирует начало политики идентичности в ЕС.

Судя по их исследовательским результатам, поиск новой идентичности противоречив: с одной стороны, налицо подъем национальных и националистических чувств и движений, с другой стороны - усиление стремления части общества к самоидентификации с Единой Европой. Однако для многих исследователей, тем более, рядовых граждан, до конца остается не ясным, что такое новая Единая Европа, совпадает ли стремление к ее строительству с их политическими интересами и установками. Европейская идентичность начинает пониматься как совокупность характеристик, которые отличают европейцев от не европейцев в культуре, традиции, образе жизни, системе мышления. Такое понимание изначально ориентирует страны ЕС на противопоставление себя другим государствам и содержит в себе конфликтный потенциал, подразумевает европоцентризм, что не находит поддержки у большинства других стран мира и их населения.

Стоит напомнить, что последнее обстоятельство становится особенно значительным для отношений между европейскими странами и

¹ См., например: Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. - 336с.

государствами исламского мира. Это связано с тем, что ислам имеет собственную многовековую политическую традицию, которая была порою более эффективной, чем европейская. Например, Исламская Республика Иран располагается на территории, для которой государственная форма жизнедеятельности социума характерна в течение последних 4 тысяч лет, что значительно больше истории европейских государств и его политическая история связана с историей крупнейших мировых империй (шумеро-вавилонская, ассирийская, ахеменидская, эллинистическая, сасанидская, арабский халифат, империи монголов и сельджуков).

Естественно, что общественное политическое сознание Ирана не может принять европейскую модель даже при наличии сильных аргументов, но не настолько решающих, чтобы опровергнуть традиционное для иранского общества представление о государстве. Подразумеваемый европоцентризм приводит к тому, что в результате герменевтического конфликта, общественное политическое сознание отторгает даже те представления и идеологемы европейской политической идентичности, которые были бы в иной ситуации вполне приемлемыми для ИРИ и явились бы символической базой для достижения согласия на переговорах. В первую очередь, это касается вопроса о соблюдении прав человека в ИРИ.

В кризисном обществе, распространенный в политическом сознании и политической идентичности, как его продукт, становится «негативная конверсия», при которой ведущими выступают элементы негативной идентичности, в то время как позитивные образы и установки, а также оценки, размываются и нивелируются. Картину существенно усложняет то обстоятельство, что позитивная идентичность также может определяться через такие негативные образы, как: «Мы - не такие..., и поэтому лучше...». В данном случае уместно использовать, предложенную Б. Ньюкомом, категорию «негативная референтная группа», которая уточняет самнеровское понятие «внешняя группа». Политическое поведение регулируется действиями и позитивных, и негативных референтных групп (первым

подражают, вторые вызывают протест и сопротивление, но при этом формируют новые группы и способствуют их интеграции в ходе конфликта). Особенно ярким примером данного явления выступает влияние семейно-гендерной идентичности, связанной с отрицанием в исламских странах прав секс-меньшинств и безбрачия, на политическую идентичность этих государств по принципу: «Разве может быть государство эффективным, если оно не способно решить демографическую проблему, а семья в нем, как институт, распадается?»).

В иранской идентичности эксплуатация ограниченного числа взаимосвязанных и постоянно повторяющихся «символов веры» сочетается с упрощением символики и ритуалов, которая претендует на создание всеобъемлющей универсальной картины мира. При всей простоте и доступности, основные положения идеологии не должны подвергаться угрозе практической проверки и должны основываться на историческом авторитете ее источника. Данная система идей провозглашается вечной, в противном случае возникает угроза ее самоликвидации. Допускается и претензия на тотальный контроль над жизнью своих сторонников.

Разумеется, в этом смысле доктрина политического ислама становится достаточно эффективной и приемлемой. Образ «врага», который ассоциируется с образом сторонника евроцентризма и евроинтеграции, помимо деструктивных функций, выполняет и конструктивную функцию, способствуя консолидации вокруг базовых ценностей данной группы и ее лидеров и преодолению имеющихся внутренних разногласий. Отношение к представителям другой политической ориентации как к врагам включает в себя психологическое неприятие, отторжение, предполагает агрессивность поведения, направленного на умаление или даже устранение противника. Это проявляется в разговорном языке, в системе образов, стереотипов, идеологических шаблонов и штампов, которыми оперирует массовое сознание. Используется конфронтационная лексика. Все неприемлемое для данной группы приписывается противоположной стороне, способствуя

«канализации» существующих проблем, сохранению и консолидации групповых ценностей.¹

Российскими исследователями признается, что политическая идентичность современного мира и ее изучение становятся кризисными, а противоречивость, многообразие выступают ее сущностными чертами. Для подтверждения сказанному, приведем следующее высказывание: «Сегодня исследователи обращают внимание на следующие моменты. Первое – это общая трактовка состояния идентичности как кризисного, и эта оценка касается не только России, но и всего мира, относится как к индивидуальной, так и к коллективной идентичности. Связано это, по мнению Зигмунда Баумана, крупнейшего социолога современности, с невиданным динамизмом современного развития, которое он характеризует как «текущая современность».

Бауман действительно прав в том, что современный человек живет в невиданно неустойчивом, релятивном, постоянно меняющемся мире, где любая попытка отождествить себя с некоторым устойчивым паттерном чревата фиаско. Паттерны настолько быстро меняются, что мы не можем с вами зацепиться ни за какой-либо статус, ни за какой-либо институт, ни за какого-либо индивида, «всматриваясь» в которые, мы собственно выбираем свою идентичность».²

Другой отличительной чертой теорий «третьей волны» выступает то, что они ориентированы на изучение идентичности в принципиальном ином историческом типе общества - обществе информационном. В рамках этой «волны» также активно дискутируется вопрос о формировании политической идентичности в условиях глобализации и перехода к информационному обществу. В этой перспективе не случайным становится тот факт, что один из наиболее заметных авторов парадигмы

¹ Батаева Е.В. Видимое общество. Теория и практика социальной визуалистики. Харьков: ФЛП Лысенко, 2013. - С.98.

² Щелкунов М.Д. Российская идентичность: Проблемы и перспективы /М.Д. Щелкунов//Гражданская и политическая идентичность: концепты и практики. Казань: Отечество, 2012.- С.11.

«информационного общества», М. Кастельс, является и автором широко обсуждаемой и признанной монографии по теории политической идентичности - «Власть идентичности» («Power of Identity»), изданной в 1997 году.

Заслуживает констатацию тот факт, что в исследованиях, особенно европейских и американских авторов, все громче звучит тезис о снижении значимости национального государства в формировании политической идентичности и замене политической идентичности суверенного государства идентичностью наднациональных объединений, развитии цивилизационных идентичностей, с одной стороны, и усиления влияния региональных и, даже локальных, идентичностей, - с другой. При этом у «национального» государства появились конкуренты в борьбе за право выстраивать национальную идентичность: в системе привязанностей индивида и группы важное место заняли сетевые сообщества, транснациональный корпоративный бизнес, наднациональные структуры, диаспоральные миры. «Ценой вопроса» оказывается гражданская лояльность человека эпохи информационного общества.

Примечательно, что сама социальная идентичность не мыслится сегодня в категориях выстраивания иерархии ориентиров и предпочтений, но их многозначность, размывая контуры «национального», не перечеркивает его значения. Публичная политика становится площадью «борьбы за идентичность». Учитывая исторический опыт, этнокультурную ситуацию, сложность межэтнических отношений в исламских государствах, в том числе и в ИРИ (проблема курдского сепаратизма), подобное понимание политической идентичности не может найти в них поддержки.

Однако при этом тезис о том, что процессы глобализации приводят к тому, что самым простым способом объединения, позволяющим людям избежать чувства разобщенности, слабости и незащищенности перед лицом более мощных исторических сил, бушевавших вокруг, стало объединение по этническим признакам. Отсюда, этническая идентичность приобретает

политический характер, является для них релевантным и обладает исследовательской перспективой.

Не секрет, что исследователям «третьей волны» свойственно понимание политической идентичности как сложного системного объекта. Так, для М. Кастельса существует три типа идентичности, со своими собственными особенностями: «легитимизирующая», «сопротивление» и «проективная». Первый вариант идентичности порожден индустриальным обществом с его традиционным пониманием гражданского общества и национального государства. Легитимирующая идентичность вводится господствующими институтами для расширения и законности своего господства над политическими акторами и населением.

Что касается идентичности сопротивления, то она связана с переходом к новому типу ценностей, создаваемых локальными общностями, идеологическими и религиозными центрами, исследовательским сообществом. Идентичность сопротивления формируется и выражает интересы акторов, находящихся в ситуации их недооценки. Обычно она связана с различными оппозиционными группами, но, в ряде случаев, как, например, в России, может быть представлена и научно-идеологическим истеблишментом (исследователи старших возрастов, придерживающиеся марксистской парадигмы социального знания).

Относительно проективной политической идентичности можно отметить, что она связана с формированием личности, субъекта и охватывает ситуации, когда социальные акторы, на основе культурно-символического материала, с которым они идентифицируют себя, строят новую политическую идентичность, которая определяет их положение в обществе и направлена на преобразование всей социальной структур.¹ Проективная идентичность и ее механизмы особенно ярко проявились в формировании политической идентичности современной России и бывших республик СССР.

¹Миненков Г.Я. Политика идентичности с точки зрения современной теории. Политическая наука. 2005. №3. С. 24.

Данная классификация поддерживается и российскими исследователями, в частности, Н.И.Тимофеевым.

Наконец, «третья волна» исследований политической идентичности характеризуется тем, что в нём пролеживается влияние этнометодологии и символического интеракционизма как общесоциологических парадигм, признание дискурсивного, символического характера политической идентичности. В ней само понятие «идентичность» не имеет категориальной ясности и, находясь в ряду таких терминов, как «дискурс», «менталитет», «мыслеобраз», «симулякр», оно может обозначать в различных контекстах практически все что угодно. Содержание понятия идентичность пересекается с таким смысловым рядом, как суверенитет, подлинность, самость, «ктоиность», самоопределение, тождественность самому себе, о чем уже было сказано выше.

Собственно, на латыни исходное понятие «*identitas*» и означало «тождественность». Это открывает возможность изучения политической идентичности в различных социально-философских парадигмах, включая неокантианские школы, философию дискурса и философию языка. Этим же и объясняется и то, что наиболее существенное влияние на современные зарубежные исследования теории идентичности оказали и продолжают оказывать такие исследователи, стоящие на принципиально различных методологических позициях, как П. Бурдьё, Э. Гидденс, А. Шюц и его ученик Ю. Хабермас, Н. Лукман и П. Бергер, С. Хантингтон и С.Жижек. Считаем перспективным и анализ политической идентичности с методологических и социально-философских позиций, предложенных Ж. Деррида и Ж. Делёзом.¹

Теории политической идентичности и конструктивизма в международных отношениях, во многом основаны на концептах социологии знания, которые изложили Питер Бергер и Томас Лукман в книге

¹См.: Деррида Ж. Призраки Маркса: Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М.:Logos-altera, 2006. 256с.; Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010.- 895 с.

«Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания».¹ Их позиция такова, что идентичность выступает одним из механизмов упорядочения, пространственно-временного движения содержания социальной реальности, что социальная реальность есть нечто, создающееся на основе наших представлений, разговоров об этом, нашего анализа его природы, сопоставлений друг с другом через интеллектуальные усилия в составление понятий, используемых для их определения. Другими словами, социальную реальность формирует человеческая традиция.

Необходимо отметить, что строят социальную реальность сами акторы, они же действуют в зависимости от нее. Так как данные традиции и их последствия формируют политическую идентичность, это становится причиной их сбережения или же изменения и существует такое мнение, что политическая идентичность влияет на структуры и становится причиной формирования или изменения пределов идентичности, что существенно в таком понимании. С другой стороны, так как реальности жизни являются одним из видов реальности вообще, факты которых составляют особые случаи, например, язык является одной из важных систем факторов в формировании политической идентичности. Вместе с тем, язык и речь на переговорах так же играют немаловажную роль.

Как и онтологической безопасности, в основе идентичности лежат механизмы различения и отождествления. Идентичность возникает из сравнения «Я» и «другой», «мы» и «они». При этом «другой – иной» может априорно определяться и как «враг» (К.Шмитт), и как «друг» (Ж.-Ж. Руссо). Идентичность призвана свидетельствовать об определенном онтологическом и воображаемом статусе субъекта, будь то индивидуальное или коллективное «Я». Сам процесс идентификации сопряжен с самописанием, самоопределением того, кто идентифицируется. Однако если самописание осуществляется, в основном, через когнитивные механизмы и систему

¹Питер Бергер, Томас Лукман. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Перевод на русский язык: Е. Руткевич. М., 1995. - 323 с.

знаний и представлений, то самоопределение, безусловно, затрагивает эмоциональную сферу и опирающиеся на нее оценки.

Особенность политической идентичности, как и основанной на ней субъектности, в том, что она имеет субъективно-ролевой, функциональный, сконструированный характер. Формирование идентичности, как символической системы, предполагает использование, как обыденного языка, так и специфического языка науки и идеологии. При этом семантическое пространство соответствующих слов может быть чрезмерно широким. Последнее приводит к возникновению первоначально герменевтических конфликтов и разрывов, которые затем могут объективироваться, через недопонимание смысла высказываний акторами, в препятствия к достижению консенсуса на переговорах и даже к возникновению материализованных конфликтов. Ярким примером подобного явления выступает различное толкование ИРИ и его западными партнерами таких понятий, как «политический ислам», «исламская революция», «исламское государство». А именно данные понятия являются базовыми в содержании политической идентичности Ирана. Исходя из их значения, строится позиция данного государства в своей внешней политике. Западные же партнеры придают этим терминам негативную, конфронтационную окраску, за счет смещения акцента на исторически сложившееся, а не сущностное противопоставление ислама и христианства, Востока и Европы.

Идентичность как проблема возникает именно тогда, когда она перестает быть самоочевидной и опираться на максимально однозначное значение образующих ее символов, когда начинает происходить отделение символических элементов идентичности от социально-онтологических сущностей, обозначаемых ими. Подобная позиция разделяется и современным российским исследователем, который утверждает, что «современное состояние культуры характеризуется тем, что производство социального, то есть реальных отношений, реальных структур и институтов полностью подчинено, поглощено производством различного рода символов,

образов, картинок и других символических продуктов, которые принято называть симулякрами, т. е. копиями без оригиналов. Эти симулякры настолько оторвались от изначальных предметов, настолько потеряли связь с ними, что внешне они лишь «как будто бы» что-то обозначают.

В итоге, процесс поиска своей идентичности, который, кстати, глубоко сопрягается с процессом социализации человека, теперь, уже связан не с освоением реальных социальных отношений, а с освоением символов, поскольку производить символы гораздо легче и эффективнее, чем производить настоящие социальные отношения. Это приводит к тому, что современный человек обретает невиданную свободу освоения этой символики, игры с нею, смены своей идентичности. Если раньше человек свой паттерн – основу идентичности – искал в реальных общественных отношениях, то теперь он соотносит свою самость с миром симулякров. Это приводит к невиданной индивидуализации с точки зрения собственной идентичности».¹

Согласно утверждению ведущих исследователей, с чем можно согласиться, идентичность возникает путем проведения мыслительных границ, которые затем становятся реальностью и часто продолжают жить собственной, автономной от первоначальных денотатов жизнью. Состояние «позднего Модерна» (Э.Гидденс) обнаружило увеличение разрыва между исконными социокультурными сущностями, представлявшимися в традиционном обществе неизменными и вечными, и социальными идентичностями. Сущность, которая вначале выглядит метафизически неизменной, затем становится контекстуальной, и контекст определяет денотат, содержание. Более того, субъективно-ролевая по своей сути идентичность начинает претендовать на место всех былых социально-политических сущностей, связанных с принадлежностью к этносу, религии, классу, государству. Данная тенденция иллюстрирует тот факт, что

¹ Щелкунов М.Д. Российская идентичность: Проблемы и перспективы/М.Д. Щелкунов// Гражданская и политическая идентичность: концепты и практики. - Казань:Отечество, 2012. - С.13.

неизменные сущности в современном быстротекущем мире становятся все большим дефицитом. Идентичность оказывается не тем, чем является субъект на самом деле, но лишь ролью, тем, чем он хочет казаться. Отсюда возникает возможность произвольной смены идентичности, которая больше не тождественна сущности. Среди политических акторов становится распространенной частая смена определения собственной идентичности, «игры» и эксперименты с ней. Примерами могут выступать такие ситуации, как европейский, евразийский, азиатский выбор России, Европа как опора прагматизма и рационализма и Европа как мировой центр культуры, США как сверхдержава и США как гарант развития демократии и соблюдения прав человека в мире. Подобные примеры могут быть многократно увеличены.

Не секрет, что символическая система социальной, политической, этнической идентичности в их единстве и взаимодействии становится инвариантом секулярной религии. Соответственно, такая позиция вызывает отторжение со стороны самоопределения в символическом и бытийственном пространстве мировых религий, особенно ислама, что и демонстрируется восприятием западной политической идентичности в Иране и его политической идентичности на Западе.

Первоначально, концептом, предложившим объяснение взаимозависимости институциональной структуры общества, политического сознания и поведения, стала теория политической культуры, тесно связанная с теорией политической системы. Однако, с другой стороны, поиски подходов к концептуализации политического сознания (через категории ментальности и менталитета, картин мира, архетипов и других, перенесенных из смежных научных дисциплин, понятий). Влияние политического сознания на политический процесс поставили вопрос о необходимости принимать во внимание не только рациональную, но и эмоциональную составляющую поведения человека в политической сфере. Он также предполагает необходимость учитывать психологические мотивы и механизмы политического выбора и его культурные (в широком смысле)

основания, а также влияние психологической архаики и подсознания на восприятие и переработку политической информации. Столкнувшись с задачей концептуализации синтеза ценностных, эмоциональных и рационально мотивированных оснований политического действия на уровне индивидуальном, групповом и социетальном, политическая наука обратилась к концепту идентичности, в теории которой, в 90-е годы прошлого века стало обращать внимание на исследование указанных уровней политической идентичности и её связи с феноменом суверенитета.

Понятие суверенитет (identity) имеет латинские корни, ему соответствует (identitas) корень «iden» в подобном значении. На основе данной культуры слово идентичность имеет переносное значение, а второе, – отличительное. Эти два по сути противоречивых значения, являются двумя основными аспектами идентичности. Независимо от словарного значения, в общем определении «идентичность» означает наше представление о себе или же общее представление о нашем «бытии» по отношению с другими. Поэтому понятие «идентичность» с одной стороны есть наше познание о себе, а с другой стороны, это познание происходит тогда, когда мы находимся перед другими, или же кем-то еще, по этой причине, высшее его познание о себе есть наше обращение к другому. Таким образом, можно сказать, что понятие идентичности более тесно сопряжено с понятиями «восприятие» и «представление», т.к. это есть в действительности. Наше восприятие «самого себя» и «других», которое и формирует «идентичность». Данная позиция распространяется не только на политическую идентичность государства, но и личности и позволяет говорить о внешнеполитической идентичности.

Также было обращено внимание на то, что формирование политической идентичности связано с переосмыслением исторического опыта и перспектив страны или большой социальной группы. Политическая идентичность может оцениваться и как совокупность представлений и интерпретаций прошлого страны и определяется как особое понимание исторического прошлого, структурированное в рамках определенной логики.

В Советском Союзе, а позднее, - в России, внимание к теориям политической идентичности, в силу объективных социально-политических причин, было запоздалым. Их освоение здесь не имеет выраженных трех волн, оно происходило одновременно.

Важно сразу отметить и тот факт, что западные теории политической идентичности вступили во взаимодействие с, основанным на марксистско-ленинской методологии, социально-психологическим знанием, которое было достаточно самобытным и имело значительные исследовательские перспективы. С самого начала, осмысление самоопределения личности (понятие, практически тождественное западному «идентичность») было междисциплинарным, представленным на стыке психологии, философии, педагогики и социологии, чему способствовало и единство исторического материализма как общей социологической теории. Проблематика самоопределения личности, формирования коммунистических убеждений, взаимосвязь самоопределения личности и используемого языка (символической формы) уже характерна для работ основоположника марксистской психологии Л.С. Выготского.¹

Подъем обществоведческой мысли в СССР, в середине 60-х годов и с постепенным ослаблением продлившийся до середины 70-х, не обошел стороной и указанную проблематику. В это время было опубликовано большинство работ А.В. Брушлинского, И.С. Кона, Г.П. Щедровицкого, В.А. Ядова, В.В. Давыдова и др.² Общим для указанных исследований была попытка анализа социокультурных оснований социально-политического процесса в СССР, выполненная в онтологических и терминологических рамках исторического материализма - марксистской общей социологической теории. Так, например, Г.Г. Дилигенский, стоявший у истоков научной школы социально-психологических исследований и нового для советской науки направления - социально-политической психологии, анализируя

¹Выготский Л.С. Психология. М.: «ЭКСМО-Пресс», 2000. – 1008с.

²См., например: Кон И.С. Социологическая психология. М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. – 560с.; Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк.культ.полит., 1995.- 800с. и др.

механизмы экстраполяции массовых потребностей в политическую сферу, увидел такой механизм в «макрогрупповой или средовой идентификации», под влиянием которой «складываются политические предпочтения».¹

Идентификация индивида с большой социальной группой является в любом обществе мощным фактором политического выбора. Эта идентификация восходит к одной из фундаментальных особенностей человеческой психологии - потребности индивида в выделении из всей массы человеческих существ - выделении не только индивидуальном, но и «своей» группы, потребности не только в своем собственном «я», но и в своем «мы», в принадлежности к определенной социальной среде». Вектор развития всех без исключения сообществ - субъектов общественных отношений - определяет коллективная идентичность их членов - комплекс представлений, образующих согласованную, солидарную мотивацию индивидуального и группового поведения. Совокупность представлений человека о своем месте в обществе, тех ценностей и поведенческих моделей, которые утверждаются на основании соотнесения себя с общественно значимыми культурными ориентирами и ролевыми функциями в публичной сфере, с социальными институтами и отношениями, формирует социальную идентичность. Важнейшими референтными группами социальной самоидентификации индивида оказываются «большие сообщества» - социальная группа, профессиональная среда, религиозная община, этнос, нация, цивилизация.²

Совершенно очевидно, что в России интерес к тематике идентичности проявляется фрагментарно в начале 1980-х годов в исследованиях психологов и социологов, где встречается лишь упоминание о социальных моделях идентичности, прежде всего о чувстве тождества с позитивной референтной группой. Ситуация меняется в начале 1990-х годов, когда в проекты социологов (В.А.Ядов, Ю.А.Левада, С.Г.Климова) и психологов (например, у А.В.Брушлинского концепция «я - общество» рассматривается

¹Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. - С.106.

²Там же. – 135 с.

через призму категории «социальная дистанция» во взаимоотношении «я» со «своей группой» и «своей группы» с «другими»), входит тема политических ценностей. Среди эмпирических исследований этого времени наиболее значимы проекты, выполненные сотрудниками Института социологии РАН в рамках программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе в 1991-1994 гг.». Под руководством В.А. Ядова был реализован проект «Изменения в идентификации личности» (май 1992 г. - ноябрь 1994 г.). Параллельно проводились интенсивные исследования небольших целевых групп (рабочие, инженеры, занятые на государственных и частных предприятиях, биржевые брокеры и студенты). Созданный в 1987 г. ВЦИОМ (в настоящее время - Левада-Центр) с 1993 г. осуществляет проект «Мониторинг социальных и политических перемен» и целевые программы, изучавшие динамику общественного сознания в постсоветском обществе, в частности, феномен «советской идентичности».

Вторая половина 1990-х годов вплоть до 2003 г. определялась особым интересом российских исследователей к проблемам кризиса прежних моделей политической идентичности, влияния процессов формирования региональных режимов на региональную идентичность, выбора россиянами общегражданской модели идентичности в зависимости от степени успешности адаптации тех или иных групп к рыночной экономике и плюралистическому характеру политического режима.

Появились работы, посвященные символической идентификации граждан со своим государством. Огромный интерес к проблемам политической идентичности российские исследователи начинают проявлять с 2001 года. Анализ большого количества научных публикаций российских исследователей, в названии которых встречается слово «идентичность» - говорят о партийной, идеологической, персонифицированной, этнической, национальной, конфессиональной, профессиональной, статусной, общегражданской, цивилизационной, геополитической и других её видов. Это позволяет сделать вывод о расширительном толковании данного явления.

В то же время следует отметить, что в некоторых из них политическая идентичность связывается и с особенностями политической культуры, и с поиском России своего места в общецивилизационном пространстве. Фактически идет подмена содержания самого понятия: политическая идентичность вместо одного из вариантов политической установки, позволяющей человеку отнести себя к той или иной референтной (позитивной или негативной) группе и определенным образом организовывать свое политическое поведение, все чаще начинает трактоваться как менталитет, представление человека о своем месте в мире и в обществе. Если сложившаяся практика определения субъектности идентичности в принципе не вызывает особых возражений (идентичностью может обладать как отдельный человек, так и группа лиц), то попытка обозначать все представления, взгляды, предпочтения индивидов через эту категорию является очевидно беспомощной в научном плане.

Подытоживая анализ, можно констатировать, что социально-ролевое обогащение современного человека, расширение его пространственно-временного и внутреннего опыта несет в себе множество новых и доселе неизведанных возможностей общения, познания и творчества, новых возможностей в самих процессах общественного развития. Но не стоит забывать и о другой стороне медали: сложность и многомерность этого современного человеческого самоопределения и самопонимания ложится на многие души и характеры непосильным бременем. Отсюда - и социо-психологические предпосылки тяготения к реархаизации сознания, к религиозному фундаментализму или же - к возрождению упрощенных революционных идеологий, что в плане собственно-психологическом и социо-психологическом, почти одно и то же: подчас несхожие общественные программы проигрываются, по существу, на одних и тех же полуархаических регистрах человеческой души.

В этой связи заслуживает внимания определение политической идентичности «как самоопределение государства, отражаемое в ключевых

нормативных и доктринальных документах страны, укорененное в общественном сознании ее граждан».¹ В данном определении, на наш взгляд, смысловое ядро понятия идентичности в контексте исследования состоит из трех базовых элементов, или кластеров. Во-первых, политическую идентичность можно рассматривать как совокупность нормативных представлений или принципов, на основе которых государство оценивается своими гражданами как политическое сообщество и которые служат ему основанием осознания гражданами страны своей общности. В рамках второго кластера идентичность рассматривается как совокупность представлений, определяющих уникальность политического сообщества (государства) через его соотнесение с актуальными другими, маркирование его границ, через определение своей роли и места в мире.²

В этой цепи также можно перечислить и другие определения российских исследователей, которые внесли свой вклад в совершенствовании понятии «идентичность» и «политическая идентичность»:

- «политическая идентичность — совокупность наиболее значимых политических ориентаций, которые во многом определяют политическое поведение и политические установки человека»;³

- «идентичность можно понимать как определенную устойчивость социокультурных, национальных и цивилизационных параметров, создающих социальную интегрированность и ощущение самотождественности у народа»;⁴

- «идентичность группы обозначает целостность системы социокультурных характеристик общности, которые включают в себя нормы, ценности, идеалы, предпочтения и ожидания, права и обязанности

¹ Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции / И.Н. Тимофеев. М.: МГИМО-Университет, 2008. - С.151.

² Там же. - С.163.

³ Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоиндефикация современного российского общества в условиях глобализации /В.И. пантин //Политические исследования. 2008. №3. С. 14.

⁴ Суханов В.М. Региональная политическая идентичность в России: теоретический анализ исследования, состояние и перспективы /В.М. Суханов. Автореф. дисс... доктора полит. наук. Саратов, 2009. - С.21.

индивидов, реализующиеся в социокультурных ролях и статусах, а так же связи и отношения, возникающие в процессе общей для всех этих членов общности деятельности»¹ и другие.

Таким образом, подводя итог вышеизложенного, можно заключить, что анализ содержания понятий онтологическая безопасность и политическая идентичность, как социально-психологическое и социально-политическое явления, указывает на наличие объективных и субъективных предпосылок их формирования. В этой связи возникает необходимость рассмотреть взаимосвязь этих феноменов в политическом ракурсе, что мы и попытаемся осуществить в следующем разделе.

§ 2.1. Взаимосвязь политической идентичности и онтологической безопасности

Как было отмечено нами в предыдущем разделе, онтологическая безопасность неразрывно связана с идентичностью субъекта, т.е. его самоопределением и постоянно взаимодействует с ним. Сама сущность понятия «политическая идентичность» содержит в себе внутренний и внешний аспект, так как в ней заложено представление Других о Нас и Нас о Других. Поэтому обращение к проблематике внешнеполитической идентичности, тем самым, стало неизбежным с момента введение родового понятия в научный оборот. В этом плане представляется необходимым уделить внимание анализу внешнеполитической идентичности, как предмет научного обсуждения.

Сосредоточивание внимания к феномену идентичности в социально-политических исследованиях имеет преимущественно эмпирические истоки. Когда схемы объяснения поведения государств, основанные на структурном детерминизме или рациональном соотношении расходов и выигрышей,

¹Ачкасов В.А., Бабаев С.А. «Мобилизованная этничность»: Этническое измерение политической культуры современной России. С.-Пб.: Изд-во С.-Пб. философ. общества, 2002. - С.30.

обнаружили свою аналитическую ограниченность, возникла необходимость в альтернативных мотивационных концепциях, которые бы позволяли анализировать решения государств, не обусловленные структурными императивами или рациональным выбором. В таких случаях категория идентичности представляла собой одну из наиболее оптимальных альтернативных концепций такого рода ввиду её онтологической самостоятельности и относительной целостности. Она не требовала дополнительных промежуточных деноминаторов и могла сама по себе выступать мотивационной силой без привязки к структуре системы или соотношению материальных потенциалов.¹

Закономерно, что радикальный поворот в анализе внешнеполитической идентичности произвело развитие дискурсивного подхода к исследованию международных отношений, что характерно для «третьей волны» развития теории политической идентичности. Благодаря чему, существенно усилилось субъективистское течение в изучении внешнеполитической идентичности, понимание её конструированной природы, а также интерес к субъектам, инструментам и процессу конструирования идентичностей. И, главное, речь сегодня идет о концептуализации внешнеполитической идентичности как «комбинации прочно установленных политических идей». Идеиные конструкции рассматриваются как ключевые составляющие идентичности, тогда как роль «внедискурсивных реалий» всё больше релятивизируется.

Заслуживает внимание то, что теоретическая интерпретация и эмпирическая демонстрация интерсубъективного способа формирования политической идентичности и репродукции и актуализация феномена Инаковости (Othering), в первую очередь, в работах И. Нойманна, позволили преодолеть доминирующее представление о внешнеполитической идентичности как о сугубо конститутивной категории, не имеющей прямого казуального действия.

Несмотря на множество исследований в 90-е годы пошлого века и их

¹См.: Шаповалова А.И. Структура внешнеполитической идентичности государства. М., 2006.

признанные результаты, не была выработана относительно универсальная теоретическая концепция структуры и содержания внешнеполитической идентичности.

В этой связи на основе общего понимания политической идентичности, рассмотренного выше, внешнеполитическая идентичность определяется нами как набор взаимосвязанных исторически укоренённых принципов, направлений, целей и концепций, которые составляют основу субъектности государства. Они непосредственно ассоциируются с ним и обуславливают его самовосприятие и позиционирование в международной среде, то есть как совокупность таких установок, которые формируют идейную платформу внешней политики государства и определяют его внешнеполитические действия.

Необходимо иметь в виду, что любая внешнеполитическая идентичность содержит в себе исторический, репрезентативный и реляционный аспекты. Первый аспект отражает отношение к основным событиям и персонажам истории государства, выделяя те из них, которые детерминируют современное состояние и организацию государства. Репрезентативный аспект обозначает те идеи, качества, принципы, ценности или модели, которые государство определяет как наиболее фундаментальные и на которых оно строит своё позиционирование в международной системе. Реляционный аспект закрепляет отношение к другим субъектам или общностям более высокого уровня, например, к макрорегиону или цивилизации. Степень каждого из указанных аспектов и взаимосвязи между ними могут варьироваться в различных случаях.

Например, в случае Исламской Республики Иран ведущими выступают исторический и реляционный аспекты. Формирование же репрезентативного аспекта здесь осложняется режимом санкций и ограничений, применяемым по отношению к ИРИ государствами ЕС и США. Гипертрофированность исторического аспекта может ослабить репрезентативный, а конструирование особого отношения к соседнему государству может компенсировать недостаток исторических мифов или собственных

репрезентативных позиций. При этом следует помнить, что каждый из этих аспектов может содержать как элементы тождественности, так и элементы уникальности.

Несомненно, в структуре внешнеполитической идентичности присутствует базовый уровень, содержащий наиболее устойчивые и определяющие ее элементы, и производные уровни, отражающие представления об организации международного окружения. От того, насколько глубоко государство включено в регулирование процессов на том или ином уровне международной системы, зависит структура его внешнеполитической идентичности. При этом структура идентичности имеет не только вертикальное, но и горизонтальное измерение: на каждом из существующих уровней присутствуют, как правило, несколько элементов с различной степенью взаимосвязанности.

Если проанализировать, содержание внешнеполитической идентичности, то согласно утверждению исследователей, можно выделить три момента:

– когнитивный, который связан с тем, что индивид должен знать о своем и других государствах, о взаимодействии с ними гражданского общества;

– ценностный, когда индивид должен дать оценку, как своему, так и другим государствам, их действиям на международной арене и при решении внутри политических проблем (достойно/недостойно, хорошо/плохо, эстетично/неэстетично, возвышенно/низко);

– отношенческий, когда индивид должен решить для себя, принять или не принять факт своей принадлежности к этому государству, поддерживать его действия, либо принять позицию оппозиции или нейтралитета.¹

Совершенно обосновано, что внешнеполитическая идентичность нации (государства) представляет собой сложное, мозаичное образование, в

¹ Щелкунов М.Д. Российская идентичность: Проблемы и перспективы /М.Д.Щелкунов// Гражданская и политическая идентичность: концепты и практики. Казань: Отечество, 2012. - С.14.

структуре которого можно выделить специфические идентичности, сочетание и смысловое наполнение которых зависит от определенного исторического контекста, общенациональных и региональных традиций и ценностей, социокультурной специфики.¹

Хотя трудно обозначить конкретную дату внедрения понятия «идентичность» в международные отношения, очевидно, что оно используется в этой отрасли, как в общественной, так и в индивидуальной составляющей. Так как специалисты в области политологии и международных отношений уже давно используют образ человека, воплощая его в государство, особенности государства в дискуссиях давно уже выражаются через образ человека. Действительно, идентичность в данном контексте указывает на частную территорию, основу и относительную возможность, культурную и др. особенности отдельного государства.

Анализ политической литературы и исследований по международным политическим отношениям XX века и по настоящее время показывает, что им свойственны постоянная динамика, развитие и изменчивость теорий и понятий. То, что называлось в международных исследованиях трех или четырехсторонними дебатами (дебаты между утопистами и рационалистами - в 30-40-х гг., сциентистами и традиционалистами в 50-60 гг., неореалистами и неолибералами, марксистами-структуралистами в 70-х годах, и, наконец - дебаты рационалистов и реформистов в 80-90 гг. прошлого века, независимо от их рациональной составляющей, истинности и правильности их определений и классификаций, указывают на постоянное расширение и преумножение знаний в области международных отношений. По обе стороны данных дебатов и даже внутри каждой из их направлений, существуют разногласия не только по поводу путей и методов познания и приобретения данных, но даже в отношении основных понятий в международных отношениях и вариантах их определения (и даже иногда в признании

¹ См.: Корниенко Т.А. Теоретические аспекты исследования политической идентичности. //Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009, №2.

позиции основных практических и реальных сущностей). В результате непрерывно появляются, пересматриваются и реконструируются, новые понятия в теории международных отношений.

Феноменом, тесно связанным с внешнеполитической идентичностью и онтологической безопасностью, выступает объект национальной безопасности, сущность которой состоит в способности государства осуществлять действия, направленные на устранение или предотвращение следующих угроз:

- угроз по отношению к границам;
- угроз по отношению к обществу;
- угроз по отношению к режиму;

Таким образом, пределы безопасности отдельной страны связаны с двумя факторами: расширением или сокращением угроз по отношению к трем указанным объектам системы суверенитета государства; балансом обороноспособности, эффективности государственных органов и внешнеполитических действий государства, экономического могущества по отношению к своим соседям, союзникам и оппонентам, а также мировым державам.

Важнейшей целью анализа внешнеполитической идентичности и национальной безопасности является сохранение государства. Наиболее важными видами нестабильности отдельной страны является оккупация страны, развал правительства, нестабильность общества - религиозный сепаратизм и ослабление государства под давлением этих факторов.

Осознание значимости политической идентичности в целом, и внешнеполитической идентичности, в частности, для стабильного функционирования институтов политической системы, легитимности государства и его правящего режима в глазах населения своего и других государств, эффективности внешнеполитических действий, приводит к анализу угроз, создаваемых для идентичности, способов и методов их избегания и ослабления. Последнее фиксируется через специальное понятие

онтологической безопасности как способности государства реагировать на различные виды угроз, направленных на изменение или уничтожение его политической идентичности.

Исследование проблем идентичности в свете ядерной идентичности ИРИ также продиктовало необходимость введения и использования понятия онтологическая или же бытийная безопасность (ONTOLOGICAL SECURITY). Данная теория, разработанная, как выше нами было указано, в психологии Лайнгом, в социологии обозначает присущее людям чувство безопасности, упорядоченности и правильности их жизни. Наиболее отчетливо это чувство ощущается в случае устойчивой личной идентичности, не изменяющейся с течением времени.¹

Онтологическая безопасность, тревоги и угрозы являются важными основными составляющими теории человеческого бытия Э. Гидденса, который считает, что «с онтологической точки зрения безопасность означает иметь в наличии ответы на уровне бессознательного и сознательного, действовать в интересах сущностных вопросов, задаваемых всем человечеством на протяжении всей жизни».²

Можно также обратиться к другому, более ясному определению Э. Гидденса, по поводу онтологической безопасности: «Онтологическая безопасность является тревогами и опасениями, дающими индивиду возможность и позволяющие защититься от всех видов условий и ослаблений, которые способны угрожать в будущем».³

Онтологическую безопасность, согласно концепции Э.Гидденса, составляют четыре компонента. Во-первых, это рутинная практика социальных действий, связанная с ситуациями выбора и социального творчества, ход которой определяет онтологическую основу повседневности индивида. В традиционных обществах онтологическая схема задавалась

¹Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М., 2008 .

²Гидденс Э. Тачдид ва ташхис: чомеа ва хувияти шахси дар асри чадид (Обновление и диагностирование: общество и личная идентичность в нынешнем веке). Перевод Носир Муваффакиян. Тегеран, 1375. - С.70.

³Там же.

традицией, которая не предполагала возможности поливариантного будущего. Во-вторых, это вопрос конечности человеческой природы и осознание человеком своей конечности. Третья составляющая – интерсубъективность: "эмоционально-когнитивное обнаружение другого в процессе индивидуального развития". По Э. Гидденсу, это - ключевой элемент, как для самоидентификации личности, так и для восприятия внешних объектов как тождественных и непрерывных. Четвертая составляющая онтологической безопасности – становление самоидентичности, которую Э. Гидденс определяет как "постоянное чувство непрерывной духовной и телесной личности". Самоидентичность, или тождество "Я", не является неизменным набором личностных черт и склонностей, которые проявляются в индивидуальных действиях; самоидентичность поддерживается с помощью личностной саморефлексии относительно биографии: в условиях современной социальной жизни автобиография составляет ее ядро.¹

При этом заметим, что вопросам безопасности, в частности, онтологической, значительное внимание уделили представители конструктивизма, как особого направления социального знания. Доводы А. Вендта - видного теоретика конструктивизма о том, что государства являются акторами, обладающими субстанциональными особенностями, относятся к подобной политической идентичности. Отдельный актор потенциально имеет отдельную изменчивую идентичность. Конечно же, такая идентичность всегда имеет определенную материальную базу (Подобно новым атомным разработкам ИРИ отражающим новую политическую идентичность Тегерана).²

Среди различных теорий международных отношений думается, наиболее важной является теория конструктивизма.

¹ Гидденс Э. Тачдид ва ташхис: чомае ва хувияти шахси дар асри чадид (Обновление и диагностирование: общество и личная идентичность в нынешнем веке). Перевод Носир Муваффакиан. Тегеран, 1375. - С.141.

² Хумайро Маширзода. Гуфтуги тамаддунхо аз назари созангори (Диалог цивилизаций с точки зрения их созидательности) / Журнал Университета права и политики Тегерана, 1383. № 63. -С.337.

Как известно, первым, кто ввел конструктивизм в международные отношения, является Н. Онуф в своей книге «Созданный нами мир» в 1989г., где он показал роль правил в структуре мира. С его точки зрения невозможно самостоятельно и непосредственно вмешиваться в мир, все человеческие действия формируются в социальной среде и там же приобретают смысл. Именно данное структурирование смысла в какой-то мере воздействует на структуру мировой реальности.¹

При глубоком изучении становится очевидным, что философские корни данной теории исходят из воззрений О.Конта и лингвистической теории Витгенштейна, где основоположники данного течения уверены в том, что языковые структуры формируют нашу социальную реальность. Основной ценностью «конструктивизма» является утверждение, что без существования внешней реальности невозможно объективное познание мира в качестве некой структуры, с позиции совмещения смысла и меж интеллектуального понимания в многостороннем порядке.

Конструктивизм видит международную политику в онтологическом смысле как взаимосвязь и противоположность истинным направлениям, которые самые фундаментальные явления общественной жизни определяют как созданные и сформированные материальной мощью, указывают на такие факторы, как менталитет и культура, ценности, суверенитет, проекты и т.д. Центром внимания конструктивизма, как отмечают некоторые исследователи, являются нематериальные параметры международных отношений, структурированность реальных событий, опора на взаимодействие структуры с акторами, значение идентичности в формировании понимания акторами таких понятий, как угроза, безопасность и роль закона в урегулировании управления и общественных связей.²

Теория конструктивизма является мостом в споре между позитивистами и поспозитивистами. Данная теория переместила центр

¹Onuf N. World of our me king. South Carolina: University of South Carolina press. 1989.

²См., например: Zehfuss M. Constructivism in international Relations. The politics of reality UK. Cambridge University press. 2004.

дискуссий международных отношений с гносеологии к онтологии. Конструктивизм, также как и позитивисты, строится вокруг таких понятий как проекты, смыслы, правила, образы и направления как мыслительные предпосылки, как и на материальные предпосылки. Выводы конструктивизма в международных отношениях происходят под воздействием истории и социума на политические явления. На этой основе мир является общественным, больше чем материальным.

Концепция конструктивизма отрицает значение анархии в международных отношениях в той интерпретации, которой придерживаются реалисты и даже либералы. Понятие анархии, в смысле отсутствия каких-либо рамок для государств в международных отношениях, не стоит защиты. В каждом политическом обществе существуют рамки, которых создает Центральная власть, однако они не есть лишь источник действий. В то время как от общества ожидается взаимодействие и сотрудничество, это означает, что в нем в частном или общем виде признаются определенные рамки взаимоотношений, на основе которых развиваются международные отношения. В так называемой, онтологии отношений, оценивая такие ментальные предпосылки как культура, методы и т.д. Центром распространения гуманитарных знаний выполняют в общей и частной форме идентичности, эти знания играют важную роль в международных отношениях.

Независимо от традиционных представлений, в частности, теории реалистов, понятие суверенитет, в теории международных политических отношений, было устойчивым и методологически обоснованным. К его формулировке, определению объема и содержания, применялся жесткий подход, оно оставалось практически неизменным. Однако, в новейших исследованиях, как это рассмотрено в нашей работе, данное понятие подверглось значительным изменениям, которые мы рассмотрели с позиции конструктивизма. В настоящее время независимость представляет собой

действия и противодействия государств в их межгосударственных отношениях.

Для превращения идентичности в суверенные государства, с позиции конструктивизма надо, чтобы другие восприняли их официально. Они легализуются тогда, когда идентичность координируется в обществе с культурой и рамками закона.

В этой связи конструктивизм начинает дискурс, подвергая анализу основную гипотезу реалистов о том, что международные отношения имеют анархичный характер, что так же является основой анализа данной теории по поводу международной безопасности. С точки зрения Н. Онуфа предположение об анархии оригинальны, так как существование власти (rule) не является обязательным для государств. Власть действий является многочисленной, что всегда можно заметить в международных отношениях.¹

Известный западный исследователь А. Вент считает анархию чем-то, о котором осведомлены государства. В свете его воззрений анархия формируется как инициатива самоопределения на двух уровнях - малом и большом, в то время как малый уровень становится предметом внимания, на основе чего государства пытаются приобрести большую власть для себя. Однако очевиден другой аспект анархии на большом уровне, где имеется в виду попытка приобретения власти на широком мировом уровне.²

В общем смысле конструктивизм, наряду с основными понятиями международных отношений, создает новые определения, такие как анархия и баланс сил, отношение между идентичностью и интересами государства, понимание и изучение мощности, причины изменения политики мира, отношения между структурой и экспертами. Последние два десятилетия в исследовательских кругах распространенными становятся утверждения о том, что субъективные ценности (subjective ideas) имеют большое значение в понимании влияния роли идей и выводов на структуру международных

¹ Onuf N. World of our me king. South Carolina: University of South Carolina press. 1989.

²Went A. Why a world State is Inevitable: Revisiting the logic of anarchy. Paper operated for presentation at the Annual Meeting of the International Studies Association in New Orleans. March, 2002. - С.17.

отношений.¹ Аналитическая программа конструктивизма, которая включает в себя определённое количество постулатов, подчеркивает значимость значения культуры и идентичности в мировой политике, теоретизирования политики и культуры в международных отношениях.

Важно иметь в виду, что первым важным онтологическим постулатом конструктивизма является то, что мыслительные конструкции и закономерности имеют такое же большое значение, как и материальные структуры, так как существуют «смысловые системы», которые определяют принципы объяснения экспертами (актерами) своего материального окружения.

Вторым постулатом является то, что идентичности формируют интересы и действия. Например, смысловые критерии в отношениях между Ираном и Россией или ЕС основаны на новой иранской идентичности (атомной), которая обособляет идентичность каждой из стран, интересы и действия этих сторон в противоположности друг другу. Понимание того, как формируются интересы и международные действия во взаимосвязи с содержанием идентичности и представлений об онтологической безопасности позволяет избежать ошибок, вызванных их определением в рамках традиции, или же отсутствием внимания на определенные особенности, или же неверным интерпретированием имеющихся смысловых форм.

Третьим постулатом конструктивизма, которого тщательно разработал Нотсен, выступает то, что в силу символической природы идентичности, эксперты и структуры соответственно формируют друг друга. Называя одним из важных аспектов конструктивизма дебаты по идентичности, он полагает, что идентичность государств является непостоянным, изменчивым и быстротечным явлением, происходящим запутанными внутренними и противоречивыми путями.²

¹Went A. Why a world State is Inevitable: Revisiting the logic of anarchy. Paper operated for presentation at the Annual Meeting of the International Studies Association in New Orleans. March, 2002. - С. 40.

²Sterling-Folker J. Realism and the Constructivist Challenge: Rejecting, Reconstructing or Rereading? International Studies Review. 1-4/73-100 (2002).

Одним из важнейших дебатов в онтологии конструктивизма являются дебаты по проблеме идентичности акторов. Идентичность подразумевает понимание и ожидание по поводу себя и своей особой роли. Идентичность невозможно определить вне политического сознания акторов, так как они кардинально нераздельны друг от друга, выступая в качестве формы и содержания. Общественная идентичность демонстрирует особые выводы от собственных действий по отношению к другим акторам, и которые стали причиной появления новых идентичностей, формирующих политические инициативы. Поведение акторов различается в зависимости от представлений о себе по отношению к себе и к другим – как другу, врагу или партнеру.¹

Конструктивисты определяют идентичность как «ктойность» или самоопределение по отношению к другим. С их точки зрения идентичность дает возможность государствам придать смысл своему миру и определить другие государства своими друзьями или врагами. В этой связи государства могут подвергнуться изменению или сохранению своего статус-кво, создать союз с какой-либо страной или же предпринимать меры по отношению к другой.² Действительно, отношения между государствами формируются на основе того смысла, который придается ими по отношению друг к другу, а не на основе их мощи. В этой связи идентичность становится важной темой и, по мнению А. Вента, идентичность государства имеет два важных значения. Первое, общественная идентичность правительства, которая состоит из внутренних, гуманитарных и материальных особенностей и второе, социальная идентичность, которая, суть, отражает смысл, придаваемый актором себе, и создает в представлениях других по отношению к себе.³

Понятие идентичности является одной из важнейших тем, рассматриваемых в онтологии конструктивизма и А. Вент объясняет в этой связи такие явления, как сотрудничество и конфронтацию государств в взаимосвязи с их идентичностью. Социальная жизнь считается

¹Went A. Collective Identity Formation and International State. American Political Science Review. 1994. С. 51.

² Wilmer F. The Social Construction of the Man. State and War. London Routledge, 2002. С. 59.

³Went A. Collective Identity Formation and International State. American Political Science Review. 1994. С. 9.

конструируемой, на том основании, что она находится под воздействием смысловых параметров (таких как ценности, структуры, течения, идеи и традиции), а идентичность считается формирующейся в соотношении «сам» - «другой», не являющейся заданной и общепринятой, а конструируемой под влиянием социальных традиций и влияющей на интересы, предпочтения людей и государств.

Важнейшим результатом влияния конструирования понятия внешнеполитическая идентичность на становление межгосударственного сотрудничества или конфронтации является то, что оно способствует формированию и реализации интересов государств. Другими словами, идентичность каждого государства представляет собой параметры его представлений и действий. Каждое государство на основе той степени идентичности, которое считает присущим другим, признает другие государства и формирует свои интересы в соответствии с ними. В то же самое время, государство в своих ежедневных действиях реконструирует собственную идентичность, тогда как данная идентичность представляет некое общее понятие и становится основой сотрудничества государств. В противном случае, данное обстоятельство становится эскалатором конфронтации.¹

Внимание конструктивистов к понятию идентичности логически их втягивает в дебаты по онтологической или же бытийной безопасности. На основе теории онтологической (ontological security) безопасности, государства в дополнение к своей физической и материальной безопасности так же стремятся и к собственной идентичности, ее защите. В этом отношении, Р. Говард следуя Дж. Метзону, считает, что государства ради защиты своей идентичности иногда готовы подвергать опасности даже свою физическую безопасность.² На основе парадигмы конструктивизма, для

¹Хайдар Али Масуди. Чанги Эруну Ирок аз манзари созангори (Война Ирана и Ирака: содержание и последствия). Тегеран, 1388. - С.66.

² Howard P. Constructivism and Foreign Policy. Presented at the Annual Meeting of International Politics.2005.

понимания причин возникновения союзов и конфронтации на международной арене, следует изучить способы и методы формирования представлений государств об интересах своих соседей, путей формирования политических стратегий и тактик данных государств. Конструктивисты считают, что международные отношения не являются чем-то вне понимания общества и переговоров, а структурируются внутри них. В соответствии с данной позицией, акторы действуют в рамках собственных приоритетов, законов и правил, основанных на их интеллектуальном, историческом и культурном прошлом. Ибо государства исторически относятся с особым уважением к своему прошлому, защищая его и строя на его базе свою собственную современную стратегию действий.¹

Подобные исторические дебаты можно резюмировать так, что представления государства о собственной идентичности имеют безусловное значение в формировании их инициатив, формировании собственных интересов, практических шагов в международной политике. Действительно, государства как социальные структуры строят мир на основе своей «базовой» идентичности, создавая особые варианты реализации своих политических планов. ИРИ, в соответствии с этим, также связывает свою обоснованную идентичность с моделью своей международной политики. Это стало возможно вследствие координации усилий политических акторов на двух уровнях - иранском внутринациональном и вненациональном, через освоение мирных атомных технологий. Данная новая идентичность ИРИ определяет международные отношения и международные связи Ирана, что само по себе является глубокой переменой. Данные наблюдения объясняют перевороты в сотрудничестве и конфронтации в международных отношениях Ирана, в том числе, в отношениях ИРИ с РФ и ЕС. В данном случае так же сотрудничество и конфронтация в соответствии с теорией «конструктивизма», берут начало из понятия «идентичность». Анархичный мир подобен полному сосуду,

¹ Mizin V. The Russia-Iran Nuclear Connection and US Policy' Options // Middle East Review of International- Relations, 2004: Vol.8. № 1. P.71-84.

который мы заполняем в соответствии с нашим межинтеллектуальным представлением о собственном суверенитете таким образом, что в соответствие с видом реализации суверенитета (враждой, конкуренцией, дружбой), можем прийти к конфронтации или сотрудничеству.

В этой связи интересно обратиться, прежде всего, к дебатам о том, что правительства являются теми объектами, которым свойственен политический суверенитет и политические интересы. Так как атомная проблема ИРИ связана с ее новой политической идентичностью, названной «ядерная идентичность», следует отметить, что она оказала воздействие на отношения Тегерана с другими странами. В этой связи следует уточнить, что государства являются акторами, действия которых строятся на основе их различных интересов, вытекающих из их идентичности, которая и определяет и их возможные действия.¹

Конструктивизм, начиная с 90-х годов становится преобладающим в западном дискурсе политических наук и теории международных отношений. Он является результатом борьбы рационализма и идеализма на данном объектном поле. В этой связи вызывает интерес такое определение понятия конструктивизма: конструктивизм есть структурная теория системы международных отношений, основными параметрами которого: выступают следующее:

а) государства являются первыми единицами анализа в политической международной теории;

б) ключевые структуры в системе государств больше являются материальными, чем интеллектуальными;

г) важная часть интересов и суверенитета государств, структурируется через эти конструкции, а не под воздействием человеческой природы и внутренней политики государств.²

¹Хумайро Маширзода. Гуфтуги тамаддунхо аз назари созангори (Диалог цивилизаций с точки зрения их созидательности)/Журнал Университета права и политики Тегерана, 1383. № 63. - С.207.

²Went A. Collective Identity Formation and International State. American Political Science Review. 1994. - С.73.

Более того, конструктивизм формирует причины и факторы, влияющие на картину международных отношений: 1) соотношение между анархией и гармонией сил, 2) отношения между политической идентичностью государства и его интересами, 3) проблемы с потенциалом страны на международной арене и перспективами изменений мировой политики.¹

В отличие от позиции неореалистов, считающих анархию необходимым фактором в международных отношениях, конструктивисты считают, что можно избежать анархии и полагают, что анархия и нестабильность есть то, что создается государствами и представлениями, которые они имеют о международной действительности. Поэтому, в отличие от мнения неореалистов, конструктивисты полагают, государства не обречены и не вынуждены оставаться в состоянии нестабильности, что заставило бы их заботиться о своей мощи.

Характерно, что государства способны изменить стереотипы и межинтеллектуальную культуру, укрепляющие международную систему, с тем, чтобы на протяжении времени установить миролюбивые интеллектуально обоснованные и неэгоистичные рамки. Хотя идеи конструктивизма не отстраняют государства от очагов конфликтов и нестабильности, но позволяют предвидеть их, предотвращать и ослаблять их негативное воздействие.

Безусловно, как показывает практика, власть является центральным теоретическим элементом для двух основных течений в теории международных отношений, т.е. неореализма и неолиберализма. С этой позиции материальная мощь (экономическая или военная) важнейшая база воздействия и потенции в мировой политике. В конструктивизме так же власть является одним из важнейших и осевых понятий, однако различается в определении. Конструктивизм выделяет власть переговоров (за знания, идеи... и материальные интересы) как важные для различных пониманий и

¹ Went A. Collective Identity Formation and International State. American Political Science Review. 1994. - С.116.

заклучений о мировых проектах. Теория уделяет большое внимание различным переговорам - текущим или глобальным, обосновывая это тем, что переговоры формируют верования и интересы, или же отображают их, таким образом, создавая предпосылки приемлемых поведенческих моделей. Общее мнение конструктивистов состоит в том, что идеи становятся основой создания межинтеллектуальных структур и элементов идентичности, производя те действия, которые от него ожидаются, другое же их действие заключается в их качестве предсказуемости и воздействии на повышение стабильности международных отношений и внутри политической ситуации. Общественные действия в большинстве случаев снижают смысловые расхождения между реальными акторами в обществе и с этой позиции способствуют повышению доверия, которое создается как результат общих действий и ответов, приобретаемые другими акторами.

Существует большая связь между теориями международных отношений и внешнеполитическими явлениями, в том числе - войной и миром, а также связанными с ними дискуссионными проблемами. К примеру, современные постмодернисты не принимают разобщенности во внутренней и внешней политике, как и превосходства понятий в международной политике и международных отношениях, считая их фундаментом в борьбе за превосходство и преимущества западного общества.¹ Специалисты этой области находятся на позиции между материалистами – натуралистами или же позитивистами, с одной стороны, и постконструктивистами с другой, по проблемам сущности международных отношений.

На наш взгляд, исходя из сказанного и пониманием теории конструктивизма в международных отношениях и внешней политики государств, а также ее воздействии на сотрудничество и конфронтацию на международной арене, стоит рассмотреть новое понятие - «суверенитет безопасности», которое так важно для определения «атомного суверенитета» ИРИ.

¹См.: Взгляд на международные отношения и внешней политики. Тегеран, 1382. - С.45-70.

В этом отношении, вне всякого сомнения, конструктивизм ввел в рассмотрение понятие «суверенитета» как ключ к пониманию проблем безопасности и внешней политики государств. С позиции конструктивизма, государства следуют в своих действиях на международной арене в соответствии со своим самоопределением. Суверенитет государств формируется и приобретает силу в их отношениях с другими и в социальной форме.¹ Отдельные представители конструктивизма пошли дальше в дебатах о влиянии идентичности на безопасность, критикуя и переосмысливая этот вопрос, использование одного из основных методов «безопасности», провозгласили идентичность более объемным понятием, нежели первичный смысл безопасности. Эта мера придает безопасности некую присущую ей идентичность, стараясь найти ответ на вопрос о том, почему некоторые государства вмешиваются в конфликты, к которым не имеют непосредственного интереса.²

В свете теории конструктивизма ряд государств не стремятся воздерживаться от проблем безопасности, которая составляет сердцевину теории конструктивного реализма. С точки зрения теоретиков конструктивизма, рутинизация приводит к чувству безопасности, даже если она есть суть рутинизация угроз безопасности. Например, в общественном сознании ИРИ происходит определенное привыкание к режиму санкций и возможному вооруженному конфликту. В этом случае государства желающие приобрести безопасность, могут быть втянуты в интеллектуальный конфликт. Совершенно обосновано утверждение, что «Стремление к суверенной безопасности» ставит новые смысловые акценты неинтеллектуальным конфликтам, тем самым, формируя новые пути в международных отношениях».³

¹Paul A. Kowert. Toward a Constructivist Theory of Foreign Policy, in Vendulka Kubalkova (ed), Foreign Policy in Constructed World. New York: M.E. Sharpe, 2001. - P.268-269.

²Махмуд Яздонфахм. Дигаргунихо дар назарияхо ва мафхуми амнияти байналмилали (Изменения в теории и понятия международной безопасности). Тегеран, 1386. - С.737.

³Хумайро Маширзода. Гуфтуги тамаддунхо аз назари созангори (Диалог цивилизаций с точки зрения их созидательности) / Журнал Университета права и политики Тегерана, 1383. № 63. -С.341.

В традиционных взглядах на безопасность обращается внимание на физическую независимости и возможность избегания лишь физических ударов (вооруженный конфликт) и вреда. Однако основной тезис заключается в том, что физическая безопасность не есть единственный вид безопасности, которую преследуют государства. «Суверенитет безопасности» может обеспечиваться в следствие само разрушающих отношений, которые подвергают опасности физическую безопасность, а государства, не учитывая своей физической безопасности, могут перейти к конфронтации.

Конфликтные практики становятся причиной углубления и продолжительности конфликта, тем самым, превращаясь в их идентичность. Если так случается, то изменение конфликтной ситуации становится гораздо сложнее, чем о том говорят реалисты. Утверждение о том, что государства должны избирать процесс рутинизации конкуренции, имеет ввиду то, что государства стремятся к конкуренции как к своей цели и она должна становиться для них обыденной практикой их международных отношений. Онтологическая безопасность (ontological security) признается официально как конкурентная линия, усиливается и перевоспроизводится субъектами международных отношений, рутинизация чего защищает их суверенитеты.¹ Таким образом, то, что служило прежде средством обеспечения безопасности, в дальнейшем становится целью и для сохранения качества дееспособности, делает необходимым постоянное пере воспроизводство конфликта.

Современные социально-политические процессы показывают, что рутинизация, зависящая от конкуренции, все еще остается на практическом уровне, нежели на переговорном. Государства все более рутинизируют конкуренцию, все глубже превращая в этом поле конфронтацию в сотрудничество. Конструктивисты считают, что государства лишь в конфронтации могут определять свою внешнеполитическую идентичность.

¹Хумайро Маширзода. Гуфтуги тамаддунхо аз назари созангори (Диалог цивилизаций с точки зрения их созидательности) / Журнал Университета права и политики Тегерана, 1383. № 63.- С.360.

Онтологическая безопасность обособляет причины, по которым конфликтуют государства между собой в тех ситуациях, в которых не имеют собственных интересов.

Согласно теории конструктивизма, безопасность не только указывает на внешнюю материальную ситуацию, но также является социальным, меж интеллектуальным, смысловым понятием, которое формируется и утверждается на социальных ожиданиях. Как полагает Мэт Макдональд, (Matt McDonald) во первых, форма безопасности, предопределяющая действия определяется центрированием на мнениях ведущих акторов, во – вторых, форма и структура действий определяется удивительным образом с централизацией на время вмешательства. И, в конце концов, определение рамок безопасности тогда становится понятным, когда значение действий определяется в зависимости от условий формирования угроз.¹ Данным определением обосновывается и определяется то, что перспектива развития отношений Ирана с другими странами мира формируется на основе этой новой «идентичности безопасности». Другими словами, онтологическая безопасность Ирана пересматривается на базе ее новой атомной идентичности. Так, по теории конструктивизма, новая иранская идентичность формирует интересы и последующие действия, которые вероятно не будут восприниматься как исключение Россией и Евросоюзом.

Многие последователи конструктивизма считают, что существует три онтологических основы социальной жизни, имеющие влияние на внешнюю политику и международные отношения. Это:

- 1) Значение ценностных структур, мыслительных идей, подобно материальным структурам.
- 2) Значение социальных идентичностей в формирование интересов и действий акторов.
- 3) Формирование противоположных экспертных действий.

¹Махмуд Яздонфахм. Дигаргунихо дар назарияхо ва мафхуми амнияти байналмилали (Изменения в теории и понятия международной безопасности). Тегеран, 1386. - С.739.

При этом особое значение придается воздействиям идей и мыслей. В то время как реалисты опираются на баланс военных сил, а марксисты – на экономическую структуру капитализма, конструктивизм подчеркивает, что идеи и убеждения, – это общие ценности, которые так же имеют структурное значение и большое влияние на социальные и политические действия. Ментальные структуры, ценности и интеллектуальные системы определяют пути и методы структурирования материальной составляющей международных отношений. С данной позиции события международной жизни действуют посредством познавательных структур, придающих смысл и значение материальному миру, выходящему из этой темы. Поэтому их действия различаются по отношению к друзьям и врагам. Так, общий смысл вытекает из традиций, реально противоречит тем структурам, которые формируют действия акторов.

В отличие от новореалистов и неолибералов, которые сознательно и намеренно ставят на один уровень вопросы формирования интересов с формированием идентичности, они оперируют общественными традициями. Конструктивисты уверены в том, что неореалисты неверно интерпретируют или же не учитывают распространенный тип международных явлений, которые являются для рационалистов ключевыми в понимании способов формирования интересов. С их позиции понимание способов определения нематериальных структур со стороны идентичностей акторов важно потому, что данные идентичности формируют интересы, а эти интересы – и есть источник действий.¹

Так, в соответствие с этой позицией, представители конструктивизма полагают, что причины становления новой идентичности Ирана заключаются в том, что эта идентичность является следствием другой сущности – как материальной, так и ментальной реальности, – освоении атомных технологий, обеспечивающей в большей части интересы Ирана. Таким образом, мы

¹Чохонгир Карими. Сиёсати хоричи аз назари такингароёни ичтимои (Внешняя политика с точки зрения исследователей социальных процессов). Тегеран, 1383. - С.63.

рассмотрим обстоятельства, приводящие к тому, что основы традиций и приоритетов, связанных с внешней политикой и средой вокруг нее являются совершенно безопасными для России и ЕС, ибо разнообразие связей и форм противоречий находится во взаимовлиянии. Формы внешнеполитических действий ИРИ в послереволюционные годы в основном претерпели существенные изменения под воздействием внутринациональных обсуждений, протекания и результатов межгосударственных переговоров. Вначале под воздействием революционной риторики, идеологии и дебатов, произошло существенное изменение акцентов в форме действий, направляющих их на достижение единения нации и государства для противостояния с западом, которое отразилась в форме «Не Восток и не Запад». Затем, в рамках революционных дебатов, религиозный модернизм уступил свое место революционному романтизму. Другими словами, на всех текущих обсуждениях проблемы «Не Восточной и не Западной» политики, ощущается отражение более широкой дискуссии об идентичности ИРИ, происходящей в обществе. В данной дискуссии обсуждаются темы ортодоксии и модернизма, значения международной системы и верность вере, транснациональной устойчивости национального государства. Данные темы стали предметом бурных обсуждений, возрождающих вопросы о границах идентичности и определении «Чужого», имеющих немаловажное значение для формирования внешней политики ИРИ.

С учетом всех сторон и в качестве вывода можно отметить, что конструктивисты, наоборот, подчеркивают «значение проявляющихся форм в структуре реального мира» и уверены в том, что важнейшей проблемой, связанной с идентичностью и безопасностью, является каким образом совмещать в едином контексте идею национальной независимости и международного сотрудничества. В данном случае идентичность представляет собой неустойчивое и случайное явление, подверженное постоянной конкуренции, где могут помочь определение идентичности и угроз, в смысле самоопределения и от кого должны защищаться, то есть

понимание «онтологической безопасности».

Конструктивисты также анализировали онтологическую безопасность во взаимосвязи с различными сторонами социальной жизни, такими, как «знание» и культура. Они в расширенном формате использовали свои конструктивистские гипотезы в совершенствовании дебатов по социальной безопасности, которые до этого были поставлены Дуайчем. Важнейшим результатом выдвижения и обоснования этих гипотез явился особый взгляд, который сформировала эта идея в исследованиях по безопасности. Примером этому может служить внимание ряда теоретиков, подобных Митзену, которые под влиянием теорий конструктивизма, стали рассматривать проблемы онтологической безопасности.¹ Данный взгляд, сформировавшийся на базе теории социальной идентичности, утверждает, что результат стремления к независимости (идентичности) – как для индивидов, так и для государств, выражается в их отношениях с другими индивидами или государствами. Значение этих стремлений к идентичности таково, что индивиды и государства для того, чтобы утвердиться в чувстве дееспособности, нуждаются в некоей познавательной и доказательной среде, на базе которой смогут устанавливать взаимосвязи между потребностями и средствами в нужное время. Это познавательное пространство, которое состоит из представлений индивида или государства о себе по отношению к другим и придает им чувство идентичности.

Обращение к анализу положений теории конструктивизма позволяет нам прийти к выводу о том, что идентичность государств, стремящихся к сотрудничеству или к конфликту, есть нечто иное, как социальные конструкции и последствия, появившиеся в результате взаимодействия стран друг с другом, исходя из указанных ориентаций их действий. Выраженность данной тенденции зависит от представления о ней руководителей (лидеров) стран и их представлений о независимости.

¹Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma. *European Journal of International Relations* / Vol.12. No.3, 2006.

В исследованиях по онтологической безопасности, подчеркивается, что политические организации не исключены из процесса формирования идентичности в отношении к индивиду, а также государствам и нациям. Хотя в большинстве текстов по международным отношениям непосредственно не используется понятие идентичности, однако оно постоянно находится в поле зрения исследователей. В последнее время широкое применение понятия внешнеполитической идентичности в исследованиях по безопасности, политологии и теории международных отношений стало причиной особой трактовки данного понятия в каждой из этих областей, что является вполне закономерным и оправданным. В то же время данные понятия стали органичными для теоретического дискурса и системы концептуализации этих сфер исследования.

Изменения в международных отношениях, в том числе, конец холодной войны, создали в теоретических и практических дискуссиях по безопасности условия превращения этого понятия в центральное.

Следует фиксировать, что применение понятийного ряда «идентичность» позволило теориям международных отношений новые пути решения актуальных для них проблем и обогатить свой концептуально-понятийный аппарат и связать его с аппаратом в большей мере прикладных, теорий безопасности.

Понятие безопасности приобрело значительные изменения в свете дебатов и осуществления политики безопасности. Краткое обращение к данным теориям в фокусе исследований по безопасности показало, что они являются показателями процесса полного взлета позиций, указывающих на присущие безопасности рутинизацию, преувеличения, радикализм. Они указывают на то, что безопасность имеет запутанные (сложные) толкования, ей присущи различные степени и измерения, а также сложное соотношение идеальности/материальности. Именно эти изменения понятия безопасности, его соотношения с идентичностью позволяют рассуждать о взаимосвязи «идентичности» и «онтологической безопасности».

Обращаясь к онтологическому аспекту анализа идентичности, можно обнаружить, что в этом плане идентичность обеспечивает политическому субъекту переживание онтологической уверенности, «...неоспоримой самообосновывающей определенности».¹ С этой точки зрения, она означает «...обладание чувством своего присутствия в мире в качестве реальной, живой, цельной и, во временном смысле, непрерывной безопасности».²

Изучение онтологического аспекта позволяет описать различные пути реализации идентичности как разные способы освоения «безопасности». Экзистенциальный аспект изучения идентичности раскрывает ее как способ решения экзистенциальных проблем. Э. Эриксон обосновал, что достижение идентичности невозможно без возникновения основных смыслов развития, таких как «Надежда», «Забота», «Мудрость», «Любовь» и т.д. Другими словами, идентичность определяется как способ жизни в плане отношения с другими субъектами и решения экзистенциальных проблем, т.е. как достижение определенной экзистенциальной позиции, противостоящей отчаянию. Эта экзистенциальная позиция предполагает отграничивающее и одновременно сопричастное отношение к миру и другим социальным группам, реализация которой требует наличия следующих условий:

- отграничения себя;
- присвоения как соотнесения с собственным опытом;
- умения вписаться в общественный контекст, вжиться в него.

В таком ракурсе анализа, процесс достижения идентичности обусловлен фундаментальными экзистенциальными мотивациями:

- необходимостью справиться с миром, условиями и возможностями, которые он создает;
- необходимостью справиться с жизнью – ростом, созреванием, бременностью существования и страданиями;

¹ Лэйнг Р. Я и другие / Пер. с англ. М., 2002. - С.33.

² Там же. - С.34.

– необходимостью открыться своему будущему, действуя, посвятить себя смыслу.¹

На этой основе можно сделать вывод, что анализ онтологической безопасности раскрывает содержание политической идентичности как формирование самооценности государства в соотнесении с внешним миром через решение международных задач.

Процессы, происходящие в осмыслении международных отношений, сами по себе стали причиной появления новых исследований по атомной безопасности, в связи с внешнеполитической идентичностью ИРИ, проблемам эффективного воздействия на международные экономические и политические отношения Ирана с ЕС и их безопасность.

В этом контексте атомная идентичность Ирана в свете различных сведений и информации о мирных программах Ирана позволяет создать новое понимание и восприятие Ирана в мировом общественном мнении. Это выявление новой политической идентичности ИРИ стало созвучно с международными вызовами, создаваемыми со стороны США и Европы. Однако из-за географического расположения Ирана в Центральной Азии, Россия не восприняла положительно данную новую политическую идентичность Ирана, что будет более подробно рассмотрено нами далее.

Таким образом, акторы стремятся к пересмотру определения своей политической идентичности на международной арене. Внешнеполитическая идентичность позволяет государствам придать смысл и значение своему миру, определяя в других государствах своих врагов и друзей. Государства с подобными представлениями предстают перед необходимостью изменять или защищать свое существующее состояние, входя в союз с одними странами, или предпринимая меры для противодействия с другими. На международном уровне независимость ИРИ, особенно после исламской революции, стала причиной изменения позиций и появления различных

¹ Лэнгле А. Грандиозное одиночество // Моск. психотерап. журн. 2002. № 2. -С.40.

противодействий по отношению к этой стране.¹

В общем, ментальное поле внешней политики ИРИ после революции приобрело некие утопически черты, впрочем, всем революциям свойственны подобные внешние утопические мечтания. Последняя схватка, приведшая к краху прежнего режима, произошла на фоне непримиримого конфликта между мечтами об утопическом городе (идеальном общественном устройстве) и существующей реальностью. Революционеры, свято веря в реальность и реализуемость собственных идей, считали, что их мечты являются поддающимися анализу проектами. Анализ этих позволяет определить причины веры революционеров в них. В исламской революции опора на идеи об утопическом городе больше устойчива по двум доводам: из-за устойчивости базовых концептов исламского сознания и проективного идеализирующего характера исламского политического и социального сознания.

Действительно в годы до исламской революции исламитизм превратился в поле политических сражений в Иране. Культура, взращенная в недрах подобного общества, имеет явные идеалистические и политические качества. Эта культура, имеющая определяющее значение в формировании идентичности ИРИ, характеризуется отрицательной оценкой Запада, и он в ней не предстает как место распространения культуры. Между тем, на основе исламских представлений, Запад является очагом империализма, интервентом, злоупотребляющим своими властными правами и разрушителем традиционной иной культуры. Истинной целью исламистских движений больше всего является создание условий для формирования самосознания, способного противостоять культурной и политической гегемонии Запада и сохранить собственную самобытность.²

Если отношения между Ираном и странами ЕС (особенно с Германией, Францией, Англией) рассмотреть по форме и содержанию, можно понять,

¹Cass Sunstein. Social Norms and Social Rules in Free market and Social Justice. New York, 1999. -С.59.

²Stempel J. D. Inside the Iranian Revolution. Bloomington: Indiana University Press, 1981. - P.33.

что в последние годы после победы революции больше развивалась формальная сторона этих отношений. Это обстоятельство с учетом двухсторонних связей иранских органов со странами ЕС на высшем уровне также стоит отметить в свете изменения «критических переговоров» в «конструктивные переговоры» и в итоге – «общих переговоров», которые сами по себе считаются положительным моментом. Это обстоятельство преобразовало одностороннюю критику в переговоры двухсторонние, имеющие обоюдный интерес. Содержательная сторона отношений Ирана и ЕС, в отличие от формальной стороны не претерпела особых изменений, а если и изменилась, то эти изменения не были глубоки и достаточны.¹

Действительно, становится очевидным, что двухсторонние отношения пока остаются достаточно хрупкими и зыбкими, а те меры, которые предназначены для устранения данного обстоятельства, не обеспечивают необходимости сознания стратегических отношений. Атомная проблема Ирана рассматривается как угроза (вызова) в иранских отношениях с ЕС.

Для более глубокого раскрытия темы политических отношений ИРИ и ЕС, и формирования политической идентичности Ирана, необходимо обратиться к вопросу идентичность иранского социума в контексте развития современного мира.

¹Stempel J. D. Inside the Iranian Revolution. Bloomington: Indiana University Press, 1981. - P.48.

ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИРАНСКОГО СОЦИУМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

§ 1.2. Формирование и сущность новой политической идентичности Ирана

Несомненно, идентичность современного иранского общества обладает значительным содержанием и, как отмечалось выше, характеризуется тысячелетней своей историей. Несмотря на огромный эпохальный пласт формирования идентичности Ирана, особенно – его политической идентичности, не завершено окончательно и сегодня. Оно продолжается, отражая современные противоречия и результаты как внутренней, так и внешней политики этого государства.

Если внимательно изучать современную политическую идентичность Ирана, можно обнаружить, что в её основе лежит, прежде всего, исламское мировоззрение и учение мусульманских богословов и мыслителей. По своей сути, как отмечал один из современных исследователей, мировоззрение ислама является текстуальным, основанным на следовании извечно установленному тексту, его комментарию, применительно к новым современным условиям.¹

На этой основе, характерно, что политическая идентичность Ирана предполагает свободное волеизъявление его народа в рамках общеисламской идентичности и веры, независимое развитие собственных политических институтов и традиций, формирование передового общества и его материальной основы. Последним объясняется стремление Ирана, возведенное в ранг принципа внутренней и внешней политики, к получению

¹ Вайсс Б.Дж. Дух мусульманского права /Б.Дж. Вайсс. М.: Диля, 2008. – 236 с.

всеобъемлющего знания, развитию науки и технологии. Этот принцип также признается и в качестве неотъемлемой нормы международного права.

Для этой страны и ее населения естественным является признание за человеком и любой общностью права на независимую позицию и свободное суждение. Данное право не может быть никем и ничем ограничено, кроме указаний Аллаха, изложенных в Коране. В самом Иране, как известно, основополагающие подходы к мировым и региональным проблемам базируются на устойчивом стремлении к обеспечению национальной идентичности, а также обстоятельном анализе происходящего в мире. Например, в столице страны - Тегеране охотно говорят вслух то, о чем многие предпочитают молчать. И нередко иранцам, выдвигавшим очень смелые для своего времени идеи, удавалось предвосхитить дальнейшее развитие событий. Так обстояло дело, как это было с вопросом о более справедливом мировом экономическом порядке и обеспечением прав народов на полезные ископаемые их стран, которых поднял в 1951г. Мухаммед Моссадык.

Иранцы акцентируют внимание на том, что страны Запада, вступившие в полосу затяжного кризиса, совсем не годятся на роль менторов для государств, имеющих давний опыт самостоятельного развития и достаточно развернутую демократическую систему, пусть и отличную от западной. Они также уверены в том, что их политическая модель соответствует реалиям XXI века и органично вписывается в формирующуюся структуру многополярного мира.

Взгляд на задачи национального развития и внешнеполитическую ориентацию прочно соединился в сознании иранцев со скептическим, можно даже сказать ироничным восприятием попыток Запада представить западный образ жизни и ценности в качестве безальтернативной модели «цивилизованного устройства». Иранцы активно ссылаются на кризисные явления в Евросоюзе, в финансовой системе западных стран, тем более отторжение вызывают «советы» Вашингтона и европейских столиц, высказываемые в неприемлемой, нажимной форме.

Специфичным является и субъектный состав формирования политической идентичности Ирана. Он сочетает в себе привычные для западной модели элементы с уникальными элементами, обусловленными общим исламским мировоззрением, политической историей Ирана и единичной ситуацией апрельской революции. В Иране действует многопартийный парламент, свободные выборы парламента и президента страны, действуют политические партии и общественные организации. В Республике существует сеть мощных средств массовой информации, охватывающих все сферы социальной коммуникации (радио, телевидение, кино и театр, музыка, интернет, газеты и журналы, книгоиздание), на постоянной основе функционирует несколько известных исследовательских центров по проблемам философии, политологии и социологии. Данные центры изучают не только внутривнутриполитические процессы Ирана, но и его внешнюю политику, и процессы, протекающие в других государствах и в мире, в целом. Несколько таких центров (в Мешхеде и Тегеране) обладают международным признанием и авторитетом. Полученные результаты исследований не только удовлетворяют познавательный интерес граждан страны и ее друзей, но и служат рекомендациями для государственных органов при выработке политических решений и законодательства.

Примечательно, что отличительной чертой исламского мировоззрения и его политической культуры выступает постепенность, взвешенность принимаемых решений, глубокая их доктринальная доказанность. Они являются результатом длительного обсуждения в среде авторитетных богословов и ученых. Специфическими субъектами формирования политической идентичности Ирана является Высший совет исламской революции, Совет улемов и Лидер народа — Аятолла. Именно, благодаря им, принимаемые решения являются обоснованными и соответствующими положениям всей многовековой социально-политической мысли ислама.

Что касается вопроса формирования внешнеполитической идентичности ИРИ, то оно происходило под воздействием внешней политики

страны, которая за последние 30 лет претерпела несколько существенных преобразований. Однако, несмотря на преобразования и перевороты во внутренней политике, разнонаправленные действия во внешней политике, некоторые действия Ирана и основа его политики имели постоянный характер. По этой причине, актуальным оставался вопрос – в чем же истинная причина неровных действий ИРИ во внешней политике? Исследования внешней политики и международных отношений в поиске ответа по поводу причин взлетов и падений внешней политики ИРИ объясняются на основе понятия физической безопасности. Важнейшей причиной неровных внешнеполитических действий Ирана в свете ее онтологической безопасности называется конфронтация и политические поиски для обеспечения своей онтологической безопасности. То есть в своей внешней политике ИРИ больше озабочена защитой своей политической идентичности как исламского государства, и как отмечают местные исследователи, она отдает предпочтение обеспечению своей онтологической безопасности наполняя ее исламской идентичностью.¹

В соответствии с понятием онтологической безопасности ИРИ, а так же в целях обеспечения ею политической идентичности, необходимо учитывать целенаправленное использование Западом процессов, действий и традиций, с помощью которых страны данного региона мира пытаются ослабить исламскую составляющую политической идентичности Ирана и держать процессы, происходящие в нем, под своим контролем. Они тем самым, добиваются реализации своих интересов и эффективности своих действий и инициатив. Правительство же для защиты собственной онтологической безопасности даже готово противопоставить Западу свою физическую безопасность. По этой причине, правительство Исламской Республики Иран для защиты своей исламской революционной суверенной безопасности обращается к непримиримым путям в своей атомной политике. На этой стезе его действия

¹ Саидчалол Дехкони Фирузободи. Тахавули назарияҳои мунозиа ва ҳамкори дар робитаи байналмилали (Эволюция теорий расхождения и сотрудничества в международных отношениях). Тегеран, 1382 (на персид. яз.). - С.61.

будут зависеть от рутинных и традиционных изменений, способных в высшей мере изменить политическую идентичность, как данного правительства, так и собственное самосознание, и самосознание других акторов.¹

Неоспоримый факт, что современную внешнеполитическую идентичность Ирана невозможно понять в отрыве от истории отношений ИРИ с ведущими странами мира - США, Германией, Великобританией, Францией и Россией.

Если обратиться к истории отношений ИРИ с Германским государством, то можно сказать, что после вторичного объединения Германии в 1369 г.х. /1991г. отношения между ИРИ с объединенной Германией представляли собой многомерный процесс. В нём, кроме экономической, были предприняты существенные меры в культурном и политическом аспектах, в то время как атомная проблема Ирана становится реальным вызовом во внешней политике Ирана и Германии.²

Отметим, что ранее, до воссоединения Демократическая Республика Германия признала временное революционное исламское правительство, а Эрих Хонеккер, председатель Госсовета, от имени органов Демократической Республики Германия, ежегодно посылал поздравительные телеграммы по случаю дня революции великому руководителю революции, президенту, премьер министру Временного исламского революционного правительства и другим органам Исламской Республики Иран.³

На основе экономических проблем, ИРИ так же признает особый вклад в своем внешнем сотрудничестве со странами, противниками США. В 90-е годы лунного календаря относительный промышленный прогресс Восточной Германии по отношению к другим социалистическим странам Европы стал стимулом сотрудничества с этой страной. После краха коммунистической

¹ Илхом Расулии Сониободи. Хифзи амнияи хастишиносона ва созишнопазири Чумхурии Исломии Эрон дар масъалаи хастаи (Защита ядерной безопасности и недоговорённость ИРИ в ядерной проблеме). Тегеран, 1385 (на персид. яз.). - С.26.

² Али Рахмони. Олмон манофеи миллии в бехатарии Ирон (Германия, национальные интересы и безопасность Ирана). Тегеран, 1384 (на персид. яз.).

³ Манучехр Мухаммади. Муруре бар сиёсати хоричии Эрон дар тули давраи Пахлави (Взгляд на внешнюю политику Ирана в период правления Пехлеви). Тегеран, 1379 (на персид. яз.). - С.48.

системы в Восточном блоке, силами народа в 1990 году была сокрушена Берлинская стена и Германия объединилась, восстановив также единство управления государством.

После победы исламской революции Джеймс Калохан - премьер-министр Англии, на десятый день деятельности исламского правительства официально признает Правительство Бозаргона. Это обстоятельство указывает на то, что Англия, обратив внимание на структурную и политическую сущность Ирана, вначале не была уверена в перспективных направлениях и формировании политических отношений с Ираном. Признание с задержкой, но все же - признание политической структуры, показывает, что революция способна влиять на форму отношений с Ираном. Это с учетом того процесса, когда отражаются противоречивые показатели в отношениях Ирана и Англии в различных временных отрезках.¹

Между тем, двухсторонние отношения, после исламской революции Ирана и последующие 10 лет правления Маргарет Тетчер в Англии, не отличаются особой спецификой и каждый раз, когда приоткрывалась дверца для развития отношений, не проходило много времени, когда по какой-то причине они быстро ухудшались.²

Одной из истинных причин того, что Англия не встала на сторону Ирана, было ее отношение к произошедшей там исламской революции. Интересы Великобритании были тесно связаны с арабскими правительствами в Персидском заливе, а иранская революция внесла региональную нестабильность. Взлеты и падения политики на среднем Востоке являются наиболее ярким примером косвенного и непосредственного влияния Ирана на политику мусульманского мира.

В определённой степени, на наш взгляд, период правления Хошими Рафсанджани можно назвать оттепелью в отношениях между ИРИ и Англией. После проведения заседания Совета национальной безопасности

¹Бредфорд Дж. Мартин. Таърихи равобити Эроу Олмон (История отношений Ирана и Германии). Перевод с немец. Тегеран, 1368 (на персид. яз.). - С.12.

² Там же. - С. 33.

страны, обсуждавшей роль Англии и признание достаточной уважения ею исламской религии в Тегеране, в Лондоне 5 мехра 1349 г.х. со стороны министерств иностранных дел двух стран была принята декларация, что стало причиной некоторого потепления двухсторонних отношений. При этом есть мнение, что атака Ирака Кувейтом стало следствием рутинизации в отношениях Ирана и Англии и причиной улучшения отношений Ирана и Англии, что можно трактовать и как стабилизирующий фактор в регионе.¹

С приходом к власти лейбористской партии в 1997-г., в Англии под руководством Тони Блэра, и с приходом к власти в Иране, Саида Мухаммада Хотами, в том же году, в качестве Президента ИРИ, стали периодом потепления в политике двух стран.²

В период правления Правительства Хотами, в г. Шахриваре 1378 г/2000г., произошел обмен английским и иранским посольствами. Международные и политические отношения двух стран вошли в новый этап своего развития, характеризующийся снятием конфликтов. Казалось, что каждая страна к этому процессу подходила крайне серьезно, к чему имелось множество причин, важнейшими из которых были изменения в международной политической ситуации в отношении к новому иранскому правительству, в особенности, изменение отношения правительства Клинтона-президента США к этому государству, взаимные экономические и геополитические интересы. Как отмечали тогда эксперты, новый подход Англии был основан на двух столпах: 1) укрепление и развитие двухсторонних отношений с Ираном, в первую очередь, экономических; 2) разрешение атомных противоречий с Ираном путем переговоров и привлечение Ирана к разрешению региональных противоречий и конфликтов.³

Наилучшим периодом отношений Ирана с Францией можно назвать период, когда Иранская революция только формировалась. Правительство

¹Рузномай «Чумхурии исломи» (газета «Исламская республика»). От 17.06.1982 г.

²Рузномай «Иттилоот» (газета «Информация»). От 06.04.1999 г.

³Саид Хусайн Мусавиен. Чолишхои равобити Эрон ва Гарб: баррасии равобити Эрон ва Олмон. (Тенденции отношений Ирана и Запада: взгляд на отношения между Ираном и Германией). Тегеран, 1385 (на персид. яз.). - С.87.

Жискара Де Эстена, ощущая скорый крах правительства Шаха, и считая себя нуждающейся в сотрудничестве с Ираном, выражала уважение к революционным взглядам иранского народа.

Во время происходящих социально-политических перемен в 1979 г. Франция серьезно заинтересовалась революционными проблемами Ирана. С одной стороны, пребывание аятоллы Хомайни во французском Новел Нушото, с другой стороны – убежденность Жискара Де Эстена в скором крахе правительства Шаха, определились как положительные будущие перспективы двухсторонних отношений Франции и Ирана. Следует учесть, что общее мнение Франции об Иране в это время совпадало до такой степени с ходом революции в Иране, что французская пресса иногда сравнивала иранскую революцию с французской.

Кратковременное, но очень значимое пребывание Имама Хомайни в городке Новел Нушото, а так же позитивная роль французской прессы в освещении теорий вождя иранской революции имело большое значение. Больше того, первое интервью Имама Хомайни западной прессе газете «Ле-Монд» произошло зимой 1357/1979 года, где свободололюбивое движение Ирана под предводительством Имама Хомайни было названо ключевой силой этой революции.¹

Заслуживает констатацию то, что французская газета «Ле Монд» в октябре 1980 года в статье «Мы празднуем в 1989г., год революции Франции» показала, что общественность смогла понять интеллектуальную составляющую революционного движения народа Ирана. Поведение Франции было приветствовано иранским народом. Революционные деятели отправили благодарственные телеграммы в Париж, иранцы приносили цветы в Посольство Франции в Тегеране. Это происходило тогда, когда французское правительство старалось как можно больше показать свою нейтральность. В это время Франция подчеркивала, что придерживается

¹Абдулризо Хушанг Махдави. Таърихи равобити хоричии Эрон (История внешних связей Ирана). Тегеран, 1369 (на персид. яз.).- С.277.

политики невмешательство во внутренние дела других стран и, в то же время, пристально следила за всеми событиями в Иране. Конечно, не стоит забывать, что французы знали о противоречии и вражде ИРИ под руководством Имама Хомейни с США, Англией и СССР и верили в то, что смогут занять место США в этом государстве. Собственно, им казалось, что история повторяется, а Франция может, как во времена Фатхалишаха Коджара, использовать в свою пользу отвращение иранцев от вмешательства русских и англичан в дела их страны, показывая себя как третью силу и установителя баланса сил.

Навязанная Ираком война против Ирана, втянула отношения Франции и Ирана в новую стадию страхов и надежд, ибо Франция с одной стороны опасалась потерять свою выгоду в Иране, а с другой – ввиду близости Ирака к другим арабским режимам, таким, как Саудовская Аравия, считала себя вынужденной быть на стороне Ирака.

Кроме того, Франция в случае отказа от покровительства Ираку, считала, что может лишиться своего места в Персидском заливе, которое она старалась приобрести в течение 10 лет. За этим покровительством последовал поток французского оружия в Ирак. В общем, покровительство Франции в Ирако-иранской войне можно разделить на две отдельные части: хронологическая, которая начинается с начала вторжения Ирака на территорию Ирана, захвата важнейших его частей, и с середины 1341г., т.е. с того времени, когда мощные удары Ирана вынудили Ирак отступить. На начальном этапе вторжения Иракской армии и захвате обширной территории Ирана, Франция под предлогом того, что это внутренняя проблема двух стран и должна решаться политическим путем или же при помощи Совбеза ООН, выразила свой нейтралитет, не выказывая явно своей симпатии к Ираку, однако следовала своим договорам о поставках оружия. Такая позиция позволила Франции, через скрытую или иногда явную симпатию к Ираку, расширить своё присутствие в Персидском заливе, затем, сохранить дружественные отношения с арабскими странами, что имело большое

значение в использование возможностей региона. Во втором периоде, т.е. с середины 1361г. (1983г.), освобождение Хуррамшахра и многих захваченных иракской армией территорий, посеял страх от экспансии исламской революции в лидирующие страны региона, объединив ее истинных и косвенных акторов в один кулак, называемый «сторонники Ирака».¹

С приходом к власти на пост премьер-министра Франции Жака Ширака, в своей первой речи по поводу Ирана он отозвался о нем как о великой державе, выступив против международной обструкции Ирана. Приветствие этой позиции Жака Ширака премьер-министром Ирана Рафсанджани, открыла новую веху взаимного сотрудничества Ирана и Франции.

Вместе с тем, в большинстве своем, позиция Франции, имеющая целью торможение процесса новых экономических санкций США против Ирана, оценивается нами положительно. В этой связи достойны внимания односторонние инициативы Франции против антииранских американских законов (ДОМОТО). Вхождение энергетического гиганта Франции (ТОТАЛ) вместо американской фирмы (КОНКО) в нефтяное поле Ирана, стало положительным шагом в развитии двухсторонних экономических отношений Тегерана и Парижа.

Победа Хотами на выборах в Президенты Ирана в июне 1998г. было с радостью приветствовано французами, которые считали его открытым к реформам. Франция объявила о своей поддержке реформ в Иране, не забывая так же и об осторожности. Поездка Президента Хотами в ноябре 2000г. во Францию считается временем наивысшего развития отношений в XXI веке. Надо отметить, что независимо от обсуждаемой тематики во время этого визита лидеры стран не использовали терминологию терроризм, атомные исследования, оружие массового поражения и т.п.²

Отношения ИРИ с ЕС до исламской революции больше имели экономический характер, когда стороны, с подписанием соглашений в 1340

¹Мино Захирнаход Иршоди. Асноди равобити Эрон ва Олмон (Документальные факты отношений Ирана и Германии). Тегеран, 1377 (на персид. яз.). - С.24.

²Там же. - С.31.

(1963г.) заложили основу двухсторонним отношениям. Тогда Иран был одним из стран подписавших данные коммерческие и экономические соглашения и страны начали развивать двухсторонние экономические и торговые отношения в рамках, приемлемых для Европы, невзирая на то, что возможности этого соглашения были ограничены и состояли из четырех привычных для Ирана видов товаров.

После победы исламской революции политические отношения Ирана и Евросоюза стали развиваться неровно. В некоторых моментах двухсторонние отношения были очень холодны и проблематичны. В общем, отношения Ирана и Евросоюза в четырех привлекающих внимание периодах, особенно - двух последних, то есть становления Ирана как ядерной страны, становятся причиной вызовов в двухсторонних отношениях.

Первый этап подразумевает победу революции до первой декады 90-х гг. прошлого столетия, то есть до окончания холодной войны. Во время революции иранские политики и специалисты по Европе верили в то, что Запад может лучше и гибче осуществлять свои отношения с Тегераном. Если считать первой проблемой пехлевийское наследие и обиду иранцев на Западную Европу, особенно, к британцам и их отношения с иранским царем, может быть конструктивные отношения между сторонами могли бы сложиться. По мнению многих исследователей, ряд вызывающих обстоятельств в начале и середине 80-х гг. XX века таких, как Ирако-иранская война, Иранская революция, захват западных заложников в Ливане, стали причиной еще большего осложнения этих отношений.¹

Конец войны с Ираком в 1366 г. (1988г.) стал причиной того, что отношения между Ираном и Евросоюзом во многом изменились. Дипломатические отношения дошли до обнадеживающих, когда произошло разоблачение Салмана Рушди. Последующие за тем защита от новой волны борьбы в Западном мире и ряд дипломатических конфликтов двух сторон, в

¹Холзода Саид. Баррасии хамкорихои иктисодии Эрон ва Иттиҳодияи Аврупо дар ду даҳаи ахир (Экономическое сотрудничество Ирана и ЕС за последние два десятилетия). Тегеран, 1383 (на персид. яз.). - С.28.

общем, стали причиной кризиса в отношениях Ирана и ЕС. В общем и целом, в это время двухсторонние отношения оставались холодными и недружественными, в них властвовало недоверие.¹

Второй этап охватывает период с начала 70 (90-х) до прихода к власти правительства Хатами (1997\1376г.). В 1371-1372 г.х. (1993-1994гг.) отношения Ирана в ЕС называли «революционными дебатами». В этой связи в середине 90-х г., когда стали проявляться положительные моменты в двухсторонних отношениях между Ираном и ЕС, решением Берлинского суда Миконос и завершением «критических переговоров» этим отношениям неожиданно пришел конец. В это время еще даже не возникал вопрос об атомной проблематике Ирана.

Третий этап - деятельность правительства Хатами, т.е. с начала в 1372г.х. характеризуется положительным отношением ЕС к внутренним преобразованиям Ирана, поддержкой ЕС реформ, обещающих позитивные для Европы изменения позиции Ирана во внешней политике. Данные установки привели к беспрецедентному потеплению в отношениях между ИРИ и ЕС. С завершением миконосского кризиса и возвращением посольств к местам службы осенью 1372г. (1994г.) устранением препятствий к развитию связей, начался новый этап так называемых «всеобъемлющих переговоров» (осень 1377\июль 1998г.) в Тегеране. ЕС в это несколько лет осуществлял стратегию улучшения и большей открытости в отношениях Ирана и ЕС, однако в то же время, стремилось к тому, чтобы были внесены изменения в позицию Ирана по некоторым актуальным проблемам, в частности - по атомной проблематике.

В этой связи уместно подчеркнуть, что форма отношений Ирана с ЕС является отражением двух процессов: с одной стороны, поиск путей осуществления позитивной внешней политики в условиях единства внешнеполитической мысли, идеологических обязательств и революционного

¹Манучехр Мухаммади. Муруре бар сиёсати хоричии Эрон дар тули давраи Пахлави (Взгляд на внешнюю политику Ирана в период правления Пехлеви). Тегеран, 1379 (на персид. яз.). - С.33.

оптимизма с более реалистичными или более осторожными планами. С другой стороны, объединение постреволюционного иранского общества стало причиной создания ряда препятствий в реализации данных процессов.¹

В начальном этапе этого периода Брюссель не спешил улучшать отношения с Ираном, кроме того, он больше интересовался четырьмя проблемами как предметами его опасений: проблемой С. Рушди, прав человека, атомной и военной проблемы Ирана и политики, связанной с последствиями мира на Среднем Востоке.

Четвертый период данного процесса, имеющий в виду период после 11 сентября 2001г. характеризуется тем, что политика ЕС постепенно стала претерпевать изменения на основе контроля над атомной проблемой Ирана и ее двойственной - враждебно-дружественной позиции. Данный процесс диктует необходимость соблюдения прав человека, противодействия саботированию процесса переговоров по проблеме мира на Среднем Востоке и защите от терроризма в политике США. Например, 15 стран-членов ЕС в июне 2003г., изданием совместной декларации, предупредили иранские власти о том, что переговоры ЕС и ИРИ будут эффективны только в случае признания Ираном позиции ЕС по правам человека, воздержания от создания атомного оружия массового поражения, поддержки терроризма и участия в процессе миротворчества на Среднем Востоке.²

Считается, что после событий 11.09.2011. произошли существенные изменения в отношениях ИРИ и ЕС, состоящие в том, что со стороны ЕС в развитие переговоров были выдвинуты условия. Двойственная политическая идентичность Ирана (конфронтационно\миролюбивая) в отношении движения к становлению атомной державы - стремление стать атомной сыграло решающую роль в изменении отношения к нему. В этот период ЕС связывает экономические отношения с политическими. До этого момента

¹Саид Хусайн Мусавиен. Чолишхои равобити Эрон ва Гарб: баррасии равобити Эрон ва Олмон. (Тенденции отношений Ирана и Запада: взгляд на отношения между Ираном и Германией). Тегеран, 1385 (на персид. яз.). - С.55.

²Там же. - С.44.

отношения стран ЕС с ИРИ в экономической области отличались от отношения США к ИРИ, страны ЕС, как бы, не замечая санкций США, инвестировали в нефтяную и газовую промышленность Ирана. Однако теперь отношение ЕС изменилось и в экономическом плане. Например, ЕС отложило подписание соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве с ИРИ и связало их переход в плюс с изменением политического поведения ИРИ по указанным параметрам и, в особенности, с атомной проблемой. Это обстоятельство стало приобретать черты предупреждающей о негативной тенденции в развитии отношений.

Действия ЕС в настоящее время, иногда называемые новой силой, регулирующей мир, претерпели взлеты и падения по отношению к ИРИ. Правда в том, что ЕС, который больше имеет влияние на европейском поле, по отношению к ИРИ использует однополярные нормы, ценности и мерки, которые не всегда могут рассматриваться как элементы позитивных изменений. Другими словами, внешнеполитические шаги ЕС по отношению к ИРИ, как во времена биполярности, так и в период холодной войны, показывают продолжение краха биполярной системы, приобретая особую значимость для формирования идентичности.¹

Вне всякого сомнения, одним из важных элементов в воздействии ценностей и норм во внешних шагах ЕС и ИРИ можно назвать 11 статью Соглашения ЕС по поводу осуществлению совместной внешней политики и политики безопасности:

- ЕС и страны-члены осуществляют единую внешнюю политику и политику безопасности, несущую в себе весь спектр внешнеполитических проблем и защиты, определяемой и исполняемой, цели которой состоит в том, что:

- защита общих ценностей в основных интересах, независимости и единых пределов, единства методов и подходов, рекомендованных ООН.

- всестороннее усиление безопасности;

¹Манучехр Мухаммади. Муруре бар сиёсати хоричии Эрон дар тули давраи Пахлави (Взгляд на внешнюю политику Ирана в период правления Пехлеви). Тегеран, 1379 (на персид. яз.). - С.88.

- защита мира и усиление международной безопасности по типу ООН, а так же документов Хельсинки;
- общие цели, в том числе, по отношению к зарубежным пределам (границам);
- развитие международного сотрудничества;
- развитие и укрепление демократии, власть закона и уважение прав человека и политических свобод.

Другими словами, ЕС во внешнеполитической деятельности по отношению с Ираном, как в период биполярности, во время холодной войны, в период свержение режима биполярности, продолжало использовать особые методы. Эти методы и ценности с позиции конструктивизма характеризуются общей переменной и независимой внешней политикой, которая находится в несовместимости с некоторыми методами и нормами, принятыми в Иране. Разнообразие двух общества становится основным препятствием развития отношений Ирана и Запада и ЕС.

Несовместимость идентичностей и ценностей после революции, между Европой и Ираном есть результат разного подхода к политическим и светским вопросам, к клерикализму Ирана и Европы (либерализм и капитализм), взаимодействующих друг с другом в сфере обмена международными ценностями и нормами и представшими перед вызовами. В действительности же, существуют сомнения в той части, что ЕС является объединенной нормообразующей и материальной силой. Она, как некая нормообразующая структура, присутствует в теоретических и практических вызовах, предстает как противоречивый и разнообразный актер в международных отношениях, но гарантии его позиционирования нормативной политики (единой политики) во всех направлениях и проблемах нет. Поэтому подобное представление о ЕС, хотя и является частью реальности, остается маргинальным, неполным и не бесспорным.¹

¹Шер Гуломи Халил. Иттиходияи Урупо ва сиёсати хоричии хинчори (Евросоюз и челночная внешняя политика). Тегеран, 1386 (на персид. яз.).

Существующая ситуация по поводу Ирана дает ЕС шанс реализовать свои интересы в отношениях с Ираном. Интересы же Европы в Иране являются многоаспектными, и важнейшими из них являются: 1) Комплекс интересов безопасности; 2) Экономические интересы; 3) Геополитические интересы; 4) Этико-нормативные интересы. Однако эти широкие и многоплановые интересы, не всегда обязательно дополняют друг друга, поскольку:

Во-первых, атомную проблему Ирана Европа оценивает как угрозу своей безопасности. Иран, имеющий атомное оружие, обязательно представляет непосредственную угрозу безопасности Европы, особенно, если может прикрутить ядерные боеголовки к своим ракетам. Это явление представляет еще большую опасность для Соглашения о нераспространении атомного оружия (NPT).

Выход ИРИ из NPT, после выхода Северной Кореи, в 2002г. означает завершение мировой системы распространения атомного оружия. Предположение о том, что Иран поддерживает терроризм, является другой угрозой, особенно, если Иран, как член «аль-Каиды», дает им приют, и в конце концов, наиболее опасная форма его поддержки – это предположение о том, что он может повлечь за собой союз атомного проекта ИРИ с терроризмом, что, по словам Хавьера Соланы, является самым худшим сценарием развития атомного проекта Ирана из всех новых угроз безопасности Европы [130,55].

Во-вторых, развитие атомной программы ИРИ является и важной экономической угрозой для Европы, которая является крупнейшим потребителем нефти, газа в мире и сильно зависит от ввозимого горючего из Персидского Залива. Иран, вооруженный атомным оружием, также может вносить дестабилизацию в уязвимый регион, подвергая опасности центры добычи энергии для Европы. В то время, когда война за нефть имеет известных противников, но реальность такова, что спокойствие и мир поставщиков энергии в Среднем Востоке является наиболее важной заботой

Европы. Конечно, необходимо добавить, что в энергетической политике ЕС и его энергетических перспективах до 2030 Иран, после России и Нигерии, считается третьим вариантом, который может быть ответом на растущие запросы развивающихся стран Европы на источники энергии, особенно газового топлива. Выражаясь яснее, рост потребления энергии Европой в два раза в два раза в начале 2030г., связан с двумя факторами: фактическое уменьшение водных ресурсов на севере и запрет на постепенное увеличение добычи энергии Россией, при росте потребления ЕС к этой дате являются важнейшими моментами энергетического будущего Европы, которое замыкается на перспективах неизбежного обращения к энергетическим, в особенности, газовым ресурсам Ирана.¹

В-третьих, в отношениях стран ЕС с Ираном, особенно на основе осуществления единой внешней политики, присутствуют несколько моментов. Члены ЕС имеют единое мнение по поводу своих интересов в ИРИ. Создавшиеся условия требуют поиска точек соприкосновения и влияния на Иран для того, чтобы сделать возможным подписание с Ираном протокола по НРТ.

В-четвертых, отношения ЕС с Ираном необходимы для обновления двухстороннего сотрудничества Атлантики для Европы. Реконструкция дипломатических отношений Европы с США, координация ее стратегии с Вашингтоном на основе иранской проблематики трактуется в пользу ЕС. В этом случае обратив внимание на значение отношений Тегерана с США, Европа имеет подходящий момент, чтобы завладеть важной ролью и предстать как важный и весомый геополитический актер. Если лидеры Европы желают быть услышанными в формировании региональной геополитики, Иран дает им такой шанс.²

¹ Сухроби Мухаммад. Амнияти энержи Аврупо. Накши Эрон (Энергетическая безопасность Европы и роль Ирана в ней). Тегеран, 1388. - С. 87 (на персид. яз.).

² Саид Шамсудин Хорикони. Равобити Эрон ва иттиходияи Аврупо: кобилиятхо ва махдудиятхо (Отношение Ирана с Евросоюзом: возможности и ограничения). Тегеран, 1387. -С.77. (на персид. яз.).

В-пятых, ЕС может осуществлять экономические отношения на основе новых коммерческих соглашений, однако эти интересы могут конфликтовать с другими интересами, что связано с отношением к Ирану.

В-шестых, члены ЕС желают видеть в Иране достижения в деле продвижения демократии, прав человека, власти закона. Достижения в этой сфере, в некоторой степени, связаны с экономическими интересами Европы в Иране.

Опасения о спаде сотрудничества между ИРИ и ЕС и угрозах безопасности указаны в докладе Еврокомиссии от бахмана 1380 (февраль, 2002г.). Еврокомиссия напоминает, что если будет принято решение о расширении и углублении сотрудничества, то следует учитывать в этом плане ряд двухсторонних условий для ЕС и ИРИ, а также односторонних для ИРИ.

Совершенно обосновано, что вместе с проблемами прав человека, защиты революционных групп, проблем безопасности и проблем по экономическим реформам, относящимся к вызовам, атомная проблема выступает среди этих вызовов наиболее главной.

Наряду с вопросами безопасности, доклад комиссии Совету и Парламенту Европы напоминает о том, что ИРИ намерен расширить разработку атомного оружия массового поражения, в особенности - ракет дальнего действия, что является особым опасением Европы. ЕС подталкивает Иран к договоренности с МАГАТЭ о гарантировании режима защиты. Иран многократно заявлял, что свертывание этого режима, подобно предположительным намерениям этой страны подписать договор о полном запрещении ядерных испытаний в Парламенте, должен зависеть от предварительного исключения контроля состояния выпуска на международном уровне. Однако данное условие не принимает ЕС.

Практически на всем протяжении своей новой и новейшей истории Иран имел различные отношения со своим северным соседом — Россией (Российской империей, Советским Союзом, Российской Федерацией). Эти

отношения нельзя назвать равными и непротиворечивыми, они полны взлетов и падений, но их результатом является глубокое и продолжительное взаимовлияние стран на различные стороны жизни - политические, общественные, культурные и экономические. Последние события показали, что отношения РФ и ИРИ не имеют должной желаемой устойчивости и находятся в хрупких условиях.

Хотя эксперты и внутренние опросы общественного мнения причиной этой хрупкости считают двойственную сущность внешней политики РФ, но прежде, чем обвинять русских во всех грехах и предубеждениях, следует исследовать, в какой мере фокусу зрения и политике ИРИ по отношению к своему северному соседу присущи объективность, интеллектуальная самостоятельности.

Отношения Ирана и России в новый период с самого начала продиктованы особым положением Ирана на международной арене. В развитии и продолжении ирано-российских отношений еще не достигнута необходимая глубина и имеется множество возможностей, делающих их прогресс логичным. По крайней мере, можно сказать, что существующее положение в отношениях Ирана и России сформулированы в ситуации, когда Иран находился под прессингом, организованным по отношению к нему США. Сотрудничество с такой страной как РФ, было бы для него крайне важно. В настоящее время часто забывается, что отношения Ирана с Россией формировались именно в таких условиях. Очевидно, что данные отношения не лишены особенностей, и важно, чтобы следуя своей особой логике, они стали предметом особого анализа и изучения.

Новые Ирано-Российские отношения возобновились с концом навязанной в 1367 (1989г.) войной и выходом Армии СССР из Афганистана, с визитом г-на Х. Рафсанджани - президентом ИРИ и председателем Совета исламского Маджлиса в Москву в 1368 (1990) году, за 2 недели до ухода из жизни Имама Хомайни. Этот визит ознаменовался подписанием двухсторонних соглашений об экономическом и технологическом

сотрудничестве на 10 млрд. долларов и сотрудничестве в области мирного атома.¹ СССР и ИРИ 2 марта 1990г. подписали протокол, в соответствии с которым СССР взамен 2 млрд. кубических метров природного газа построит в Иране 2 атомных реактора мощностью 440 мегаватт. Так же СССР решил доработать и пустить в строй 2 атомных реакторов на воде под давлением, которые были заморожены немцами.² После распада СССР, новая Россия и новое правительство осталось верным данным документам и постепенно развивало их.

Встреча руководства двух стран на уровне министерств (министров иностранных дел, обороны и госсекретарей Совета безопасности) были продолжением этого процесса. Невзирая на некоторые проблемы и трудности, геополитическую ситуацию и отдаление непосредственных границ России от Ирана, снижения уровня угрозы Тегерану, в связи с появлением общих регионов, Иран встал в ситуацию возрастающего интереса к взаимному сотрудничеству.

В конце 1990г. атомные цели и программы Ирана, особенно атомное сотрудничество между Ираном, Северной Кореей и Пакистаном стали причиной некоторой нервозности в Москве. В 1999 г., в свете покровительства руководящего состава и запрета распространения, в сервисе зарубежной информации Россия ясно предупредила, что информационные службы в этих трех странах, тайно получили доступ к секретным технологиям, особенно военным источникам, и быстро делят их между собой. Эти многочисленные противоречия все больше становились причиной подозрительности.

В 2000 г. В.В. Путин, став Президентом РФ, централизовал внешнюю политику России, уменьшил неразбериху времени Ельцина, Кремль абсолютно был уверен, что Иран - как важный актер региона, находится в

¹Shaffer Brenda. Partners in Need: The strategic Relationship of Russia and Iran. The Washington institute for Near East Policy. May, 2001. - P.66.

²Кахрамонпур Р. Руйкарди кудратхой бузург ба мавзуи хастаии Эрон (Обращение великих держав к ядерной теме Ирана). Тегеран, 1387 (на персид. яз.).

состоянии развития и не достоин того, чтобы к нему применялся двойственный подход. В действительности, В.В. Путин считал атомное сотрудничество важной частью стратегических отношений с Тегераном. В то время как США провозгласил, что атомная программа Ирана противоречит документам, предотвращающим распространение ядерного оружия, Сергей Иванов, тогдашний министр иностранных дел РФ, неоднократно утверждал и подчеркивал, что атомная программа иранцев соответствует международным нормам и принципам МАГАТЭ и является абсолютно мирной.¹

Однако тогда, когда была раскрыта информация по созданию центрифуг и другие оборудования в Натанзе, связанного с ядерными топливными центрифугами Ирана, Россия выразила свою озабоченность по этому поводу, так как думала, что Иран имеет особое доверие к России и будет извещать обо всех своих атомных разработках. Поэтому в 2002-2003 гг. в России было принято внутреннее распоряжение, не дожидаясь окончания проекта АЭС Бушер, затягивать его со всевозможными технологическими оговорками. Иран, противодействуя играм европейцев, заявил, что может в любое время занять новых друзей. После этого Россия не нашла поводов для обоснования защиты своего отношения к атомной программе Ирана. Поэтому она в июне 2003 г. подписала документ, осуждающий действия Ирана, когда «Группа восьми» в Авейоне приняла совместную декларацию, написанную в очень жестком и строгом стиле по отношению к Ирану, и требовала, чтобы он подписал протокол по ограничению ядерной программы.

Иран после распада СССР приложил большие усилия на международной арене, чтобы в странах, вновь приобретших независимость, в Центральной Азии, достигнуть определенных политических и экономических продвижений, облегчить им становление собственной государственности и обеспечение суверенитета. Однако, после того как Иран получил первоначальное удовлетворение от стабилизации своего культурного и

¹Саид Ризои Имоди. Бозии нотамоми Русия бо Эрон (Незаконченная игра России с Ираном. 1381. (на персид. яз.).

экономического присутствия в регионе, РФ посчитала, что развитие дальнейших отношений с ним по этому направлению, бесперспективно. По этой причине Иран был вынужден обратиться к России с тем, чтобы заполнить пустоту, рождающую кризис, сделав шаг к сотрудничеству с Москвой.

Необходимо отметить, что, несмотря на все противоречия и трудности во взаимных отношениях, Россия является единственной страной, которая с 1990 года сотрудничала с ИРИ по атому, из-за чего она со стороны США в это время подвергалась жесточайшей критике.

С началом президентства Ахмадинежада, фактор атомной программы Ирана стал оказывать большее влияние на внешнюю политику ИРИ. В подходах нового правительства Ахмадинежада был пересмотрен ряд установок правительства Хотами, в частности - ось европоцентризма, особенно - отношения с Европой. С другой стороны, стал осуществляться новый подход во внешней политике, обозначенный как поворот к Востоку. В этой связи на 15-ом заседании Совета министров ОКА, министр иностранных дел Ирана сказал: «ИРИ в реализации регионального фокуса в международных отношениях и усиления доверия, сбалансировал свои внешние связи, которые вытекают из необходимости усиления фокуса на Восток, на основе более полезного и широкого экономического сотрудничества, укрепления мира и безопасности в регионе, решимости в намерении искреннего сотрудничества с другими странами региона». Так же он, отмечая значение «Шелкового пути», сказал, что регион ОКО получил еще один исторический шанс для того, еще раз, как в период действия «шелкового пути», стать важным центром экономического обмена в Азии и в мире.

Президент Ахмадинежад, обращаясь к президенту РФ в Шанхае в 2012 году, сказал: «С той волей, которую имеют ИРИ и РФ, мы должны осуществить всесторонний перелом в отношениях двух стран». Указывая на позицию Ирана и на будущее двухсторонних отношений, он подчеркнул, что

«ИРИ не имеет никаких препятствий для развития двухсторонних отношений с РФ». Ахмадинежад, отмечая тот факт, что сотрудничество двух стран в атомной области - АЭС в Бушере - стало символом конструктивных отношений ИРИ и РФ, так же сказал: «Две страны могут на этой основе развивать свои отношения и в других областях». Он напомнил, что ИРИ в экономической сфере готово к всестороннему сотрудничеству, торговым отношениям и инвестициям, совместным с РФ и такую же волю имеет для развития отношений культурных и в других областях».¹

Подчеркивание фокуса такой политики на Востоке произошло в условиях, когда борьба за разрешение противоречий с Западом не достигла желаемого результата. На основе видения правительства Ахмадинежада, должно было обращать больше внимания на Китай и РФ, так как эти две державы могут играть важную роль в региональных отношениях, создании международной стабильности и режима биполярности. Действительно, если ИРИ, Китай и РФ смогут прийти к единой платформе в области международной и региональной безопасности, то смогут наладить эффективное сотрудничество. Однако для достижения подобной цели, Иран должен учесть, что, наряду с международными рамками Китая и РФ, позиция этих двух стран в области экономических и стратегических интересов в сотрудничестве с ИРИ, являющейся одним из эффективных средств на этой основе - это крупная региональная организация сотрудничества Шанхая, которая может содействовать становлению регулирования многоаспектного сотрудничества. С позиции нынешнего правительства Ирана, его атомная программа является, своего рода, противостоянием против мирового гонора и самомнения Европы и США. Поэтому данное обстоятельство считается поводом для того, чтобы в ином аспекте говорить о мире и общерегиональном согласии. В этой связи, в первые месяцы работы нового правительства отсчет начался с жесткого противостояния Ирана с Европой по поводу его атомной программы.

¹ Источник: www.dolat.ir/NSite/FullStory/?id=192439.

В общем, внешнеполитические переговоры ИРИ должны иметь необходимую интеллектуальную и аналитическую базу в его политической идентичности для максимализации возможностей Ирана и достижения наиболее приемлемых результатов. Из-за того, что подобные мероприятия связаны с национальными интересами и противодействием угрозам национальной безопасности, необходимо обратить внимание на элементы обеспечения безопасности, укрепления мощи и противостояния существующим трудностям на международном уровне в различной форме переговоров.

Исторические и внешние политические свидетельства указывают на то, что до сих пор для обеспечения национальных интересов и безопасности в ИРИ формировались конфронтационные, ценностные ориентиры и установки, предпринимались меры по реформированию внутренней и внешней политики, ее целей, средств и методов, повышению доверия между участниками. До 1980 г. такие элементы, как геополитика, политическая культура, властные структуры, политические лидеры, считались эффективными факторами в политических решениях. Однако после этого, эта ситуация изменилась таким образом, что теперь стали решающими другие факторы в решении и формировании внешней политики. Это обстоятельство свидетельствует о том, что внешняя политика имеет изменчивую и творческую сущность.

История ИРИ показывает, что с 1979г. и после внешняя политика Ирана переживала различные периоды. Такой взгляд показывает, что во внешней политике Ирана были эффективны гарантированные и продолжительные подходы, основанные на внешнеполитической идентичности и понимании возможных путей устранения угроз онтологической безопасности. В качестве примера можно привести геополитические и культурные аспекты, как наиболее устойчивые и стабилизирующие признаки. Другими словами, в прошедшие годы не только геополитические конструкции претерпели значительные изменения, и внесли трансформирующие изменения, но и

политическая культура Ирана, также отражает продолжительные изменения. В качестве примера можно отметить изменения в позиционировании и конструировании внешней политики Ирана по таким вопросам, как миссионерство, предпочтение к чужим, переговоры по правовым вопросам, глобализацию и претензии исключительности в гуманитарных проблемах. Подобные новые признаки политической идентичности вместе с его атомной программой непосредственно влияют на международные политические отношения стран к ИРИ.

Результаты внешней политики Ирана всегда характеризовались диалектичностью и динамизмом. В общем, те страны, что осуществляют политику поиска безопасности и достижения консенсуса, приобретают реальную возможность достигнуть результата на политических переговорах. Со времени победы Исламской революции по настоящее время прошло более 30 лет и в этот период можно отметить все признаки преобразований, изменений и трансформации в формах политических переговоров Ирана и его позиции, что отражает изменения, происходящие в его политической идентичности.

Находясь под жесткими экономическими санкциями стран Запада и имея сложные отношения практически со всеми соседями, Иран при этом превращается в наиболее важное государство обширного геополитического пространства, включающего Ближний и Средний Восток, Центральную и Западную Азию. Сегодня иранский аспект присутствует едва ли не во всех, находящихся в центре всеобщего внимания, международных проблемах - ядерное нераспространение, ближневосточный мирный процесс, правовой режим Каспийского моря, центрально-азиатская тематика и многое другое. Всё это непосредственно влияет на содержание политической идентичности и онтологической безопасности Ирана в рамках его деятельности на международной арене.

§2.2. Политическая идентичность и онтологическая безопасность Ирана в рамках его международных связей

Современная иранская идентичность, которая в основном, как выше было отмечено, базируется на его ядерной доктрине, обеспечивающей онтологическую безопасность общества, как правило, в международном плане обсуждается в узком смысле, т.е. рассматриваются только ее технические аспекты. Хотя они, несомненно, - важные, но отнюдь - не самые главные. При этом исходным мотивом Ирана является не само по себе стремление к обладанию ядерными технологиями, а обеспечение на деле неотъемлемого права страны на полный суверенитет во всех его проявлениях. Иранцам, в плане их онтологической безопасности, нужны твердые гарантии, что с их страной не поступят как с Ираком, Ливией или Сирией. Отсюда желание подкрепить свои международные и региональные позиции силовой составляющей, создать фактор сдерживания против возможного вооруженного вмешательства. Самый короткий и радикальный путь к этому, по мнению абсолютного большинства граждан, - это обретение ядерного статуса.

Стремление к достижению этой цели показал, что в этом направлении нужны новые переговорные форматы, потребуются встречные шаги, как со стороны Ирана, так ядерных держав и стран ЕС. Попытки одностороннего давления и угроз в отношении Ирана не могут дать положительные результаты, а лишь меняют конфигурацию не поддающихся решению вопросов.

Чтобы полнее раскрыть сущность вопроса политической идентичности и онтологической безопасности Ирана в рамках его международных связей, по нашему мнению, необходимо более обстоятельно подвергать анализу историю атомных разработок и противодействия ядерных держав и ЕС относительно её реализации.

В связи с этим, отметим, что в дебатах по отношению европейских стран к атомным разработкам Ирана, крайне важно понять цели всех акторов. Каждый из них, т.е. Франция, Германия и Англия имеют собственные цели и пристрастия во внешнеполитических шагах. Действительно, за последние несколько лет в европейской политике произошли перемены, которые в определенной мере делают сотрудничество проблематичным.

Справедливости ради, следует подчеркнуть, что среди европейских стран Германия является истинным защитником формирования независимой политической идентичности ЕС. Она, как отмечают специалисты, в действительности является единственной страной Европы, которая может постоять за внешнюю политику и общую безопасность ЕС, Совета безопасности и сотрудничество Европы в деле стратегии развития ЕС в сторону Востока.¹

Как известно, после Второй мировой войны, в Германии идея о единой Европе заменила идею о национальном интересе. ЕС преследует цель формулирования понятия безопасности или же по определению Германии, - политики мира. В этой связи важнейшей особенностью внешней политики Германии в послевоенное время стал упор на невоенную силу. Лидеры этого государства для того, чтобы перевести страну в невоенную, делали упор на невоенные составляющие безопасности и в этом ключе логика невоенного сотрудничества Европы, заменила логику государства и нации. Дипломатическая стратегия, основанная на многоаспектности, так же стала важнейшей силой в реализации внешней политики этой страны.

Безусловно, Германия знаменита тем, что свою внешнюю политику проводит широкие консультации со странами и различными блоками, что является частью обеспечения ею своих интересов внутри многосторонних блоков. Она провозглашает равенство и важность всех блоков и организаций. На самом деле, эта страна проводит свои интересы через многочисленные

¹ Каёни Довуд. Руикарди Олмон ба сиёсати хоричи ва амнияти муштараки Аврупо (Роль Германии в осуществлении внешней политики и общей безопасности Европы). Тегеран, 1388. - С.132.

европейские и международные блоки. Старания Германии стать постоянным членом Совета безопасности ООН, сотрудничество с НАТО и другими важными международными структурами можно привести как пример этому.

В Германии социал-демократы под руководством Шрёдера уступили место христианско-демократической партии под руководством А. Меркель. Реконструкция внеатлантических отношений между Германией и США является одной из важнейших целей правительства Меркель. На этой основе Меркель предпринимает шаги по снижению напряженности отношений между Германией и ИРИ. Вместе с тем, канцлер Германии некоторое время назад (точнее, в 2011г.) выразилась по этому поводу так: «В то время как угроза Ирана не является приемлемой и этой стране еще не удалось исполнить требования ООН по поводу своей атомной программы, Берлин будет продолжать сокращение инвестирования в Иран». Ангела Меркель в своем выступлении в одном из американских университетов отметила: мы сократили свои экономические отношения с Ираном, но, на мой взгляд, еще не подведены итоги последствий этого. Меркель отметила, что Германия хочет найти дипломатические пути решения атомной проблемы Ирана, однако Берлин считает жизненным интересом для себя предотвращение доступа Ирана к атомному оружию. Она, в то же время, останавливаясь на развитие экономических отношений США и Германии, отметила, что: «Я уверена, что мы все еще в полной мере не использовали свои возможности».¹

Во-вторых, в результате внутривластных процессов, французское правительство в последние годы более отчетливо было последователем Америки в отношении спора по атомной проблеме Ирана.

На этом основании наиболее важным из крупных враждебных моментов президента Франции Саркози были милитаристские настроения против Ирана. Он, представляя атомную программу Ирана как крайне опасную, признал неизбежным бомбардировку ядерных объектов Ирана. Затем, министр иностранных дел Франции пошел еще дальше Саркози своим

¹Интернет-ресурс: www.magiran.com/navies.asp.

высказыванием: «Мы должны быть готовы к самому худшему и состоянию войны». Подобное позиционирование стало наилучшим поводом для средств массовой информации США и Европы, чтобы начать новую информационную войну против Ирана. Они в этой информационной войне желали, чтобы Французское правительство против Ирана стояло бы рядом с США.

Конечно же, в настоящих условиях политические аналитики надеются на поворот в политике Французского правительства во время правления в нем Оланда. На этом основании Махмуд Воизи - экс замминистра МИД, указывая на выборы президента Франции, отмечает, что, подвергая критике безразличие к ИРИ правительства Саркози, будет вести себя более активно, и считает, что можно предвидеть такую обстановку, что отношения с Ираном будут улучшаться.

Франция, как одна из влиятельных европейских стран и постоянный член ООН, атомная держава, развитая экономически и технологически, достаточно мощная в военном плане, всегда старается не терять свои позиции в решении международных проблем Европы и мира. Она всегда стоит у порога того, чтобы стать одной из сильнейших держав мира, и её многокрасочное участие в совете министров иностранных дел Европы, Совете безопасности ООН оценивается в этом ключе. Хотя глобализация, сглаживает особенности отношения французов к культуре англичан-американцев, однако лидеры Франции все больше обращаются к проблемам безопасности во имя предотвращения собственного ослабления и пытаются найти силы во французской политической идентичности, видя свою миссию в реализации девиза - сильна Франция, сильна Европа. Франция больше чем другие страны заинтересована в успешности участия в Евроазиатских проектах, ибо может противостоять расширению Германии на Востоке и Центральной Европе, защите и сохранения своих позиций в Европе, объединению на Западе и Востоке, как традиционной политики сокращения влияния США.

Политика Франции показывает, что эта страна в свое время использовала позиции ЕС для достижения своих целей, прежде всего для того, чтобы гегемония США в этом регионе не стала препятствием для присутствия Франции. Это требует от Франции большего инвестирования, на которое Франция сейчас не способна. В общем, можно сказать, что правительство Франции, старается расширить рамки своей внешней политики в ЕС и защищает свои интересы по тем проблемам, тем самым, обеспечивая свои национальные интересы. Присутствие с позиции ЕС, особенно в обществе, где присутствие Франции слабо, а США - сильно, одним из наиболее истинных целей внешней политики Франции является Средний Восток.¹

В-третьих, приход Гордона Брауна на место Тони Блэра, на пост премьер-министра Англии, связан с двумя неожиданными последствиями: а) стремление представить Англию еще более европейской и б) постепенное отдаление от США по вопросу вмешательства в дела Ирака и Ирана. В отличие от периода Блэра, когда внешняя политика была полностью в руках премьер-министра, прослеживается тенденция, что в новом правительстве решения по этому поводу в основном передаются в МИД. С другой стороны, Гордон Браун, подчеркивает, что Англия должна знать об основном законе страны и Парламент так же должен участвовать в вопросах внешней политики. Поэтому необходимо отметить, что Англия идет к главенству основного закона в решении внешнеполитических проблем. Другим важным моментом политики премьер-министра Брауна есть то, что при принятии решений по поводу основных и важных вопросов их необходимо будет еще ратифицировать в Парламенте. Эта проблема возникла из-за того, что Т. Блэр по нескольким важным вопросам, особенно по поводу Ирака, принимал решения единолично.²

¹Саид Шамсуддин Хорикони. Равобити Эрон ва иттиходияи Аврупо: кобилиятхо ва махдудиятхо (Отношение Ирана с Евросоюзом: возможности и ограничения). Тегеран, 1387. -С.65 (на перс.яз.).

²Чаафари Валадони Асгар. Эрон ва Урупо аз гуфтугуи интиқоди то гуфтугуи машрут (Иран и Европа: от критического диалога до позитивного шага). Тегеран, 1382. - С.44.

На этой основе министр иностранных дел Англии, Вильям Хег назвал атомную программу Ирана реальным и важным вопросом, и о визите Гордона Брауна в США и на встречах с американскими органами в 2009г., сказал что: Браун должен наладить тесные, но не в слепую, отношения с Америкой. Он отметил, что основу политики Англии и США составляет единодушное активное противодействие атомной программе Ирана. При этом он раньше критиковал внешнюю политику Брауна, именно, по атомной программе Ирана. Вильям Хег также напомнил, что внешняя политика правительства Брауна по отношению к атомной программе ИРИ не чёткая, хотя он в ноябре 2007 обещал осуществить ряд мероприятий по этому поводу, в том числе, принятие санкций по материальным ресурсам Ирана, однако, ни один данных шагов еще не прошли согласования.¹

Позиция Британии к последствиям единения Европы является результатом политики выживания и толерантности этой страны. Британия объясняет, что если случится выбор между двумя вариантами «полного членства в союзе» или быть вне союза, она никогда не станет выбирать. Другими словами, выбор среднего пути между этими двумя шансами, есть вариант идеи Великобритании, которая ныне собирается выходить из ЕС, в то время, когда быть вне Союза так же не является приемлемой ею.

Приемлемым для Британии является то, что США выступают ее истинным союзником, а США стремится превратить НАТО в военно-политический блок, обеспечивающий безопасность Европы. По этой причине Англия, больше чем интересы Европы, более активна в Трансатлантическом блоке.

Выяснив предпочтения трех Европейских стран, являющихся сторонами на переговорах по ядерной программе ИРИ, можно прийти к определенным выводам по поводу понимания европейцами безопасности и Ирана. Действительно, претензии по безопасности в отношении Ирана и

¹См.: Quillen Ch. Iranian Nuclear Weapons Policy: Past, Present and Possible Future // Middle East Review of International Affairs. 2002. Vol. 6, № 2. - P.17-24.

Европы, являются результатом разных выводов сторон из категориального поля онтологической безопасности. На самом деле, поле онтологической безопасности Европы отличается от иранского, в связи с чем, позиция европейцев по безопасности так же отличается от иранской. Иранская сфера безопасности, в частности - онтологическая, вбирает в себя ряд угроз, источником которых выступают интересы безопасности Европы. Европейцы думают, что Иран должен принять ту реальность, что США, как крупнейшая великая держава, использует свою военную мощь для укрепления своего политического и экономического влияния. Поэтому Иран должен стремиться к недопущению использования им военной мощи, Европа также может в этой сфере помочь Ирану.

На наш взгляд, возникшая конфронтация европейцев со Средним Востоком и сопредельными ему странами представляется поступающей и долгосрочной. Другими словами, Европа пока ещё готова осуществлять краткосрочные стратегии, а Иран при регулировании своих отношений с ней должен иметь это обстоятельство в виду. Гипотетически ЕС может в стратегических проектах до определенной степени вступить ради Ирана в противодействие с США. Эти пределы в экономическом русле несколько расширились, однако пределы безопасности довольно сузились.

Следует признать, что Иран не может опираться на Европу в случае угроз его безопасности от США. Европа же не может в случае дестабилизации ситуации на Среднем Востоке, быстро реагировать на это. Хотя использование противостояния Европа - США в сфере экономической и в некоторой степени – политической, в какой-то мере, и возможно, однако крайне осложнено из-за зависимости безопасности Европы от США. Политика Ирана по отношению к Европе так же должна сформироваться с учетом этих реалий. Очевидный факт, что Европа не препятствует экономическому расширению на Среднем Востоке, даже считает приемлемым предоставление экономической помощи, и эти два

обстоятельства крайне отличаются друг от друга, т.к. для экономического развития требуется экономическое расширение в этом регионе.

Вместе с тем, ближайшим партнером США все же остается Европа, и если будет принято решение о втором среднем факторе или же посреднике между Ираном и США, то лучше всего на эту роль подходит ЕС.

История последних десятилетий - с одной стороны, и общие международные опасения по поводу опасности распространения оружия массового уничтожения - с другой, ясно показывают, как атомная сила и мощь становятся эффективным фактором сближения и сотрудничества стран - членов атомного клуба. Причиной этого является то, что данные государства не хотят упускать исключительные права на владение ядерной мощью. Поэтому отрицательная позиция государств атомного клуба по поводу ядерных программ других стран, как Иран, поддается пониманию.¹

В этой связи, для лучшего понимания позиции Европы по поводу отклонения от политического, технологического курса и безопасности и отклонения Ирана от принятого курса следования международному режиму контроля над ситуацией развития оружия массового поражения с точки зрения Европы, рассмотрим следующие факторы:

1. Политические факторы: так как Иран предстает в регионе в образе исламских экстремистов, Европа выражает озабоченность и оценивает данный фактор как угрозу своей безопасности. По их версии, Иран, получив доступ к атомной технологии, может передать их другим мусульманским странам региона.

Считается, что основная причина конфронтации ЕС и США по ядерной программе ИРИ с политической стороны, является не только их истинный страх по поводу уклонения Ирана от международного режима контроля над нераспространением оружия массового поражения. Здесь учитывается также защита Ираном исламских движений в регионе - Хамас и Хизбуллах,

¹Илхом Расули Сониободи. Хифзи амнияти хастишиносона ва созишнопазири Эрон дар масъалаи хастаи (Защита онтологической безопасности Ирана в ракурсе её ядерной программы). Тегеран, 1389.

нестабильность в Ливане, критика вмешательства Запада во внутренние дела Ирака и Афганистана, как новых очагов напряжения.¹

Позиция ЕС и соответствующие переговоры между ИРИ и группой 5+1 в 2012г. по ядерной программе подтверждает данное предположение. После подписания договора о сотрудничестве между ЕС и Ираном, Катрин Штон, отвечая на вопрос о ядерной программе ИРИ, выразила надежду, что эти переговоры «станут началом конца создания ядерного оружия Ирана». Она также добавила, что примется за эту проблему с полной ответственностью и неуклонностью, и надеется, что станет свидетелем начала успеха. Важнейшей частью этого выступления является утверждение того, что программа создания ядерного оружия в Иране существует. В действительности, Штон этим высказыванием утвердилась во мнении о том, что Иран разрабатывает ядерное оружие.²

С этой позиции Европы, Иран является страной, похожей на Германию в начале XX века, сильной до той степени, что сложно в ней сохранить баланс, и такой географически малой, что не может играть роли некоего гегемона. Другой особенностью позиции Европы является то, что сегодня в мире, якобы, ни одно государство не дружит с Ираном, а также не проживает мирно с приграничными соседями. Вместе с тем, создание Ираном ядерного оружия может подтолкнуть к этому другие страны Востока: «Если Ирану станет доступно ядерное оружие, за ним последуют другие страны Среднего Востока».³

2. Касаясь технологического фактора, можно констатировать, что ЕС обвиняет Иран в том, что, якобы он приступил к проектированию двух видов центрифуг через две тайные сети. Иран приобрел из-за рубежа определенное количество центрифуг и провел испытания обогащения с лазером, и ему уже удалось приобрести обогащенный плутоний в малом количестве, что, по мнению Европы, указывает на действия с военными целями. Как пример можно привести

¹Саид Шамсуддин Хорикони. Равобити Эрон ва иттиходияи Аврупо: кобилиятхо ва махдудиятхо (Отношение Ирана с Евросоюзом: возможности и ограничения). Тегеран, 1387. - С.77. (на перс. яз.).

²<http://www.Aftabnews.net.ir/prtjmienvouqei.az.fsfu.html>.

³Интернет-ресурс: <http://www.bokhdinews.net//world-news>.

центральную тему обсуждений этих стран о ядерных центрах Ирана подобных Фардо на переговорах в Стамбуле, Багдаде, Москве в 2012г.

Привлекает внимание сообщение информационного агентства «Форбс», где даются обширные объяснения по поводу одного из подобных обвинений. В условиях, жесткой информационной войны Вашингтона, появились сообщения о проведении тайных переговоров правительства Обамы - президента США и согласия на дальнейшие разработки по 50% обогащению урана в Иране, о монтаже нового технологического оборудования и центрифуг в подземных атомных станциях Фардо в Иране, увеличивающие общее количество центрифуг до более чем - 3 тысяч.¹

Недоверие со стороны партнеров Ирана по переговорам разжигается сионистскими кругами, которые через свое издание «Дебеко» пишут, что все 800 центрифуг, существующих в настоящее время на атомной станции в Фардо, нацелены на 20% обогащение урана, а эта концентрация немного отличается от необходимого урана для создания атомного оружия. Усугубляя конфликт, «Дебеко» добавляет: «Махмуд Ахмадинежад - президент ИРИ, в начале этого года объявил о том, что Иран неизбежно будет иметь 3 тысячи действующих центрифуг в Фардо, что составит 1/3 от 9 тысяч центрифуг, являющихся конечной целью Ирана. Иран в настоящее время имеет в резерве более 110 кг урана с 20% концентрацией, что в принципе достаточно для создания атомной бомбы. Этот резерв, вскоре, будет развит в два или три раза».²

Международно-правовым основанием существующих разногласий является разночтение статьи 4 «Договора об атомном оружии (NPT)», в которой говорится, что все страны - члены соглашения имеют право иметь атомное оружие. Однако ЕС считает, что это не означает наличия права обогащения в каждой стране, оно должно производиться в рамках 12 и 13 статей, где говорится о том, что страны-члены выступают за

¹Интернет-ресурс: <http://www.irdiplomacy.ir/fa/page/1901518>.

²Интернет-ресурс: <http://www.bokhdinews.net//world-news>.

нераспространение вооружения. 4 статья NPT должна реализовываться и объясняться во взаимосвязи с другими статьями NPT. Дух NPT имеет в виду не распространение ядерного оружия, что не означает мирного использования, однако, реально означает то, что должно осуществляться предотвращение от создания составляющих элементов ядерного оружия.¹

С позиции ЕС доступ Ирана к технологиям создания атомного оружия станет причиной изменения баланса сил на региональном и мировом уровне. С их точки зрения Иран имеет неустойчивый режим, а нестабильность или изменение режима в нем могут стать причиной потери государством контроля над устройствами и атомным оружием этой страны. ЕС считает так же, что атомные разработки Ирана угрожают гарантированному сохранению безопасности Израиля. По этой же причине ЕС старается приобрести реальные гарантии со стороны Ирана, что связано с тем, что Европа не желает быть свидетелем развития атомной программы какой-либо другой страны без его членства в NPT.

Помимо этого, европейцы считают Средний Восток особым регионом, где при возможности расширения Ираном своих атомных способностей, приведет к гонке вооружения в регионе и станет большой проблемой для мирового сообщества.

Ядерная угроза Европе означает создание Ираном атомной бомбы, и на этом основании Европа в апреле 2012г. в своем докладе на Венской конференции требовала от ИРИ выполнить требования Совбеза ООН и осуществлять полноценное сотрудничество с МАГАТЭ для прояснения всех неясностей по атомной программе. В особенности, это касается военных факторов, ставших поводом для подозрений о создании Ираном ядерного оружия.²

Что касается концепта о мирной атомной деятельности Ирана, то в концепции обеспечения безопасности Запада (США, Европы) не существует

¹ Саиджалол Дехкони Фирузободи. Тахавули назарияҳои муносиба ва ҳамкори дар робитаи байналмилали (Эволюция теории конфликта и сотрудничества в международных отношениях). Тегеран, 1382.

² Интернет-ресурс: [http / radiofarda.com/cjntent/02_eu_us_iran_nuclear/24573479.html](http://radiofarda.com/cjntent/02_eu_us_iran_nuclear/24573479.html).

понятия «мирное применение атома». Так как расстояния между странами, имеющими атомные технологии в потенции и в реальности очень коротки и незначительны, поэтому к изучению атомных технологий, как и в вопросе использования атомного оружия, должны приступать совместно как потенциально, так и по возможностям.

На этом основании спикер парламента США Эштон в декларации от июля 2012г. останавливается на новом секретном докладе МАГАТЭ и подчеркивает, что открытия нового отчета МАГАТЭ стали причиной новых опасений по поводу сущности мирного Иранского атома. Он выразил сожаление, что Иран полностью не стал сотрудничать и не ответил на шаги МАГАТЭ по предотвращению важных атомных вопросов, в том числе, тех частей проблемы, которые касаются вооружения.¹

В настоящей мировой обстановке знания и атомные технологии региона в полной мере обеспечены безопасностью и разграничением и кроме небольшого количества стран, считающихся безопасными в мировом сообществе, другие не имеют возможности стать членами ядерного клуба. Ядерная деятельность есть прерогатива тех стран, которые уже являются ядерными, то есть тех, кто считаются полностью внушающими доверие, другие же имеют право лишь быть пользователями атомной энергии, а не производителями. Вхождение в ядерный клуб не возможно лишь при наличии технологий, так как необходимо еще признание и согласие мирового сообщества.

Совершенно очевидно, что в решении ядерной проблеме Европа не может повлиять на США. Для понимания позиции Запада на ядерную программу Ирана должен быть выработан баланс реалистичной позиции. В этом плане Европа имеет свою отдельную позицию, отличающуюся от американской. Однако европейская позиция близка к американской, ибо, во-первых, существуют крепкие политические, военные, культурные и социальные связи между Европой и США, и, во-вторых, Иран в отношениях

¹Интернет-ресурс: [http / www.afganstory.com/item](http://www.afganstory.com/item).

между Европой и США имеет слишком малое значение, чтобы иметь, тем самым, влияние на США по поводу ядерной программы ИРИ.¹

Отметим, что ИРИ, если и ведет переговоры формально с «шестеркой», то в реальности переговоры ведутся с четырьмя странами в двух осях:

Первая - англо-американская ось, конечная цель которой является сохранение гегемонии в мировой политике. Приверженность к либеральным ценностям, превалирование роли страны на мировой арене есть важнейшая особенность подобной политической позиции. Поэтому приобретение Ираном доступа к ядерным технологиям воспринимается как прямая угроза гегемонии данной оси. В этой связи совместная тематика Англии и США по этому вопросу достойна изучения в той мере, что обе страны уверены в намерениях Ирана в создании ядерного оружия и направляют все усилия не допустить этого. Из этих двух осей, англо-американская желает, чтобы решение ядерного кризиса Ирана полностью было завершено посредством ЕС. Англия уверена, что совместная коллективная безопасность в Европе должна быть возложена на НАТО и считает опасным любое действие, направленное на свертывание военной миссии США в Европе.

По этой причине данная позиция находится в конфронтации с позицией другой оси. Здесь роль Англии заключается в уравнивании двух осей. Поэтому она стремится к одностороннему снижению влияния Франции и утверждению Германии на этом поле. А в случае снятия угроз жизненным интересам США, на этих переговорах она исполнит роль посредника (в полной мере).²

Необходимо учесть, что решение вопроса в рамках ЕС без обращения к Совбезу ООН есть важнейшей целью оси Париж-Берлин. Германия в этой оси стремится к большему укреплению своей внешней политики и коллективной безопасности Европы. Таким образом, более тесное сближение европейских стран способствует снижению конфронтации и установлению

¹Саид Шамсуддин Хорикони. Равобити Эрон ва иттиходияи Аврупо: кобилиятхо ва махдудиятхо (Отношение Ирана с Евросоюзом: возможности и ограничения). Тегеран, 1387. - С.59 (на пер. яз.).

²Dannreuther Ronald. International Security. The Contemporary Agenda. Polity Press. 2007. - P.66.

стабильности и безопасности в Европе. Вместе с тем, политика Германии в решении ядерной программы ИРИ строится на увеличении расстояния между США и Англии

Германия желает решить ядерный вопрос ИРИ в той же Европе, без передачи дела в Совбез ООН, т.к. то, что она не член Совбеза ООН, сковывает ее маневренность и действия.

Франция, как единомышленница Германии, так же смогла усилить данную ось тем, что кроме укрепления роли Европы в этом деле, стремится иметь возможность проводить свои претензии и быть лидером в мире. Различие политики Германии от Франции в этой оси заключается в том, что Франция является членом Совбеза ООН. По этой причине, она не очень заинтересована в решении дела в Европе и даже уверена в том, что передав дело ИРИ в Совет безопасности, увеличит свои шансы по участию в процессе и защите своих интересов в Иране.

Конкретными причинами, вызвавшими беспокойство Европы по поводу ядерной программы Ирана, можно назвать следующие:

- возможность упаковки горючих материалов для установки в атомную ракету;
- испытания двух видов новых центрифуг с многократной мощностью;
- объявление о создания оборудования для обогащения в Фардо;
- разрешение Ахмадинежада на начало строительства 10 направлений обогащения урана;
- начало 20%-го обогащения урана.¹

Необходимо отметить, что в начале 2003 года дело о ядерной программе Ирана было передано в Governing Council (GC) МАГАТЭ. Данная организация, в свете своей основной задачи - осуществлять мероприятия в связи с политикой МАГАТЭ, состоит из 35 стран-членов. Из этого количества несколько стран-членов имеют ядерные технологии, ядерное

¹Хумоюнруз Самеъ. Киеси амалкарду дастовардхои давлатии ислохот бо давлатхои нухум ва дахум. Тегеран, 1389. - С.6 (на персид. яз.).

оружие, являются постоянными членами, а часть из них раз в год становятся членами Совета. Если один из членов NPT нарушил свои обязанности по договору, GC должно принять решение по корректирующим мерам к этой стране-члену. Если вред, причиненный нарушением, значителен и вызывает серьезные последствия для мирового сообщества, а страна-виновница не может его возместить, GC оценивает ситуацию как угрозу международному миру и может передать вопрос для решения в Совбез ООН.

Можно сказать, что с июня 2003г. эта процедура приобрела широкие международные масштабы, а проблема ядерной деятельности ИРИ была рассмотрена в GC МАГАТЭ. В это время генеральный директор Агентства первый раз представил отчет по Ирану в GC, а затем была принята декларация, где в обращении к Ирану были выдвинуты определенные требования. Иран должен был подписать протокол о свертывании своей атомной деятельности и сотрудничестве с Агентством и принуждался сократить свою деятельность, связанную с обогащением урана. На сентябрьском заседании была принята шестая резолюция против ядерной программы ИРИ, где был определен предельный срок для исполнения требований МАГАТЭ. Принятие этого документа стало причиной бурных обсуждений и реагирования в мире, после чего это отразилось на экономической ситуации в иранском государстве.¹

Разумеется, только непосредственные переговоры могли вывести ядерное досье Ирана из политического, правового и технологического кризиса. Иран и Европа, имеющие в ядерных переговорах различные, а иногда, даже, противоположные цели, невзирая на это, старались решить за столом переговоров ядерную проблему. Однако она имеет запутанную и длительную историю, что отразилось на процессе переговоров.

Каждая сторона на этих переговорах имела свои собственные цели. ЕС, например, в этих переговорах имел следующие намерения:

¹Price R., Reus-Smith Chr. Dangerous Liaisons? Critical international Theory and Constructivism. European Journal of International Relations, 2008. Vol.4. No.3. - P.21.

- ограничить распространение деятельности и ядерных проектов Ирана в сторону производства ядерного оружия путем реальных шагов, поддающихся контролю и установлению ограничений против Ирана;

- предотвратить углубление ядерного кризиса Ирана, его трансформацию в вооруженный конфликт;

- доказать роль и мощь Европы на мировой арене, признание европейских практик успешными.

В свою очередь, Иран формирует свои цели таким образом:

- развенчание мифа об Иране, как угрозе международному и региональному миру и, в итоге, предотвращение рассмотрения его досье на Совбезе ООН;

- доступ к знаниям по ядерным технологиям и центрифугам путем переговоров и совместной деятельности с МАГАТЭ и заинтересованными странами, привлечение мирового внимания к мирному атомному проекту ИРИ, защита достижений наименьшими затратами;

- терпимость к мировым международным принципам и нормам в рамках сотрудничества с МАГАТЭ;

- позитивное рассмотрение протокола МАГАТЭ с начала и по сей день, согласование его с принятыми декларациями и соглашениями с различными частями международной политики и лидирующими силами.

К сожалению, не нашло особого развития рассмотрение протокола ГС от 2 июня 2003 года до 24 ноября 2003 года, демонстрирующее постепенную либерализацию требований этой организации в сторону ограничения атомного проекта ИРИ. Оно также предусматривало превращение запрета атомной деятельности, всестороннее ограничение и контроль деятельности центрифуг, в том числе, в качестве пределов доверия - остановку построения реактора и производства тяжелой воды в Ороне.

Начиная с 2004 г. действия ИРИ по его атомной программе понемногу усиливают тревогу европейских стран. Основой переговоров в 2004г. между европейскими странами стали их тревоги по поводу того, что Иран еще

решил не все вопросы, связанные с развитием своих технологий обогащения. Такие моменты, как место, объемы, сущность проведенных уже исследований на базе передовых проектов центрифуг, сущность, цели и ширина исследований по реактору тяжелой воды и существенные факты в доказательство претензий по исследованиям плутония 210—остались без ответа. На этом основании ЕС повторно воспринимает положительно резолюции МАГАТЭ от 13 марта и от 18 июня 2004 г. Совета руководителей против ИРИ. Приостановка атомной деятельности Ираном и политика правительства Хатами позволили Западу на этом временном отрезке предположить, что им удастся путем затягивания времени и проведением переговоров, вынудить Иран отказаться от атомных программ и вместо этого осуществлять поддерживающую экономическую политику. Поэтому Европейский Союз, несмотря на сотрудничество Ирана, защищает протокол Совета руководителей МАГАТЭ, где большинство соглашений имеют рекомендуемые аспекты, не имея значительных различий по содержанию.¹

Примечательно, что Франция, Англия и Германия совместно с Ираном продолжают настаивать на своих совместных решениях, а также решениях по поводу срочной реализации всех оставшихся проблем и продолжения полного исполнения данных соглашений. Эти три европейские страны приветствуют шаги Ирана по увеличению доверия и повторяют, что полное и продолжительное сотрудничество способствовали улучшению доверия. В этих пределах, три государства активно изучили меры Ирана на конференции в июне 2004г. Совета директоров, с тем, чтобы Совет Агентства после этого на основе отчета генсека, и в соответствии с традиционными методами, мог контролировать выполнение соглашений «Подмон» и «Протокола по нераспространению». В этих же рамках правительство Ирана оповещает о своих мерах по реализации политики доверия МАГАТЭ, а также проводимых им мероприятий. Правительство ИРИ «подчеркивает, что

¹Саид Шамсуддин Хорикони. Равобити Эрон ва итиходияи Аврупо: кобилиятхо ва махдудиятхо (Отношение Ирана с Евросоюзом: возможности и ограничения). Тегеран, 1387. С. 14 (на пер. яз.).

легализация атомных исследований Агентством в марте 21 октября 2003 г. покрывает все необходимые случаи, подпадающие под Подмонское соглашение, возникающие в соответствии с будущими соглашениями Ирана, подпадающими во временные рамки протокола о нераспространении и предписанные агентством. Соблюдение данного заявления проверяется традиционными методами для проверки правдивости.

Правительства Франции, Англии, Германии уверены в том, что подобные шаги станут результатом сплочения ЕС и ИРИ, а так же обеспечат достижение результатов переговоров в ИРИ, которые состоятся через 2 месяца. Эти переговоры имеют целью достижение согласия о предоставлении долгосрочных гарантий по программе выработки атомной энергии Ираном. Необходимые рекомендации были даны до первой недели марта 2003 г., для исполнения больших мероприятий, которые на добровольной основе будут осуществлены правительством Ирана.

Правительства Ирана, Франции, Германии и Англии под эгидой высшего руководства ЕС, в рамках принятых обязательств Тегерана 21 октября 2003 года, намерены двигаться вперед. В продолжение процесса переговоров 15 ноября 2004 г. было подписано Парижское соглашение между Ираном и европейскими странами.

Три страны ЕС и ИРИ подчеркивают свою приверженность NPT. Франция, Англия и Германия официально признают права ИРИ на использование атома в рамках NPT на неосуществление насилия. Иран подчеркивает, что в соответствии со статьей 2 NPT, не стремится, и не будет впредь стремиться к производству ядерного оружия. ИРИ готова к полному и открытому сотрудничеству с МАГАТЭ, и будет продолжать на добровольной основе следовать протоколу нераспространения. Иран в целях укрепления доверия и на добровольной основе предпринял меры по свертыванию своего атомного проекта, который направлен на обогащение и переобогащение. Предусматривалось серьезное ограничение работ, направленных на производство и ввоз центрифуг и их частей, монтаж, испытание или

управление газовых центрифуг, работ по выработке плутония, или же создания и управления аппаратами выделения плутония, или же полноценному испытанию или производству всех видов аппаратуры превращения ураниума. Агентство было в курсе процесса этого свертывания и предложило обмен открытой и правдивой информацией по свертыванию. Свертывание будет произведено в назначенные сроки, в том числе агентство до ноябрьского Совета директоров утвердит его. Переговоры по свертыванию были продолжением того процесса, который находится под защитой всех сторон, в соответствии с долгосрочным договором; Три страны будут ознакомлены с тем, что это свертывание есть добровольный шаг по укреплению доверия, а не укрепление прав.

Проведение указанных мероприятий необходимо для достижения долгосрочного многостороннего соглашения. В пределах этого свертывания три стороны и Иран пришли к согласию о том, чтобы начать переговоры ради достижения многосторонних долгосрочных соглашений. Это соглашение должно обеспечить реальные гарантии того, что атомная программа Ирана направлена исключительно на мирные цели. Так же оно обеспечивает жесткие гарантии в области ядерного сотрудничества, технологий и экономики, а также четкие намерения в области безопасности.¹

В первой половине декабря 2004 г. было проведено заседание оргкомитета по подготовке этих переговоров, рабочие группы должны были подготовить политические, технологические, ядерные проблемы, а так же вопросы безопасности, сотрудничества. Оргкомитет должен был, по истечении трех месяцев подготовительных работ, отчитаться о ходе подготовки и идти вперед в соответствии с проектами и мероприятиями.

В рамках данного соглашения три страны защищают отчет генсека. В случае выполнения соглашений Подмона и протокола нераспространения Ираном, концентрируются на оставшихся проблемах. Три страны так же

¹Гарибободи Козим. Парвандаи хастаии ЧИЭ ба ривояти аснод (Ядерное дело МАГАТЭ на основе анализа документов). Тегеран, 1382. С. 34 (на персид. яз.).

поддерживают намерения генерального секретариата агентства призвать Иран присоединиться к группе экспертов по многосторонней разработке ядерного реактора. С началом свертывания испытаний начались переговоры с ЕС по поводу торговых соглашений и сотрудничеству. Три страны активно начали лоббировать вхождение Ирана в WTO.

Невзирая на прогресс в ядерной программе, три страны ЕС и Иран акцентировали внимание на насущной необходимости борьбы с терроризмом, связанными с деятельностью «аль-Кайды» и др. террористических группировок и реакционеров. В этом плане можно наблюдать противоречивые реакции ЕС в деле предотвращения доступа ИРИ к атомной энергии и стремление полностью ограничить его. Так, что 18 декабря 2004 г. была подписана резолюция против Ирана, поддержанная голосованием на Совете директоров со стороны трех стран ЕС. Одной из причин этого, указанной в документах ЕС, стали испытательные результаты 37 центрифуг на урановой обогатительной фабрике Исфагана. По мнению ЕС, подобные действия Ирана противоречат гарантиям ранее предоставленными ИРИ и требованиям Совета, изложенным в документе от 18 июня 2004г.¹

Причины ограничительного характера реакции ЕС, думается, заключаются в том, что Европа стремится больше использовать по отношению к Ирану гибкие долгосрочные механизмы и меры. В то время как США называет Иран оплотом терроризма и использует проблемы - права человека, ядерное оружие и нестабильность на Среднем Востоке, как повод для возможной смены режима в Иране. Европа заинтересована в переговорах по поводу прав человека, как и заинтересована в продолжении торгово-экономического сотрудничества с Ираном. Поэтому если переговоры между ИРИ и тремя странами приобретут конфронтационный характер и заведут переговоры в тупик, проблема будет передана во внешнеполитическую

¹Гарибободи Козим. Парвандаи хастаии ЧИЭ ба ривояти аснод (Ядерное дело МАГАТЭ на основе анализа документов). Тегеран, 1382 (на персид. яз.).

комиссию ЕС, то есть именно туда, где конструируются внешняя политика ЕС, как целого. Эта комиссия не позволяет европейским странам в серьезных ситуациях преследовать лишь собственные национальные интересы, выполняет координирующие задачи и считается представителем всей Европы. В связи этим в результате переговоров Ирана с председателем внешнеполитической комиссии ЕС, поддержка Ирака со стороны великих держав на Ирано-Иракской войне стали причиной того, что Иран все больше стал ощущать необходимость защиты и сохранения своей независимости, что заставило его укреплять свою мощь, технологию и экономику. Идеологические противоречия Ирана и великих держав, в особенности США, стали причиной того, что ИРИ стал выполнять свои планы тайно, не отчитываясь перед МАГАТЭ о своей атомной деятельности. Через 18 лет, были рассекречены атомные разработки Ирана, в то время, когда США обвинило Ирак в производстве ядерного оружия. В то же время, рассекречивание атомных проектов Ирана сделали очевидными руководству страны три пути решения вопроса:

- 1) постоянное ограничение (приостановка) ядерных работ;
- 2) переговоры с реальными силами, имеющими ядерную энергию, в особенности, - США;
- 3) переговоры с реальными организациями, действующими на этой основе.

Из этих трех путей, первый и второй вариант не являются действенными, по сравнению с ограничением (приостановкой) ядерных разработок, с учетом того значения, которое имеет эта энергия в системе стратегического развития ИРИ. Второй вариант, с учетом внутренних условий и отмеченного противостояния, так же представляется невозможным. Кроме того, шаги в этом направлении становились причиной откладывания подобных разработок. Переговоры с США требовали решения многочисленных вопросов и, даже, их подготовка требовала значительных предварительных договоренностей, достижение которых не представлялось

возможным с той командой, которая была и есть у власти в США. Выбор второго варианта с рациональной позиции был бы приемлемым до того, как начались атомные разработки. Таким образом, ни один из первых двух вариантов решения вопроса не является оптимальным.

Третий вариант, как раз, представляется полностью реализуемым, так как, во-первых, в соответствии с идеей нераспространения, мирное использование атомной энергии или использование атома ради развития человечества делают возможными продолжение атомных разработок Ирана. Во-вторых, в связи с тайной деятельностью Ирана и международным прессингом по нанесению вреда международному имиджу ИРИ, принятием международных решений, делает невозможным продолжение его атомной деятельности. В-третьих, в ситуации, когда США готовятся к вооруженному нападению на Ирак и свержению режима Саддама Хусейна, использования ими стратегии опережающей атаки, увеличивается вероятность силового решения проблемы Ирана со стороны США. В то время, как около пол миллиона американских солдат с передовой военной технологией и вооружением вошли в регион присутствия, наилучшим вариантом было попутное решение проблемы Ирана. И хотя США не имело серьезного намерения нападать на Иран, данная возможность не должна была быть предоставлена Америке. В-четвертых, этот вариант больше совпадает с военными целями, подходами и стратегиями Ирана.¹

Безусловно, несформированное доверие между странами является основной причиной неудач на переговорах. С позиции ЕС, Иран засекретил свои многолетние разработки (как это было официально зарегистрировано МАГАТЭ) осуществляя их во взаимодействии с черным рынком ядерных ресурсов. Как сообщают многочисленные источники, МАГАТЭ составляет лист вопросов по поводу деятельности ИРИ, которая может быть связана с созданием ядерного оружия, что может являться серьезной угрозой.

¹Гарок Занди Довуд. Эрон ва масъалаи хастаи (Иран и ядерная проблема). Тегеран, 1387. - С.120 (на персид. яз.).

В свою очередь, Иран на этом этапе пришел к выводу, что переговоры безрезультатны, стороны переговоров искусственно затягивают время, намереваясь и дальше препятствовать доступу его к атомной энергии. На этой основе генсек АГАТЭ Ирана 12 апреля 2007г. объявил, что страна является самодостаточной в области центрифуг и добилась реального обогащения урана.¹

После такого сообщения, Ахмадинежад в своих выступлениях также провозгласил: «Я официально заявляю, что Иран присоединился к атомным державам мира. Центрифуги на уровне испытаний усовершенствованы, молодые специалисты в воскресенье 10 апреля 2007г. смогли добиться обогащения урана, необходимого для атомных станций».²

С этого момента мир становится свидетелем поворота в отношениях ЕС с Ираном, вызванного конфронтационной и непримиримой позицией Ирана по атомной программе. Эти шаги Ирана шли в противовес целям и задачам внешней политики ЕС. На этой основе постоянные члены Совбеза ООН и Германия, после отчета генсека МАГАТЭ, в апреле 2007г. приступили к переговорам в Париже по вопросу продолжения исследований по обогащению урана в Иране и большого количества противоречий в вопросе принятия ядерной программы Ирана.

До начала переговоров Англия и Франция представили Китаю и России предварительный текст требований по основным моментам срочной приостановки Ираном действий по обогащению урана. Данный документ утверждает, что работы Ирана приводят к распространению ядерного оружия создают угрозу миру и международной безопасности. Европейские страны впредь будут относиться к Ирану как к стране, имеющей возможность разрушить международный мир и контролировать его.

После Парижских переговоров, 3 апреля 2007 г. три державы - Англия, Франция и Германия, вместе с США передали проект постановлений,

¹Зебокалом Сутуда. Парвандаи хастаии Эрон (Ядерная программа Ирана). Тегеран, 1388. - С.18 (на персид. яз.).

²Там же. - С.22.

предложенных ими в Совет Безопасности. Действительно, ЕС является торговым конкурентом США в регионе, а Иран - неосвоенным рынком, однако с момента перехода угроз Ирана в реальное поле, европейские страны и США объединяются против Ирана.

Страны Запада выдвигали предложения заменить совместные ядерные проекты обычным экономическим сотрудничеством и обменом технологиями. В это время, после подписания соглашения группы 5+1 от 12 июня 2004 года тремя европейскими странами, состоялось заседание по передаче досье Ирана в Совбез, в связи с тем, что Иран не ответил на стимулирующие предложения по ядерной энергии, экономике и обмену технологиями. В этой связи была принята резолюция 1696, от 13 июня 2004 года против Ирана.

Возрастание напряжения в двусторонних отношениях и поведение властей ИРИ становится причиной того, что ЕС отказался от своей выгоды от экономических отношений с ИРИ. В той мере, какой Совет Европы и казначейство США в координации своих инициатив осуществлял еще более жесткие и односторонние санкции против Ирана, Совбез ООН принял резолюцию 1929 против ИРИ.

Лидеры ЕС единогласно назвали эти санкции против Ирана жестокими и жесткими, в том числе, так как они создавали препятствия в инвестициях в нефтяную и газовую отрасли Тегерана, сокращение возможностей по природному газу и его очистке. Данные шаги могли бы централизованно реализоваться в области торговли, банкинга и страхования, транспорта, в том числе, паромства, авиации, газовой и нефтяной промышленности Ирана.¹

Важно иметь в виду, что для решения ядерной проблемы Ирана и формирования его ядерной идентичности большое значение имеет сотрудничество ИРИ с Российской Федерацией, о чем было сказано выше. Попытаемся конкретизировать содержание интересов сторон и их влияние на ядерную идентичность Ирана, обеспечивающую его онтологическую

¹Самый высокий уровень отношений. Интервью с послом ИРИ в РФ Мехди Сафари//Персия. 2001. №1.

безопасность.

Относительно этому, ряд экспертов выделяют следующие интересы России в сотрудничестве с Ираном по осуществлению его ядерной программе:

а) РФ старается путем сотрудничества с Ираном, получить преимущество перед Западом, то есть разыграть карту Ирана в отношениях с Западом, особенно с США. Один из ярких примеров этого и переговоры А. Гора и В. Черномырдина в 1995 году, где США и РФ пришли к соглашению по поводу продажи оружия Ирану. Этот секрет был раскрыт позже. Второе важное изменение на этой основе - совместная симпатия руководителей США и РФ в Санкт-Петербурге в 2002 году, когда РФ решило не противодействовать своими требованиями нападению на Ирак со стороны США;

б) геополитическое использование Ирана. С этой позиции России соответствует позиция геополитики Ирана в политических отношениях с Западом. В соответствии с данной позицией Россия выступает против сторонников Атлантики и Запада в собственных политических элитах, которые больше склонны к сотрудничеству с Западом. Поддержка влияния России в Азии и, в частности, сотрудничества с Ираном принадлежит партии националистов, коммунистам, военным, представителям силовых ведомств и военно-промышленного комплекса. В этой позиции геополитическое место Ирана, после казни Саддама Хусейна, Москва представляет собой как объединение региона под ее контролем той или иной степени и в ее интересах.

С позиции национальной гордости и приобретения престижа, ядерное сотрудничество Ирана и РФ относится к предмету национальной гордости России, служит ее укреплению. Хотя экономические интересы процесса атомных технологий для России и важны, однако необходимо так же учитывать национальную гордость и престиж России, как наследника Советской империи.

С этой позиции, если прекращение ядерного сотрудничества с Ираном, и вызовет экономические убытки, то они не будут настолько значительны, чтобы вызвать в России хозяйственный кризис. Но, согласно утверждению отдельных исследователей, в тоже время, урон, нанесенный национальной гордости и политической репутации Москвы в регионе и мире, будут настолько высок, что руководители России будут воздерживаться от того, чтобы предпринимать серьезные меры против Ирана. Особенно, учитывая, что Россия, за последние годы много сделала для того, чтобы восстановить свой потерянный имидж.¹

Ряд других экспертов выдвигают три видения развития событий по поводу атомного сотрудничества РФ и Ирана:

Первое видение основано на уверенности в том, что правительство РФ будет стараться приобрести контроль над передачей технологий и ядерного сырья в Иран, но не сможет контролировать деятельность внутренних организаций, министерств и различных компаний.

Второе видение основано на уверенности в том, что РФ заинтересована в защите и продолжение особенного сотрудничества с Ираном и хочет, с целью усиления Ирана поддержать его военные нужды. В соответствии с этой позицией, правительство будет не совсем последовательно в предотвращении транспортировки сырья, технологий и атомного оборудования Ирану, хотя внешне будет сохранять хорошие отношения с Вашингтоном и отвечать положительно пожеланиям США.

Третье видение основано на уверенности в том, что РФ будет следовать в отношениях с Ираном политике затягивания времени, или же в решении некоторых проблем Ирана воздержится от развития отношений сотрудничества, передачи оборудования и технологий, для укрепления атомной мощи Ирана (против которого выступает США).

Думается, РФ на деле использует комплекс из этих трех видений, поэтому его сотрудничество с ИРИ и не является ровным и всегда

¹Сараганов С. Иран, Россия и ядерное оружие// Российская газета . 11.11.2005.

предсказуемым. По этой причине, совершенно обосновано, что, в основном, сотрудничество с Ираном в военной и оборонной области не состоит исключительно из атомного.¹

По этому поводу Д.А. Медведев на встрече в Давосе утверждал не военный характер ядерной программы Ирана. Вместе с тем, министр иностранных дел РФ С. Лавров в интервью русскому теле-информ-агентству «Раша Тудей» отметил следующее: «Я уверен, что санкции против Ирана практически потеряли свою эффективность. Защита Россией резолюции не означает, что мы защищаем ужесточение санкций против Ирана. Ужесточение санкций против Ирана означает увеличение давления на Иран, что может привести к гуманитарной катастрофе, чего мы не можем допустить». Это означает, что Россия выступает против всяческой политизации проблемы, кроме поддержки режима нераспространения.²

Эти изменения отношений имеют разные причины, в их числе, можно указать на такие: явления, связанные с президентскими выборами в Иране в 2010 году и создание лозунгов против РФ не остались безответными в этой стране. Россия в течении 6 месяцев по поводу этих явлений выпустила три заявления. В первом из них Россия подчеркивает, о своем невмешательстве во внутренние дела ИРИ. Во втором, РФ просит ИРИ в своих шагах следовать идеологии соблюдения прав человека. И в последнем, РФ подчеркивает, что Иран должен прекратить насилие над человеком. Причиной подобного изменения мнения можно считать позицию общественного мнения в ИРИ, выраженную в ходе обсуждения проблемы на сайтах и в СМИ. Например, в одном обмене мнений, 94%, отвечавших сказали, что не доверяют России. Более того, на сайте РИА Новости, имеющем тесные связи с МИД РФ, подобный обмен мнений показал, что 96% отвечавших придерживаются такого же мнения. Эти результаты отразились на публикациях по Ирану.

¹ Чахонгир Карими. Сиёсати амниятии Русия дар баробари Гарб (Политика безопасности России в противовес Западу). Тегеран, 1383. - С.2. (на персид. яз.).

² Интернет-ресурс: / www.idsp.ir/fa/pages/3cid=638.

Например, в двух статьях Денисова и Сазина указывается на эти результаты и отмечено, что правительство РФ потеряло доверие народа Ирана. Данная проблема отражает ту реальность, что сотрудники международных организаций имеют либеральное видение. Подобные исследовательские центры обычно в сравнение с особо государственной позицией, более интернациональны и на самом деле, выражают большую солидарность с оппозиционными взглядами, нежели с позицией правительства.

Вызывает интерес ещё одна проблема, что большинство экспертов сравнивают современный Иран с бывшим СССР. Русские уверены в том, что те меры, что осуществляет правительство ИРИ, подобны тем, которые совершало прошлое правительство СССР. Подобные выступления и исследования по поводу внутреннего состояния Ирана влияют на решения влиятельных органов России и порождают отрицательное отношение к Ирану.

Совершенно очевидно, что в период после 11 сентября 2001 года произошли изменения в режиме безопасности РФ и США, и это сказалось и на отношениях с ИРИ. В этой связи, можно указать на совершенно открытые указания русских на невозможность доступа Ирана к Черному морю, его участие там в учениях. Хотя ИРИ на протяжении многих лет подчеркивает свое намерение не использовать Черное море в военных целях, на продолжение и развитие двухсторонних отношений, в представлении Ирана в свете его деяний.¹

Вместе с тем, 11 сентября 2001г. не изменило коренным образом атомное сотрудничество РФ и ИРИ, т.к. хотя международная система после этого события изменила ситуацию в международных отношениях, однако особенных изменений во внутренних факторах, влияющих на международные отношения, не произошло.

¹Чахонгир Карими. Тахаввулоти сиёсати хоричии Россия (Эволюция внешней политики России). Тегеран, 1384. - С.48. (на персид. яз.).

Анализируя содержание выступлений Президента РФ можно понять, что политика этой страны по отношению к ядерной программе ИРИ после 11.9.2001 г. определяется следующими факторами:

Во-первых, РФ не намерена под давлением Европы и США отказываться от ядерного сотрудничества с ИРИ; Во-вторых, РФ выступает против узурпации ядерного рынка со стороны США. В-третьих, РФ выступает против превращения ИРИ в ядерную державу и приобретения ею независимости от РФ в ядерной сфере. В-четвертых, РФ остается сторонницей решения ядерного досье ИРИ путем переговоров: так, чтобы не упустить интересов на Западе, как и не навредить своим интересам от сотрудничества в ядерной отрасли с ИРИ.

Тем самым, можно наблюдать, что Россия ищет подходы к решению ядерной проблемы Ирана с точки зрения собственной внешнеполитической идентичности и в меньшей мере ищет опору для своих решений во внешнеполитической идентичности Ирана, хотя, в отличие от Западных стран, и принимает ее во внимание. Важнейшим моментом является то, что Россия ни в каких условиях не будет принимать ядерный Иран и выступает против того, чтобы Иран стал ядерной силой рядом с его границами.

Безусловно, Россия ни в коем случае не желает, чтобы Ирану стали доступны атомное оружие и необходимое оборудование для использования атомного оружия. Если вдруг это станет реальностью, то моментально изменится расклад сил и баланс региона от Кавказа до Центральной Азии против Москвы. Россия с начала XIX века имеет влияние в этом регионе и даже после распада СССР желает сохранить свою позицию в этом регионе. Москва имеет свое особое мнение по проблеме реального режима Черного и Каспийского морей, границ региона, которые усложняют проблемы Ирана. Если же Иран получит доступ к ядерной мощи, Россия больше не сможет легко не обращать внимания на противоречия с Тегераном на этой почве. Действительно, атомный Иран является серьезным конкурентом России в регионе от Кавказа и до Таджикистана. Атомная мощь может создать такую

атмосферу вокруг Ирана и в той мере, что соседние страны, такие как Туркменистан, будут вынуждены осуществлять нужную для Тегерана политику. Данное положение может иметь влияние на запутанную энергетическую проблему Каспийского моря.¹

Бесспорно, отношения Ирана и РФ в области ядерных разработок существенно влияют на политическую идентичность и онтологическую безопасность иранского общества, и они постоянно подчинены способу самопредставления руководителями этих стран. Каждый раз, как становятся центром внимания экономические вопросы, отношения складываются искренними и близкими, а Бушерская АЭС считается примером сотрудничества двух стран. На самом деле, было большое количество случаев, которые завершались ухудшениями двухсторонних отношений, в том числе, поддержка Россией анти-иранской резолюции на Совете директоров МАГАТЭ.

Более того, Президент РФ в ходе своего визита в 2012 году в Израиль, сказал жесткие, но противоречивые слова по поводу ядерной программы ИРИ: «Мы в настоящее время больше США осведомлены о ядерной мощи Ирана». В конце своей речи он отметил, что использование силы со стороны Израиля против ядерной программы ИРИ не имеет необходимости. Это в то время, когда Израиль хорошо осведомлен о той помощи, которую оказывала Россия для того, чтобы развить атомную отрасль ИРИ. Он также по этому поводу подчеркнул: «Существование ядерного оружия в руках Ирана противоречит интересам России. Поэтому эта страна не получит доступ к подобному оружию».²

Такое непостоянство во внешней политике РФ есть показатель того, что она в своей новой политике не остановится не перед чем, ради достижения своих целей. На практике РФ, опираясь на эту политику, проводила 2010 год, в котором одним из основных дебатов являлся

¹Интернет-ресурс: www.irannuc.ir/index.php?option=com_content&vie.

²Интернет-ресурс: www.tobnak.ir/Fa/news/253945.

«договором о новом ПРО». Россия, ради достижения целей по получению помощи для своей модернизации, защитила экономические санкции против Ирана. В отношениях РФ с Азиатско-Тихоокеанским блоком, внешняя политика русских больше была направлена на развитие торгово-экономических отношений. На многочисленных встречах с лидерами Китая, Южной Кореи, Вьетнама, Индии и др. стран, Президент и премьер-министр РФ подписали большое количество решений, протоколов и договоров. Это происходит в то время, когда Россия теряет свою позицию на рынках сбыта вооружений.

Новая внешнеполитическая концепция России является развитием прежней «доктрины», озвученной в июне 2000 года В.В.Путиным – тогдашним и нынешним Президентом РФ. В «Новой доктрине внешней политики России» с позиции Медведева Д.А., основными осями, которые находятся на первом плане, являются:

- увеличение присутствия России в мировых процессах, отказ от идеологического противостояния и наследия холодной войны;
- внимание к процессам глобализации и их вызовам, отказ от понятия «враг» в отношениях с Западом, а вместо него использование слов «дружба», «сотрудничество», «защита принципов международного права»;
- предотвращение принятия единоличных решений новых мировых режимов, которые вновь формируются и желание активного участия Россия в мировых процессах;
- участие в определении внешней политики Европы и Америки в отношении Африки и Латинской Америки, а также, обращение внимания на страны с общими интересами. Д. Медведев, познакомив страну с «Новой доктриной во внешней политике России», объяснил основные пункты программы действий, состоящие в защите национальных интересов страны и защите принципа международнойности в отношениях. Таким образом, можно сказать, что основные изменения, ожидаемые Западом, осуществились с приходом нового лидера России к власти, и Москва была готова к принятию

не случившихся односторонних преимуществ. Как бы, Россия объявила о готовности не критиковать Запад, осуществляя более гибкую дипломатию и повернуться к новым предложениям по переговорам и конструктивному сотрудничеству.¹

Несомненно, с созданием Бушерской АЭС Россия «де-факто» уже признала Иран, как атомную державу. Это обстоятельство становится причиной того, чтобы будущие интересы носили характер мирного атомного сотрудничества Ирана с Россией. Россия, с одной стороны, желает обеспечения монополии на ядерное топливо для Ирана и, используя финансовые прибыли от этого, в сценариях сотрудничества с другими странами Запада, с введением в строй Бушерской АЭС не может не учитывать потребностей Ирана в самостоятельном обогащении. С другой стороны, интересы России в сохранении объемов сотрудничества и баланса с Западом также будет сохранять вместе Иран и РФ. Условием этого нового положения является обеспечение политической атмосферы для развития обсуждений Иранской проблемы. Это обстоятельство может создать еще одну пустоту в тематике других сторон на атомных переговорах с Ираном.

Можно констатировать, что в международном общественном мнении сложилась негативная для Ирана картина его позиции по ядерной проблеме, которая тесно связана с его политической идентичности и онтологической безопасности. Участники переговоров считают, что Иран в атомной программе преследует целью создание реакторов полного сгорания атома на своей территории, приобретения доступа к возможности создания атомного оружия, способного атаковать на дальние расстояния внутри и за пределами Центрального Востока. Обеспечив Иран свободным потоком инвестиций, международное сообщество найдет доступ к международному и региональным рынкам. Может быть, Иран примет то, что с точки зрения науки останется неядерным и с этой позиции останется верным требованиям

¹Чахонгир Карими. Тахаввулоти сиёсати хоричии Россия (Эволюция внешней политики России). Тегеран, 1384. - С.51. (на персид. яз.).

договора о нераспространении ядерного вооружения, однако Иран будет подчеркивать, что его ядерная программа будет на грани ядерной, т.е., той модели, которой придерживается Япония. То обстоятельство, что международное сообщество примет такое условие или нет, в определенной степени зависит от вида отношений мировой общественности к Ирану. Можно допустить, что ядерная мощь будет в руках Ирана, государства, которое подобно правительству Шаха, или же правительству, в котором утвердились некоторые демократические изменения. Однако, даже при таких условиях, Иран не будет адекватно воспринят на мировой политической арене и встанет перед новыми ограничениями и экономическими санкциями международной общественности.

В череде атомных преобразований в Иране, 1994 год был сопряжен с особенно значимыми явлениями. С этой точки зрения, этот год является поворотной точкой, где большинство стран пересмотрели параметры своего сотрудничества с Ираном и оставили его в одиночестве в стараниях к приобретению ядерных технологий.

Таким образом, уместно подчеркнуть, что тогдашнее Правительство заявило о создании и совершенствовании атомного оборудования, и, тем самым, Иран вошел в новую технологическую фазу, укрепляя свою политическую идентичность и обеспечивая онтологическую безопасность своих граждан.

Нынешнее руководство страны, используя новые возможности и подходы в решении проблемы политической идентичности государства, постоянно подчеркивает во всех переговорах права иранской нации на атом. При этом правительство Хасана Рохани исходит из того, что возможно и необходимо достичь согласия на переговорах по ядерной программе страны, не нарушая идентичности их участников, и гарантируя онтологическую безопасность иранского социума, получая результат, устраивающий все их стороны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социально-философский анализ проблемы онтологической безопасности и её влияние на формирование политической идентичности иранского общества, показывает, что Иран, как одно из древнейших государств мира с богатой историей, занимает важное геополитическое

положение на евразийском континенте. В новейшей истории этой страны для формирования её современной идентичности, ключевым событием стала Исламская апрельская революция 1979 года, которая послужила толчком в укреплении онтологической безопасности иранского общества. Опираясь на содержание рассмотренных в исследовании главных аспектов изученной проблемы, можно сделать следующие краткие выводы:

1. Как известно, понятие «безопасность» традиционно рассматривалось в русле военных знаний (военная безопасность), а затем оно стало широко использоваться в политологии (национальная безопасность). Сегодня этот термин активно применяется в различных отраслях науки: экономики (экономическая безопасность), технической науки (технико-технологическая безопасность), экологии (экологическая безопасность), информатики (информационная безопасность) и т.д.

Безусловно, социально-философская интерпретация понятия «безопасность» способствует выявлению действительного многообразия ее сути, в котором можно выделить и некоторые тривиальные контуры. Это объясняется тем, что:

- во-первых, безопасность чаще всего указывает на отсутствие угроз, т.е., если в данный момент не существует какой-либо опасности для функционирования или эволюции какого-либо объекта, то данный конструкт находится в состоянии безопасности;

- во-вторых, безопасность постоянно предусматривает присутствие защиты, то есть определённых форм и условий, охраняющих объект от деструктивного воздействия;

- в-третьих, безопасность считается как состояние гармонии, спокойствия, равновесия взаимодействующих сторон. При этом важно констатировать, что в историко-философском плане безопасность всегда рассматривалась только относительно человека и общества, то есть она изначально имеет антропо-онтологический смысл.

2. Важно подчеркнуть, что анализ понятия «безопасность» в ее

онтологической ипостаси показывает ее внутренне противоречивое единство с понятием «опасность». Что касается идентичности в ее политическом ракурсе, то она формируется на базе определенного дискурса, понимаемого как не всегда связанный текст, как совокупность более или менее законченных и взаимосвязанных высказываний на соответствующие темы политической жизни, используемый для как частного, так и публичного объяснения принимаемых политических решений. В основе политической идентичности также находятся и различные социальные и экономические факторы и интересы, которые определяют установки, оценки и отношения государства как самостоятельного субъекта и его политических элит к процессам и явлениям, происходящим как внутри государства, так и на международной арене. С учетом данного содержания политической идентичности, воспринятой через СМИ и другие источники политической информации, в первую очередь, через систему образования, установки, ориентации и ценности трансформируются в конкретные политические решения и действия, соответствующие позиции, выраженные через законодательство и решения административных органов данного государства.

Обобщая имеющиеся в обществоведческой науке представления об онтологической безопасности, в краткой форме можно предлагать следующую её социально-философскую интерпретацию: «Онтологическая безопасность - это, присущее индивидам, социальным группам и обществу в целом чувство безопасности, упорядоченности и правильности их жизни, которое наиболее отчетливо ощущается в случае устойчивой собственной идентичности, не изменяющейся с течением времени».

3. Вне всякого сомнения, онтологическая безопасность неразрывно связана с идентичностью субъекта (в частности, с его политической идентичности), т.е. его самоопределением и постоянно взаимодействует с ним. Сущность понятия «политическая идентичность» содержит в себе внутренний и внешний аспект, так как в ней заложено представление Других о Нас и Нас о Других. Поэтому обращение к проблематике

внешнеполитической идентичности, тем самым, стало неизбежным с момента введение родового понятия в научный оборот. В этом плане представляется необходимым уделить внимание анализу внешнеполитической идентичности, как предмет научного обсуждения.

Необходимо иметь ввиду, что любая внешнеполитическая идентичность содержит в себе исторический, репрезентативный и реляционный аспекты. Первый аспект отражает отношение к основным событиям и персонажам истории государства, выделяя те из них, которые детерминируют современное состояние и организацию государства. Репрезентативный аспект обозначает те идеи, качества, принципы, ценности или модели, которые государство определяет как наиболее фундаментальные и на которых оно строит своё позиционирование в международной системе. Реляционный аспект закрепляет отношение к другим субъектам или общностям более высокого уровня, например, к макрорегиону или цивилизации. Степень каждого из указанных аспектов и взаимосвязи между ними могут варьироваться в различных случаях.

Например, в случае Исламской Республики Иран ведущими выступают исторический и реляционный аспекты. Формирование же репрезентативного аспекта здесь осложняется режимом санкций и ограничений, применяемым по отношению к ИРИ государствами ЕС и США. Гипертрофированность исторического аспекта может ослабить репрезентативный, а конструирование особого отношения к соседнему государству может компенсировать недостаток исторических мифов или собственных репрезентативных позиций. При этом следует помнить, что каждый из этих аспектов может содержать как элементы тождественности, так и элементы уникальности.

4. Формирование идентичности Ирана, особенно – его политической идентичности, не завершено окончательно и сегодня. Оно продолжается, отражая современные противоречия и результаты как внутренней, так и внешней политики этого государства. В силу обширности предмета

выделяется один из его элементов — формирование «ядерной идентичности Ирана», связанный с наиболее острой для иранского государства внешнеполитической проблемой, - реализацией права ИРИ на мирный атом.

Если внимательно изучать современную политическую идентичность Ирана, можно обнаружить, что в её основе лежит, прежде всего, исламское мировоззрение и учение мусульманских богословов и мыслителей. По своей сути, мировоззрение ислама является текстуальным, основанным на следовании извечно установленному тексту, его комментарию, применительно к новым современным условиям.

На этой основе, характерно, что политическая идентичность Ирана предполагает свободное волеизъявление его народа в рамках общеисламской идентичности и веры, независимое развитие собственных политических институтов и традиций, формирование передового общества и его материальной основы. Последним объясняется стремление Ирана, возведенное в ранг принципа внутренней и внешней политики, к получению всеобъемлющего знания, развитию науки и технологии. Этот принцип также признается и в качестве неотъемлемой нормы международного права.

Специфическими субъектами формирования политической идентичности Ирана является Высший совет исламской революции, Совет улемов и Лидер народа — Аятолла. Именно, благодаря их, принимаемые решения являются обоснованными и соответствующими положениям всей многовековой социально-политической мысли ислама.

В соответствии с принципами онтологической безопасности ИРИ, а так же в целях обеспечения ею политической идентичности, необходимо учитывать целенаправленное использование Западом процессов, действий и традиций, с помощью которых страны данного региона мира пытаются ослабить исламскую составляющую политической идентичности Ирана и держать процессы, происходящие в нем, под своим контролем. Они тем самым, добиваются реализации своих интересов и эффективности своих действий и инициатив.

5. Современная иранская идентичность, которая в основном, как выше было отмечено, базируется на его ядерной доктрине, обеспечивающей онтологическую безопасность общества, как правило, в международном плане обсуждается в узком смысле, т.е. рассматриваются только ее технические аспекты. Хотя они, несомненно, - важные, но отнюдь - не самые главные. При этом исходным мотивом Ирана является не само по себе стремление к обладанию ядерными технологиями, а обеспечение на деле неотъемлемого права страны на полный суверенитет во всех его проявлениях. Иранцам, в плане их онтологической безопасности, нужны твердые гарантии, что с их страной не поступят как с Ираком, Ливией или Сирией. Отсюда желание подкрепить свои международные и региональные позиции силовой составляющей, создать фактор сдерживания против возможного вооруженного вмешательства. Самый короткий и радикальный путь к этому, по мнению абсолютного большинства граждан, - это обретение ядерного статуса.

Стремление к достижению этой цели показал, что в этом направлении нужны новые переговорные форматы, потребуются встречные шаги, как со стороны Ирана, так ядерных держав и стран ЕС. Попытки одностороннего давления и угроз в отношении Ирана не могут дать положительные результаты, а лишь меняют конфигурацию не поддающихся решению вопросов.

6. Для решения ядерной проблемы Ирана, и на этой основе формирования его политической идентичности, большое значение имеет сотрудничество с Российской Федерацией, которая с созданием Бушерской АЭС «де-факто» уже признала ИРИ как атомную державу. Это обстоятельство становится причиной того, чтобы будущие интересы носили характер мирного атомного сотрудничества Ирана с Россией. В тоже время, РФ, с одной стороны, желает обеспечения монополии в поставке ядерного топлива для Ирана и, используя финансовые прибыли от этого, в сценариях сотрудничества с другими странами Запада, с введением в строй Бушерской АЭС не может не

учитывать потребностей Ирана в самостоятельном обогащении. С другой стороны, интересы России в сохранении объемов сотрудничества и баланса с Западом также будет сохранять вместе Иран и РФ.

На современном этапе развития иранского общества руководство страны, используя новые возможности и подходы в решение проблемы политической идентичности государства, постоянно подчеркивает во всех переговорах права иранской нации на атом. При этом оно исходит из того, что возможно и необходимо достичь согласия на переговорах по ядерной программе страны, не нарушая идентичности их участников, и гарантируя онтологическую безопасность иранского социума, получая результат, устраивающий все их стороны.

Естественно, в предлагаемом исследовании удалось охватить лишь небольшой по объему материал, относящийся к теме и рассмотреть далеко не полностью ее предметное поле. Сложность и многогранность проблемы еще требует своего дальнейшего научного анализа, что может стать основой самостоятельного направления в современной иранистике. В частности, по нашему мнению, выявление исторически маркированных элементов содержания политической идентичности и онтологической безопасности Ирана, скорее всего, будет определено предметом изучения следующего возможного исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулризо Хушанг Махдави. Таърихи равобити хоричии Эрон. Интишороти Амир Кабир. 1369.
2. Аберкромби Н., Хилл С. Тернер Б.С. Социологический словарь, 2008 г.
3. Агаев С.Л. Иран в период политического кризиса 1920-1925 гг. М., 1970.
4. Азганди А. Внешняя политика Ирана. Тегеран, 1997
5. Айнхорн, Р. Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы/Р.Айнхорн, Г.Сеймур//Ядерный контроль. 2002.-Июль-август.№4.-С.44.
6. Али Акбар Велаяти. Конструктивная роль ИРИ в обеспечении региональной безопасности. // Третий взгляд. М., 1997, № 44.
7. Алиев С.М. История Ирана XX век. М., 2004.
8. Али Рахмони. Германия, национальные интересы и безопасность ИРИ.Т.1. Муассисаи Аброри муосири Техрон. 1384.
9. Арабаджян З. А. Иран: противостояние империям (1918-1941). М., 1996.
10. Арунова М.Р. Российско-иранские отношения: диалог и сотрудничество (1999-2001)// Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. -М., 2001.
11. Арунова М.Р. РФ-ИРИ. Политический диалог: 1999-2000 гг.// Иран: Ислам и власть: Сб.науч.тр./Отв. ред.Н.М. Мамедова, Мехди Санаи. М., 2001.
12. Асадуллоев И.К. Таджикистан: пограничная зона и экспансия подобия.- Душанбе: Шарки Озод, 2000;
13. Асадуллоев И.К. Экспансия подобия, демократия и Таджикистан. -Душанбе: Шарки Озод, 2002;
14. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд 94 «Референтура по Ирану».
15. Ахмад Гуломахмади. Чахонишудан ва бухрони хувият. Фаслномаи мутолиаи милли. 1380
16. Ачкасов В.А., Бабаев С.А. «Мобилизованная этничность»:

Этническое измерение политической культуры современной России. - Спб.: Изд-во С.-Пб. Философ. Об-ва, 2002. - 144с.

17. Багиров Э. М. Приоритеты внешней политики Ирана и проблемы региональной безопасности на Южном Кавказе на рубеже XX-XXI вв. Дис. канд. ист. наук. М., 2006.

18. Бажанов Е.П. Приоритеты России в меняющемся мире. М.: Научная книга, 2000.

19. Бажанов Е.П. Эволюция российской внешней политики (1991-1999 гг.). -М, 1999.

20. Батаева Е.В. Видимое общество. Теория и практика социальной визуалистики. - Харьков: ФЛП Лысенко, 2013. - 349с.

21. Бехзод Дурон ва Манучехр Мухсини. Хувият: руйдодхо ва падидахо. Дар мабонии назарияи хувият ва бухрони хувият. Гирдоварданда: Алиакбар Алихони. Техрон. Пажухишкадаи улуми инсони в ичтимоии Чиход Донишгохи.1383.

22. П.Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2005. С. 140.

23. Бжезинский З. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2005. С.104-105.

24. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии в международных отношениях (на примере ядерной программы Ирана)// Полис: Политические науки с позиций социологического конструктивизма// Международные отношения

25. Большаков А.Г. Формирование общегражданской политической идентичности в России: практики экстремизма и толерантности /А.Г. большаков//Гражданская и политическая идентичность: концепты и практики. - казань: Отечество, 2012. - С. 120-26

26. Бори Бузон, Али Шор ва Боб Дувелу. Чорчуби тоза барои тахлили амният. Тарч. Алиризо Тайиб. Техрон: Пажухишкадаи мутолиоти

рохбурди. 1386.

27. Бредфорд Дж. Мартин. Таърихи равобити Эрону Олмон. Пайк. Тарч. ва нашр. 1368

28. Бурдые П.Начала. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288с.

29. Вайсс Б.Дж. Дух мусульманского права /Б.Дж. Вайсс. - М.:Диля, 2008. - 236с.

30. Вартанян А.М.Новые аспекты региональной стратегии Тегерана в регионах Центральной Азии и Закавказья. Материалы сборника статей «Институт Ближнего Востока» // М., 2005.

31. Вендт А.А. Социальная теория международной политики. Перев. Хумайро Маширзода, Тегеран, дафтари мутолиоти сиёси ва байналмилали.

32. Вендт А.А Иктидоргарои чизе аст, ки давлатхо худашон мефахманд.\\ Чомеа ва хамкори дар равобити байналмилали. Тарч.Бахром Мустакили. Техрон. Интишороти вазорати умури хоричи.1385.

33. Вишняков В. Россия-Иран и региональная стабильность// Международная жизнь. 1998, №11-12.

34. Власова, О. Они не откажутся // Эксперт. 2006. - №9. С.28.

35. Власова, О. Шаг от пропасти // Эксперт. 2006.-№22. С.76.

36. Выготский Л.С. Психология. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008с.

37. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001.

38. Ганковский Ю.В. Новое исследование проблем исламской революции в Иране // Восток. – 1994. – №3. – С. 13.

39. Гарибободи Козим. Парвандаи хастаии ЧИЭ ба ривояти аснод. Маркази чопу интишороти вазорати умури хоричи, Техрон,1382г.

40. Гароек Занди Довуд. Эрон ва масъалаи хастаи. Техрон. Пажухишкадаи мутолиоти рохбурди. Техрон. 1387

41. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. - М.:Питер. - 335с.

42. Гидденс Энтони. Тачдид ва ташхис: чомеа ва хувияти шахси дар асри чадид. Тарчумаи Носир Муваффакиен. Нашри Най (1375), чопи 4.-

43. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / Реф. Е.В. Якимовой //

Современная теоретическая социология: Э. Гидденс. Реферативный сборник/
Под ред. Ю.А. Кимелева. Серия "Социология". М.: ИНИОН РАН, 1995 с. 101.

44. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ГАРФ.
Ф.130.0п.4. Д. 464(2). Л.87-91.

45. Гушер А. Возможна ли ось Москва -Тегеран?//Азия и Африка
сегодня. 2002. №1.

46. Гушер А. Иран и Россия: что мешает их дальнейшему
сближению?//Азия и Африка сегодня №5, 2007.

47. Давыдов, В.Д. Нераспространение и коммерция: споры в
средствах массовой информации вокруг сделки России с Ираном // США.
Экономика, политика, идеология. 1995. - №9. - С.26-37.

48. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. - М.:Астрель,
2010. - 895с.

49. Деррида Ж. Призраки Маркса: Государство долга, работа скорби
и новый интернационал. - М.:Logos-altera, 2006. - 256с.

50. Джалилов К. Национальные интересы Таджикистана и вопросы
безопасности// Джунбиш, 19сентября 1998 (на тадж.яз.);

51. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. - М.:
Наука, 1994. - 135с.

52. Дипломатический курьер. 2001. №6. - С. 13.

53. Додихудоева Л.Н. Защита внутренней и внешней аспектов
безопасности человека//Таджикистан и современный мир.№2, 2003 (на тадж. яз.).

54. Договор о нераспространении ядерного оружия от 1 июля
1968г.//Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых
СССР с иностранными государствами. М., 1973. - Вbin.XXVI. - С.45-49.

55. Доклад Генерального директора МАГАТЭ об осуществлении
гарантий МАГАТЭ в Исламской Республике Иран. Документ МАГАТЭ
GOV/2003/75. - 2003.- 10 ноября.

56. Доклад Генерального директора МАГАТЭ об осуществлении
гарантий МАГАТЭ в Исламской Республике Иран. Документ. МАГАТЭ

вОУ/2003/75. - 2003.- 10 ноября.

57. Доклад Генерального директора МАГАТЭ об осуществлении гарантий - МАГАТЭ в Исламской Республике Иран. Документ МАГАТЭ 00у/2004/60. - 2004.- 4 сентября.

58. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957.

59. Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость //Россия реформирующаяся: ежегодник/ Отв. Ред. Л.М. Дробижева. - М.: ИС РАН, 2003. - С.212-223.

60. Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия. М., 1999.

61. Жириновский В.В. Перспективы развития российско-иранских взаимоотношений. М.ЛДПР, 1999.

62. Зазнаев О.И. Национальная (Страновая) идентичность: российский и западный опыт /О.И. Зазнаев //Гражданская и политическая идентичность: концепты и практики. - казань: Отечество, 2012. - С. 15-20.

63. Зебокалом Сутуда. Парвандаи хастаии Ирон (3) Муассисаи фархангии мутолиот ва тахкикоти Эрони муосир. Техрон.

64. Зобов А. Безопасность России, Иран и американские санкции // Специальное приложение к сборнику Ядерное нераспространение.-2001.-Вып. 1.

65. Зокиров Н.Г. Национальные интересы Таджикистана. Душанбе, 1997, 4-6(2);

66. Зокиров Н.Г. Политическая независимость. -Душанбе: Сино, 2001 (на тадж.яз);

67. Зокиров Н.Г. Терроризм. -Душанбе, Хумо, 2004

68. Иванова М.Н. Национально-освободительное движение в Иране. М., 1961.

69. Ивашенцов Г. Россия-Иран. Горизонты партнерства// Международная жизнь. 2004. №10. С. 20-27.

70. Иллюк А.А. Развитие российско-иранских отношений на рубеже XX и XXI вв. (исторический и политический анализ). Дис. канд. полит, наук. М., 2004.

71. Илхом Расулии Сониободи. Хифзи амнияти хастаишиносона ва

созишнопазири Чумхурии Исломии Эрон дар масъалаи хастаи. Фаслномаи улуми сиёси, шумораи 51.

72. Имомзофар Парвиз. 1385. Афзоиши заминаҳои хамгиروي дар бардоштхо ва муносиботи Иттиходи Аврупо ва ИМА пас аз 11 сентябр. Китоби амнияти байналмилали 2. Техрон, муассисаи Абвори Муосир.

73. Интервью президента ИРИ американской телевизионной компании CNN //Третий взгляд. М., 1995. № 39.

74. Иран: диалог цивилизаций. Материалы научной конференции. М., 2003. с.62.

75. Иран: эволюция исламского правления. М., ИОВ РАН, 1998.

76. История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 133.

77. История Ирана. М: Изд. МГУ, 1977.

78. Каёни Довуд. Руикарди Олмон ба сиёсати хоричи ва амнияти муштараки Аврупо. Маркази тахкикоти стратежик.

79. Кахрамонпур Р. Руикарди кудратҳои бузург ба мавзуи хастаи Эрон, Муовинати пажухиши донишгохи озоди исломи, 1387.

80. Кисляк, С. Иран: ситуация стало понятнее, но не все вопросы сняты. // Ядерный контроль. 2005. - Т. 11, №2.-С.13.

81. Козим Гарибободи. Изучение Соглашения по запрещению атомного вооружения и соответствующих протоколов. Издательство Культурного Учреждения международных исследований современного Ирана. Тегеран. Зима 1383.

82. Кон И.С. Социологическая психология. – М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. – 560с.

83. Концепция внешней политики Российской Федерации. // Информационный бюллетень МИД РФ. 10 июля 2000г.

84. Корниенко Т.А.. Теоретические аспекты исследования политической идентичности//Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009, №2.

85. Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Иран выходит из изоляции// Иран: ислам и власть. М., 2001. С. 161.
86. Кулибин, М. До бомбы ещё далеко //Эксперт.-2003.-№24. -30 июнь. С.34.
87. Кулматов К.Н. Восприятие Ирана различными слоями общества в России//Российско-иранское сотрудничество (взгляд из России). Материалы международной конференции 7-8 октября 1999г. М., 2000. С. 73.
88. Кулматов К.Н. Приоритеты внешней политики России и современные международные отношения. М., 2002.
89. Куртов А.А. Иран и проблема Каспия.//Иран в современном мире / Под общ. Ред. Е.М. Кожокина; Российский институт стратегических исследований (РИСИ). М., 2003. С.82.
90. Ли В.Ф. России и Ирану необходим новый полномасштабный договор.//Российско-иранское сотрудничество (взгляд из России). Материалы международной конференции 7-8 октября 1999г. - М., 2000.- С. 33.
91. Майтдинова Г.М. Пограничные проблемы Таджикистана: реалии и международное сотрудничество по обеспечению безопасности границ \ \ Материалы международной научной конференции. Душанбе, 27 марта 2009г.;
92. Манучехр Мухаммади. Муруре бар сиёсати хоричии Эрон дар дути давраи пахлави. Интишороти донишгохи Техрон, 1379.
93. Махмадов А.Н. Безопасность как основное средство общественных отношений. Душанбе, 2006;
94. Махмадов А.Н. Концепция национальной безопасности и некоторые ее особенности // Известия АНРТ. Серия философии и политологии.- Душанбе, 2007, №1,2 (на тадж. яз.);
95. Махмадов А.Н.Безопасность как явление политической системы.- Душанбе, Ирфон, 2007.(на тадж. яз);
96. Махмадов А.Н.Безопасность: защита национальных интересов и перспективы их развития. (Материалы республиканской конференции 17-18 октября с.2007г.-Душанбе, 2007)(на тадж.яз.)

97. Махмуд Яздонфом. Дигаргунихо дар назарияхо ва мафхуми амнияти байналмилали. Техрон. Фаслномаи муколамахои рохбурди. Соли.10. №4, 1386.
98. Миненков Г.Я. Политика идентичности с точки зрения современной теории. - Политическая наука. - 2005. -№3. - С.21-28
99. Мино Захирнажод Иршоди. Асноди равобити Эрон ва Олмон. Ч.3. идораи интишороти асноди давтари мутолиоти сиёси ва байналмилали. 1377.
100. Мусохиба бо доктор Бахром Амир Ахмадиен. Хабаргузори Шахр, 3.4.1386.
101. Накди Нажод Хасан. Рукарди Бритоние ба вахдати Аврупо. Маркази тахкикоти стратеги.- 61 с.
102. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. - М.: Новое изд-во, 2004. - 336с.
103. Носир Ходиен. Созаангори аз равобити байналмилали то сиёсати хоричи. Фаслномаи сиёсати хоричи. Шумораи 4 (1382).
104. Нурмухаммад Наврузи. Тахаввули гуфтумони сиёси ва пуёи дар улгуи сиёсати хоричии Эрон. Рохбурд, № 31 (бахори 1383).
105. Осуществление гарантий МАГАТЭ в Исламской Республике Иран. Резолюция, одобренная Советом управляющих МАГАТЭ. -Документ МАГАТЭ GOV/2004/90. 2004.- 29 ноября.
106. Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоиндефикация современного российского общества в условиях глобализации /В.И. пантин //Политические исследования. - 2008. - №3. - С.12-16
107. Пируз Язди. Нигохи Фаронса ба сиёсати хоричи ва амнияти мутараки Аврупо. Маркази тахкикоти стратеги.
108. Питер Эндрю Линк. Вокеъгарои, назарияи иктисоди ва мактаби барсози. Мутарчим Алиризо Тайиб. Ч.1. Техрон, дафтари мутолиоти сиёси. 1386.
109. Политическая идентичность и политика идентичности. В 2х тт. /Отв. Ред. И.С. Семененко. - М.: РОССПЭН, 2012
110. Попова О.В. Особенности политической идентичности в странах Европы /О.В. Попова//Полис. - 2009. - №1. - С.140-144

111. Постановление правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. №815 « Об утверждении программы развития атомной энергетики Российской Федерации на 1998-2005 годы и на период до 2010 года» // Российская Газета. — 1998.-3 сент. С.5.
112. Прокофьев И.В. Нефтегазовый комплекс Азербайджана// Независимый Азербайджан: новые ориентиры. РИСИ. М., 2000. Т.1. С. 316.
113. Пурахмади Хусайн. Фаслномай байналмилалии равобити хоричи, соли 2 № 15, бахори 1389.
114. Раджабов Ш.А. Социально-политические проблемы безопасности в современных условиях: опыт Таджикистана. Дисс.канд.полит.наук: 23.00.02 - Душанбе, 2007.
115. Рахматов А. Россия-Иран. На стройплощадке АЭС в Бушере// Азия и Африка сегодня. 2002. №1. С. 61.
116. Рахмонов А.С. Современные угрозы и вызовы национальной безопасности Республики Таджикистан// Проблемы модернизации и безопасности государств Центральной Азии и России в новых геополитических реалиях. Материалы международной научной конференции (Душанбе, 9 ноября 2010 г), РТСУ, 2011 и т. д.
117. Реза Годе М. Иран в XX веке. Политическая история. М., «Наука», 1994
118. Резников А.Б. Иран: падение шахского режима. М., 1983.
119. Российский Государственный Архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.122. «Комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (1919-1922)».
120. Рузномай Иттилоот. 6.4.1377.
121. Рузномай Чумхурии исломи,(17.6.82)
122. Саджжадпур М. Теория и практика внешней политики Ирана. Тегеран, 2002.
123. Сажин В.И. Россия и Иран: партнерство или стратегический союз?//Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. М., 2001. С. 203.

124. Сажин В.И. Россия и Иран: проблемы стратегической перспективы//Ближний Восток и Современность. М.: ИИИБВ, 1997. - Вып. 4. - С. 262.
125. Саид Ризои Имоди. Бозии нотамои Русия бо Эрон-сайт-бошгохи андеша. 1381.
126. Саид Хусайн Мусавиен. Чолишхои равобити Эрон ва Гарб (баррасии равобити Эрон ва Олмон) Маркази тахкикоти стратежик, 1385
127. Саидчалол Дехкони Фирузабади. Амнияти хастииноси ва сиёсати хоричии Чумхурии Исломии Эрон. Фаслномаи байнулмилалии равобити хоричи. 1388, соли аввал, шумораи аввал.
128. Саидчалол Дехкони Фирузободи. Тахавули назарияҳои мунозиа ва ҳамкори дар робитаи баналмилали. Мач. Пажухиши ҳукуки сиёсат. Шумораи 8 баҳор ва тобистони 1382.
129. Саид Шамсуддин Хорикони. Равобити Эрон ва иттиҳодияи Аврупо. Кобилиятҳо ва маҳдудиятҳо. Муовинати пажухишҳои сиёсати хоричи.
130. Сайме Д. 1997 год прошел без драматичных потрясений // Международная жизнь. 1997. №11-12.
131. Самиев А.Х. У истоков военной доктрины Республики Таджикистан// Народная газета, 1993, февраль;
132. Самиев А.Х. Военная стратегия будущего Таджикистана// Материалы Международной конференции «Миротворческие процессы в Таджикистане» - Душанбе, 1999;
133. Самиев А.Х. Военная доктрина Республики Таджикистан и проблемы национальной интересов как фактор развития государственности. Автор.дисс.кан.полит.наук. -Душанбе, 2006;
134. Самый высокий уровень отношений. Интервью с послом ИРИ в РФ Мехди Сафари //Персия. 2001. №1. С.4.
135. Санаи М. Отношения Ирана с центрально азиатскими странами СНГ. М., 2002. С. 129.
136. Санотурҳои Рус. Русия набояд равобити худро бо Эрон муташаххис кунад. Хабаргузори «РИА Новости-Россия». 12 Озармох, ба

накл аз Афифа Ободи.

137. Сараганов С. Иран, Россия и ядерное оружие// Российская газета . 11.11.2005

138. Семененко И.С.Идентичность в предметном поле политической науки.

139. Сиёмак Бехбуди. Накши мохи септембер дар парвандаи Бушахр. Рузномаи Шарк. 10.2.1382.

140. Стокань, С. Цена вопроса / Сергей Строкань // Коммерсантъ. 2006. - 1 сент.

141. Суханов В.М. Региональная политическая идентичность в России: теоретический анализ исследования, состояние и перспективы / В.М. Суханов. Автореф. Дисс...д.полит. н. - Саратов, 2009. - 40с.

142. Сафранчук И. ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества / И. Сафранчук // Научные записки ПИР-Центра.-1998.-№8. С. 12.

143. Сухих Е.А. Процессы и механизмы политического взаимодействия Российской Федерации и Федеративной Республики Германия с Исламской Республикой Иран по проблеме иранской ядерной программы/Е.А. Сухих. Автореф.дисс.канд.полит.н. -Н.Новгород, 2010. - 33с.

144. Сухробӣ Мухаммад. Амнияти энержии Аврупо. Накши Эрон. Муассисаи мутолиоти Эрон ва Авросиё. Соли 4. № 5. Поиз ва зимистони 1388.

145. Тархи икдоми мустакил дар иртибот ба дипломосии хамағонии ЕС дар Эрон. Брюсел. 16 феввали 2009. Шурои иттиҳодияи Аврупо.

146. Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции/И.Н.Тимофеев. - М.: МГИМО -Университет, 2008. - 175с.

147. Ткаченко А.А. Состояние и перспективы развития торгово-экономических связей между Россией и Ираном//Российско-иранское сотрудничество (взгляд из России). Материалы международной конференции 7-8 октября 1999 г. М., 2000. С. 47.

148. Угрозы режиму нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке/Под ред. А.Арбатова и В.Наумкина . -М. 2005. с.25.

149. Устав Международного Агентства по Атомной Энергии (МАГАТЭ)// Действующее международное право. М.: Московский независимый институт международного права, 1997.-Т.3. - С.291- 309.
150. Уткин А.И. Новый мировой порядок М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.
151. Ушаков В.А. Иран и мусульманский мир(1979–1998 гг.). – М.,1999.–С. 85.
152. Ушаков: В.А. Ирано-российские отношения на пороге XXI в.//Восток и Россия: на рубеже XXI века. Сборник. М. 1998; С. 177.
153. У ядерного порога уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения/Под ред. А. Арбатова; Московский Центр Карнеги. М.:РОССПЕН, 2007. - С.49-58.
154. Федеральный закон РФ от 29 декабря 2001 года №191-ФЗ «О ратификации Договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между РФ и ИРИ» // Собрание законодательства РФ. 2001.- 31 дек.-№53 (ч.1).-Ст.502
155. Хабар-о-назар. – Тегеран, 1980. – № 118, 128.
156. Хабаргузории Чумхурии Исломии Ирон (ИРНА), Тегеран, 19.12.1379.
157. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. - М.: Праксис, 2010. -264с.
158. Хайдарали Масъуди. Чанги Эрону Ирок аз манзари созаангори./Нигини Эрон. Техрон. Маркази мутолеоти чанг.№ 29, 1388.
159. Хамшахри. От Амиробода до Кремля. 2.6.1381.
160. Хантингтон С. «Столкновение цивилизаций» М., 2003.
161. Хатами С. М. Страх перед бурей. М., 2001.
162. Хатами С.М. Выступление в университете Флоренции (Италия) 8 марта 1999г.//Хатами С.М. «В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада». М., 2001.
163. Хатами С.М. Выступление на ежегодной сессии ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Париж, 29 октября

- 1999 г. // Хатами С.М. «Ислам, диалог и гражданское общество». М., 2001.
164. Хатами С.М. Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001.
165. Хатами С.М. Текст выступления на «Саммите тысячелетия» в ООН, Нью-Йорк, 6 сентября 2000г.//Хатами С.М. «В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада» М., 2001.
166. Хлопков, А. Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях/А.Хлопков//Научные записки ПИР-Центра.-2001. - Декабрь.-№ 18.-С. 13.
167. Холзода Саид. Баррасии хамкорихои иктисодии Эрон ва Иттиҳодияи Аврупо дар ду даҳаи ахир. Китоби Урупо-3. Муассисаи аброри муосир. Чопи аввал, фарвардини 83.
168. Хумайро Маширзода. Таксири маони ва таҳаввули мафохим дар равобити байналмилалии Фаслномаи мутолиоти рахбурди, соли 10 №4.(зимистони 1386)
169. Хумайро Маширзода. Гуфтуги тамаддунхо аз назари созаангори. Мачаллаи Донишкадаи ҳуқуқ ва улуми сиёсии Донишгоҳи Техрон. № 63. (бахори 1383).
170. Хумоюнруз Самеъ. Киеси амалкарду дастовардҳои давлати ислохот бо давлатҳои нухум ва даҳум. Шанбеи 21 фарвардин, 1389, Ватани имруз, № 391.
171. Чахонгир Карими. Сайт-Эрос-Таърихи шамси, нашри 14.05.1387
172. Чахонгир Карими. Таҳаввулоти сиёсати хоричии Россия.- Дафтари мутолиоти сиёси ва байналмилали. 1384, с. 197.
173. Чахонгири Карими. Сиёсати хоричи аз назари такингароёни иҷтимоӣ. Раховард ва нашрияи таҳқиқоти стратежик, № 31 (бахори 1383).
174. Чахонгир Карими. Сиёсати амниятии Русия дар баробари Гарб. Техрон. Маркази таҳқиқоти стратегии дифоъ, Номаи дифоъ, № 1. 1383.
175. Чахонгир Раиси. Сиёсати хоричи аз назари таквини иҷтимоӣ, рохбурди нашрияи таҳқиқоти стратежик, № 32 (бахори 1383.)
176. Чаъфари Валадонии Асгар. Эрон ва Урупо аз гуфтугуи интиқоди

то гуфтугуи маршрут. Китоби Урупо.2. муассисаи аброри муосир. 1382

177. Чон Билис ва Стив Смит. Чахонишудани сиёсат. Равобити байнулмилал дар асри навин. Ч.1. Техрон. Муассисаи фархангии мутолиот в тахикоти байнулмилалии Аброри Муосири Техрон. 1383.

178. Чон Лук Волосно. Хамохангии Маскав ва Техрон. Тарч. Мучтабо Муфиди. Донишгохи Кабк. Баргирифта аз «Ламонед Дипломатик».

179. Шаповалова А.И. Структура внешнеполитической идентичности государства. - М., 2006

180. Шахруд Амир Интихоби. Тахлили накши Амрико дар хамкорихои хастаии Эрон ва Русия. Сайти Дониши Сиёсат ва равобити байналмилали.

181. Шер Гуломи Халил. Иттиходияи Урупо ва сиёсати хоричии хинчори. Фаслномаи сиесати хоричи. Соли 21, №4, зимистони 1386.

182. Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. - М.:РОССПЭН, 2004. - 1056с.

183. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. - М.: Шк.культ.полит., 1995. - 800с.

184. Щелкунов М.Д. Российская идентичность: Проблемы и перспективы /М.Д. Щелкунов//Гражданская и политическая идентичность: концепты и практики. - Казань: Отечество, 2012. - С. 10-15

185. Энзелийская операция/Гражданская война и интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 670.

186. Эспозито Дж. Ричои Фарханг (1386) дар инкилоби Эрон ва бозтобхои чахонии он. (Идеология ва чахонбинии эрони: судури фарханги инкилоби). Техрон, интишороти Боз.

187. Эриксон Эрик Г. Детство и общество. Спб.:Ленато, 1996. - 592с

188. Юсупов И.А. Установление и развитие советско-иранских отношений (1917-1927).-Ташкент. 1969.

189. Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2006. - С. 167.

190. Bellamy Alex. J. Security Communities and their Neighbors: Regional Forresses or Global Integrators? London: Palgrave, 2004.
191. Bill J. The Politics of Hegemony: The United States and Iran // Middle East Policy. 2001. - Vol. VIII, №3. - P. 89-100.
192. Blank, S. Russia as rogue proliferators // Orbis. Philadelphia, 2000. - Vol. 44, №1.-p. 91-107.
193. Cass Sunsten. Social Norms and Social Rules In Freemarket and Social Justice, ed. Cass Sunstein, New York. Oxford University Press. 1999.
194. Checking Iran's Nuclear Ambitions/ Ed. by Sokolski H., Clawson P. Washington, DC.:SSI, January 2004. P. 132
195. Chubin S. The Geopolitics of the southern republics of CIS // The Iranian Journal of International Affairs. Vol. IV. - 1992. - № 2. - P. 28.
196. Clawson P. The Khatami Paradox // Iran under Khatami: Political, Economic and Military Assessment. Whashington , 1998. P. 1-13.
197. Cohen A., Phillips J. Countering Russian-Iranian Military Cooperation // The Heritage Foundation Backgrounder. -2001.-№1425.-April 5.-P.4.
198. Cordesman A. Weapons of Mass Destruction in the Middle East. Washington, DC: CSIS, 2001. P. 176.
199. Cordesman A, Burke A. The Proliferation of Weapons of Mass Destruction in the Middle East. Washington DC: CSIS, 2004. - P.95.
200. Cordesman A. Iran and Nuclear Weapons. Washington,DC:2000. - P. 40.
201. Cordesman A. Iran's Military Forces in Transition: Conventional Threats and Weapons of Mass Destruction. Westport, CT: Praeger., 1999. P.448.
202. Daalder, IvOH, 2006. "Are the United States and Europe Heading for Divorce. International Affairs.Vol.77. № 3."
203. Daniel B., Chubin Sh., Ehteshmi A., Greene J. Iran's Security Policy in the Post-Revolutionary Era. RAND, 2001. - P. 113.
204. Einhorn R., Samore G. Ending Russian Assistance to Iran's Nuclear Bomb // Survival. 2002. - Vol. 44, №2. - P. 51-70.
205. Eisentadt M. Living with a nuclear Iran? // Survival. 1999. - Vol. 41,

№3. -P. 124-148.

206. Etalat J. Geopolitics and Iran's foreign policy. Tehran, 1976. - P.181.

207. Firoozeh Kashani-Sabet, Fragile Frontiers: the Diminishing Domains of Qajar Iran. Int'l. Journal of Middle Eastern Studies, vol. 29, 1997. – P. 205–207.

208. Freedman R. Putin and the Middle East // Middle East Review of International Affairs. 2002. - Vol. 6, №2.- P. 1-16.

209. Freedman R. Russia and the Middle East: Primakov Era // Middle East Review of International Affairs. 1998. -Vol. 2, №2.

210. Freedman R. Russian-Iranian Relations in the 1990s // Middle East Review of International Affairs. 2000. - Vol. 4, №2. - P. 65-80.

211. Gnoli, Gherardo. The Idea of Iran. – Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1989. – P. 32 – 33.

212. Howard P. Constructivism and Foreign Policy. Presented at the Annual Meeting of International Politics.2005.

213. Hunter T. Iran after Khomeini. Washington , 1996. - P. 163.

214. Iran after the Revolution. Crisis of an Islamic state. I.B. Taurus. L.N.Y. 1996. C.89.110. IRNA 21.06.2007.

215. J. Mitzen. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma. European Journal of International Relations, vol.12, No.3, (2006).

216. J.Sterling-Folker. Realism and the Constructivist Challenge: Rejecting, Reconstructing or Rereading? International Studies Review. 1-4/73-100 (2002).

217. Jepperson R.L. and A.Wendt, Norms, identity and Culture in National Security, in Peter Katzenstein, the Culture of National Security, New York: Columbia University Press, 1996.

218. John L, James P. The Global Impact of the Iranian Revolution: a policy perspective // The Iranian Revolution its Global Impact. Miami, 1990.-P. 57.

219. Katouzian Homa. State and Society in Iran: The Eclipse of the Qajars and the Emergence of the Pahlavis, I.B. Taurus, 2000. – P. 77, 327–328.

220. Khatami S. Islam, liberty and development (President's inauguration speech) // Iran News daily. -1999. February. - P. 2.

221. Koch A., Wolf J. Iran's Nuclear Procurement Program: How Close to the Bomb? // *The Nonproliferation Review*. Fall, 1997. - Vol. 5, №1. - P. 123-135.
222. V.Kubalkova. *Foreign Policy in a Constructed World*, Armonk and London: M.E.Sharpe, 2001.
223. Maleki A. Cooperation a new of the Iranian foreign policy // *The Iranian Journal of International Affairs*. Vol. 5. - 1993. - № 1.
224. Maleki A., Afrasiabi K.L Iran's Foreign Policy After! 1 September // *The Brown Journal of World Affairs*. -Winter/Spring 2003. Vol: IX, Issue 2. P.1-11.
225. Mizin V. The Russia-Iran Nuclear Connection and US Policy' Options//*Middle East Review of International-Relations*. -2004: Vol.8, №1. - P.71-84.
226. Mohamad Tavakoli-Targhi. *Refashioning Iran: Language and Culture During the Constitutional Revolution.*–Iranian Studies, vol. 23, numbers 4, 1990. – P.77-101.
227. M. Zehfuss. *Constructivism in international Relations. The politics of reality* UK: Cambridge University press. 2004.
228. N. Onof. *World of our Making*, Sout Carolina: University of South Carolina press. (1989).
229. Nicholas Onuf. *Worlds of Our Making: the strange career of constructivism in IR*, in Donald J. Puchola, ed. *Visions of IR*, Columbic University of South Carolina Press. 1999.
230. Orlov V., Vinnikov A. The Great Guessing Game: Russia and the Iranian Nuclear Issue//*The Washington Quarterly*. Spring 2005.-Vol.28, №2.-P. 49-66.
231. Paul A. Kowert. *Toward a Constructivist Theory of Foreign Policy*, in Vendulka Kubalkova (ed), *Foreign Policy in a Constructed World*, New York: M.E. Sharpe, 2001.
232. Perkovich G., Mathews J., Cirincione J. Gottemoeller R., Wolfsthal J. -*Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security*. Washington, DC.CEIP-2005.-P.220.
233. Sanctions against Iran possible as last resort- Russian president (RIA Novosti). September 25, 2009 ,p.44/
234. Savory, Roger. *Iran under the Safavids*. – Cambridge: Cambridge

University Press, 1980. – P. 132.

235. Shaffer Brenda. Partners in Need: The strategic Relationship of Russia and Iran. The Washington institute for Near East Policy. May, 2001.

236. Siebers. J.a. Diplomacy not enough. Washington. Center for strategic and International studies, 1990.

237. Stempel, John D. Inside the Iranian Revolution. – Bloomington: Indiana University Press, 1981. – P. 117.

238. Quillen Ch. Iranian Nuclear Weapons Policy: Past, Present, and Possible Future // Middle East Review of International Affairs. 2002.-Vol.6,№ 2. -P.17-24.

239. R. Price and Chr. Reus-Smith. Dangerous Liaisons? Critical international Theory and Constructivism. European Journal of International Relations, vol.4,№.3, (1998).

240. R. Price. Dangerous Liasion Critical International Theory and constructivism. European Jornal of International Relation, vol. 34. №3 (1998).P.66.

241. Ronald Dannreuther. International Security. The Contemporary Agenda. Polity Press. 2007.

242. Rubin M.What are Iran's Domestic Priorities?//Middle East Review of International Affairs. 2002. - Vol. 6, №2. - P. 25-39.

243. Russia voices concern over Iran's Second enrichment plant. (RIA Novosti) September 25.

244. Takeyh R. Iran's Nuclear Calculations // World Policy Journal. - Summer 2003.-Vol. 20, №2.-P. 21-28.

245. The Cultural Viewpoints of the Leader of the Islamic Revolution of Iran Ayatollah Seyed Ali Khamenei. - Tehran, 2000. - P. 249.

246. The Future Security Environment in the Middle East. Conflict, Stability, and Political Change / Ed. by Bensahel N., Byman D. Corporation, Santa Monica.: RAND, 2004.-P.345.

247. US Send Data to Russia on Iran // Middle East Newslime 4. 2004. -May 29.

248. Velayati A. Speech dilivered before the 50-th Session of United Nations General Assembly in the New-York, 26.09.95 // The Iranian Journal of

International Affairs. Vol. VII. - 1996. - № 4. - P. 19.

249. Wehling F. Russian nuclear and missile exports to Iran // The Nonproliferation Review. Winter 1999. - Vol. 6, №2. - P. 134-143.

250. Wells M. Thermidor in the Islamic Republic of Iran: The Rise of Muhammad Khatami // British Journal of Middle Eastern Studies. 26(1). 1999. P. 27-39.

251. A. Went. Why a world State is Inevitable: Revisiting the logic of anarchy. Paper operated for presentation at the Annual Meeting of the International Studies Association in New Orleans. March, 2002.

252. A.Went. Collective Identity Formation and International State. American Political Science Review. (1994).

253. A. Went. Why a world State is Inevitable: Revisiting the logic of anarchy. Paper operated for presentation at the Annual Meeting of the International Studies Association in New Orleans. March, 2002. P.1.

254. F. Wilmer. The Social Construction of the Man, State and War. London Routledge, 2002.

Сайты

255. President Ahmadinejad's Speech Addressing the U.N. General Assembly Tuesday 23 September 2008.//Официальный сайт президента ИРИ// <http://un.president.ir/> 25.10:2008.

256. President condemns attempts to deprive Iran modern technology//President.ir. -2005. 27 September/<http://www.president.ir/eng/ahmadinejad/cronicnews/1384/07/05/index-e.htm#bl>;

257. Ахмадинежад выступает за расширение стратегических отношений с Россией.//http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=47371 21.06.2007.

258. Вопросы международной жизни и внешней политики Ирана с точки зрения Президента ИРИ <http://moscow.icro.ir> 15.01.2008.

259. Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между РФ и ИРИ /<http://www.iran.ru/rus/dogovor.php> - 21.03.2007.

260. Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления (Открытый доклад СВР за 1995 год) // Официальный сайт СВР РФ // <http://svr.gov.ru/material/4-0.html>
261. Шанхайская организация сотрудничества // [http://sco2009.ru/docs/sco/sco info.html](http://sco2009.ru/docs/sco/sco%20info.html) 30.06.2009
262. Арунова М.Р. Алеон А.А.Состояние российско-иранских отношений на современном этапе.// <http://www.jimes.ru/rus/stat.htm> 06.12.2008.
263. Визит Сергея Кириенко в Иран // РИА «Новости». 26.02.2006. // <http://www.rian.ru/review/20060226/43786852.html>
264. Иран в поисках нового статуса Итоги гоАа//<http://www.iran.ru/rus/newsiran.php?act> 15.01.2008.33.Иран и Россия: диалог
265. Кулагина Л.М. Внешняя политика Ирана после президентских выборов 2005г.// [http://www.iimes.ru/rus/frame stat.html](http://www.iimes.ru/rus/frame%20stat.html) 20.01.2006.
266. Рыков А.Г. Кризис вокруг Ирана и возможные сценарии развития событий // Институт Ближнего Востока// [http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/1 1-05-061.html](http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/1%201-05-061.html):т.
267. Golan G. Russia and Iran. A Strategic Partnership? London, 1998.106. [http://www.iran.ru/rus/news iran.php?act=newsbyid& n=1&news id =4997315](http://www.iran.ru/rus/news%20iran.php?act=newsbyid&n=1&news%20id=4997315). 01.2008.107.
268. [http://www.iran.ru/rus/news iran.php?act=news by id&](http://www.iran.ru/rus/news%20iran.php?act=news%20by%20id&) Амир Фаррухпаём. Тааммуле дар мафхуми хуввият. Ручуь кунед ба: www.jahanemrooz.com/articles/social/men/other-aricles/article-15879.aspx
269. news id=47371 21.06.2007. [http:// fa.alalm.ir/ news/327904](http://fa.alalm.ir/news/327904)
270. [http://www.Aftabnews.net.ir//prtjmievouqeiaz.fsfu.html](http://www.Aftabnews.net.ir/prtjmievouqeiaz.fsfu.html).
271. [http://www.bokhdinews.net.//world-news](http://www.bokhdinews.net//world-news).
272. [http://www.irdiplomacy.ir./fa/page/1901518](http://www.irdiplomacy.ir/fa/page/1901518)
273. HTTP/ strategicreview.org/1391/02/12
274. Хамидризо Азизи. Сиесати хоричии Русияи Путин ва чойгохи Эрон-Русия-Русия, фарвардини 91. www.russian.com
275. [www. Forum.iranblog.com](http://www.Forum.iranblog.com)

276. www.hamvatansalam.com/news24294.html; понедельник 10
исфанда 1373.
277. [www.dolati.ir/NSite/Fu//story/news/? Serv=0&d=216007](http://www.dolati.ir/NSite/Fu//story/news/?Serv=0&d=216007)
278. Мачид Девсолор. Руйкарди нигоҳ ба Шарк дар робитаи хориҷии
Эрон. Пагоҳи хавза. 2. Шахривари 1387, № 237.
279. www.Cms.mfa.gov.ir/cms/cms/Tehran/fa/news/99883.
280. www.dolat.ir/NSite/FullStory/?id=192439
281. www.tobnak.ir/Fa/news/253945
282. www.irannuc.ir/index.php?option=com_content&vie
283. Мухаммад Фархад Камини. Оё мавзуи Русия дар мавзуи хастаи
пойдор мемонад?/ www.idsp.ir/fa/pages/3cid=638
284. www.presstv.ir/detail/fa/148679.html
285. www.mardumsolori.com/temp_late1/news.aspx?NID=79596
286. www.irdiplomacy.ir/index.php
287. [http:// www.irannuclear.net/node/64](http://www.irannuclear.net/node/64)
288. [http:// www.irannuclear.net/node/66](http://www.irannuclear.net/node/66)
289. HTTP/ radiofarda.com/cjntent/02_eu_us_iran_nuclear/24573479.html.
290. HTTP/ www.afganstory.com/item
291. Стратежикаи Урупо дар киболи фаъолияти хастаии Эрон.
Thenonproliferation Review Spring, 2004. Мутарҷим Нилуфар Гадири.
Хамшахрии дипломатик. 23 ш. (11\7\83) ба накл аз:www.magiran.com/npview.asp
292. www.farsnews.com/printable.php.ir
293. Сафаров Р.: О иранской ядерной программе
<http://www.iran.ru/rus/news> 21.03.2007.
294. Конституция ИРИ; глава Ю.Внешняя - политика, ст.152.
(неофициальный перевод)/<http://www.iranambassv.ru/iran/konst.htm>.
10.01.2008.
295. Путин: Начать войну против Ирана было бы большой ошибкой//
<http://www.iran.ru/rus/news> iran.php. 20.12.2007.

296. Резолюция 56/6 принятая Генеральной Ассамблеей ООН, 21 ноября 2001 г.//[http://daccessdds.un.org/doc/ 21.11.2008](http://daccessdds.un.org/doc/21.11.2008).

297. Курс наставлений духовного лидера Исламской Революции Его Светлости аятоллы Хаменеи о ядерных технологиях Ирана//Русская служба Голоса Исламской Республики Иран //<http://www.irib.ir/worldservice/russiaradio/default.htm> (10:05.2008)

298. МИД РФ: Только СБ ООН может ограничить сотрудничество России с Ираном // ИРНА. 2006: - 20 апр.//www.irna.ir/ru/news/view/menu-3.htm

299. Послание Имама Хомейни М.С.Горбачёву//<http://www.iranembassy.ru>//Иран-Аятолла Хомейни. 25.08.2008.